

Феликс Мазур

« П Р Е П Ъ Е

ДЫХАНИЕ»

*О том,
что было в прошлом веке,
не забуду я вовеки.
Запишу себе в тетрадь,
чтобы смог я вспоминать
детство, юность и работу,
жизненные повороты,
достиженья разных вех
с переходом в новый век.*

Нетания, 2020

Ф.Г. Мазур **«Третье дыхание»**

«Третье дыхание» – третья книга воспоминаний о прожитом и пережитом, о том, чем жил, что делал, где бывал. Первые две – «Куда зовёт труба...» и «Земля Святая вдохновила...», выпущены соответственно в 2017 и 2019 годах.

В основе этой книги – воспоминания и размышления, навеянные вынужденной самоизоляцией и карантином из-за коронавирусного нашествия.

«Третье дыхание» – это не трактат о правильном дыхании с медицинской точки зрения. Это анализ ситуации, приведшей к появлению свободного и лёгкого – «творческого» дыхания, то есть, фактически «третьего дыхания», поскольку «второе» и «первое» я уже испытывал ранее.

В книге упоминаются детские и юношеские годы, рассказывается о работе в Заполярье, в московских проектных институтах, в редакции журнала «Юность».

Каждому этапу жизни, по моим понятиям, соответствовал особый уровень «свободного дыхания», который я характеризовал разными фазами. «Третье дыхание», наиболее энергичное и «свободное», возникло уже в Израиле.

Охраняется законом об авторском праве.

Воспроизведение книги или любой её части каким-либо способом разрешается с обязательной ссылкой на источник.

© **Ф.Г. Мазур. «Третье дыхание»**

Все права принадлежат автору

Редактор **Феликс Мазур**
Вёрстка – **Игорь Мазур**

Издательство ABCprint
www.printabc.co.il
НЕТАНИЯ, 2020

От автора

Это третья книга воспоминаний о том, чем жил, что делал, где бывал. Первые две – **«Куда зовёт труба»** и **«Земля Святая вдохновила»** – объёмом по

350 страниц, изданные в 2017 и 2019 годах, не вместили всё, что мне, автору, кажется важным, интересным и заслуживающим того, чтобы с этим познакомить читателей. В то же время, я не намерен писать сагу о своей жизни, описывать малозначащие для всех, да и для меня самого, ситуации, связанные с рутинной повседневностью, с учёбой и последующей работой изыскателя, проектировщика, редактора и издателя.

Но на каждом этапе случались разные обстоятельства, встречались разные люди с разными характерами; были, порой непростые, взаимоотношения с коллегами-сослуживцами, с подчинёнными и начальством. Особенно «тонкими» и чувствительными были взаимоотношения с авторами, приносившими свои статьи и стихи для публикации в газете «Радуга жизни». Дело в том, что эти люди, как правило, честолобивы, обидчивы, некоторые слишком «упёртые». К ним нужен был «особый подход». И об этом, по возможности, расскажу в этой книге.

Я надеюсь вспомнить о том, чем жил, что чувствовал, чему был свидетелем, куда спешил, чего достиг и что упустил. Но не хочу, чтобы в моём рассказе кто-то узрел обиду, злость, негодование по прошлому, когда сталкивался с несправедливостью и обманом, хотя ситуации были далеко не «шоколадными». Об этом написано в ранее изданных мною книгах, поэтому там, где мне покажется уместным, я размещу отрывки из них. В книге будет много поэтических строк, которые встречались в ранее выпущенных сборниках, но окажутся уместными и здесь, по ходу изложения.

Довольно часто используется выражение: «**Что вижу – то пою**». Аналогично и мне хочется сказать: «**Что вспоминаю – о том пишу**». Поэтому последовательность изложения мыслей и событий в книге может читателю показаться странной, нелогичной, сумбурной и вовсе непривычной. Но если пролистать книгу до конца, надеюсь, логика рассуждений станет понятной.

Может показаться странным название книги – «**Третье дыхание**». В самом деле, почему не «второе», широко известное и понятное всем? А тут – «третье»! Что оно означает в моём конкретном случае? Попробую разобраться, что же это такое – «**третье дыхание**». Ему, видимо, должны предшествовать «второе дыхание» и «первое дыхание».

На этом преамбулу заканчиваю и приступаю к спокойному, насколько это будет возможно, изложению.

Глава 1. «Что наша жизнь?..»

Жизнь сложна, разнообразна и непредсказуема. И моя жизнь не была прямолинейной, лёгкой, однообразной, стабильной. Судьба вела меня зигзагами, но постоянно – вперёд и вверх и постоянно меняя сферу деятельности, и постоянно с переходом на новую, более интересную платформу.

1.1. О стабильности и постоянстве

Вообще, в природе ничего стабильного и абсолютно постоянного нет. В многолетнем разрезе даже горы изменяются. **«Всё течёт, всё меняется»**, – говаривал старик Гераклит, а затем неоднократно повторял Платон. Это особенно характерно и для нашего времени, когда не только в природе нет постоянства, и мы это наблюдаем и порою болезненно реагируем на разбушевавшуюся стихию, но и в обычной жизни.

Ежедневно, если не ежеминутно, появляются новые устройства, средства, программы, телефония, интернет с массой возможностей, цифровизация... Сегодня уже невозможно опираться на прежние – десяти- или двадцатилетней давности – правила и устои, законы, прошлый опыт или советы. Даже взаимоотношения между людьми, обществом и государством – не те, что прежде, и зачастую – на более «низком», ненадёжном, уровне.

Меняется всё – законы, взаимоотношения в обществе, между просителями и чиновничеством. Меняется транспорт, скорости и расписания; меняются способы обучения, технологии и виды продукции. **К сожалению, сегодня невозможно жить «вчерашним днём», доверяя слову или бумаге, даже с подписью и печатью.** Иногда приходится перепроверять, уточнять, сомневаться...

О необходимости всё подвергать сомнению утверждал и автор знаменитой прямоугольной системы координат **Рене Декарт**, обосновавший это в специальном труде «**Сомневайся во всем**». А великий наш современник и мудрый человек **Кирилл Лавров** высказывался, что **не уважает тех, кто ни в чём не сомневается** и утверждал: «**ничто не остается прежним**».

1.2. О первичном и вторичном

Когда-то были горячие споры о том, что первично и что вторично – материя или сознание, материя или дух, бытие или сознание. Сегодня в умах людей – искренне или нет, надолго или нет – утвердилась идея первичности духа. Сейчас споров на эту тему практически не слышно, но идея религиозной духовности преобладает – «кто не верует, тот бездуховный!» Здесь прерву эту тему, иначе получится совсем другая книга.

Говоря о первичности и вторичности, я имею в виду совсем другое, экологическое обоснование:

взаимодействие и взаимоотношения человека и природы.

Вот здесь **первична – природа**, а всё сущее, живое, заселившее земной шарик, безусловно – **вторично!** Мы обязаны уважительно относиться к природе, природным ресурсам и природным явлениям, которые в последнее время проявляют особо неожиданный и крутой нрав. Поэтому мы должны **не столько «перделывать» природу, сколько приспособливаться к ней и её характеру, в первую очередь, защищаясь.**

О природе и погоде

У природы нет плохой погоды...

Эльдар Рязанов

*Пишу я о природе,
В основном, –
О странностях в погоде
И о том,
Что все её лихие
Проявленья –
Обычные природные
Явленья.*

Авторское

***Тёмной ночью и днём,
Где в миру пребываем,
Мы в тревогах живём
И беды ожидаем –
От друзей и врагов,
От ненастной погоды,
От воды и снегов,
От безумства природы.***

*Хороши ли, плохи –
Проявления обычны.
Эти буйства стихий
Происходят циклично.
И не надо считать,
Что природа ошиблась,
Как нельзя утверждать,
Что всё сущее – гибло...*

*Что-то мы узнаём,
И о чём-то мечтаем...
Жизнь – большой водоём
И мы в нём обитаем.
Это мы сознаём,
Глубоко понимаем,
Нашу суть познаём,
Но всё меньше мы знаем.*

*И конца не видать
Познаванию природы.
И не надо пенять
На капризы погоды.
Надо к ним привыкать,
В основном – подчиняясь,
И, что есть, принимать,
И, как мочь, защищаясь.*

*Тёмной ночью и днём,
Где в миру пребываем,
Мы в тревогах живём...*

Как инженер-гидролог, я мог бы объяснить, почему в последние годы дождевые паводки в некоторых районах земли столь неожиданны и катастрофичны. Как практический эколог, издававший в своё время экологическую газету, я мог бы рассказать, где можно, а где нежелательно или вовсе недопустимо возводить жилые комплексы и производственные сооружения. Это тоже тема для совсем другой книги.

Но поскольку значительная часть моей инженерной работы была связана с изучением природы, разработкой технических решений по её защите и сохранению, а затем и с просветительской деятельностью через экологическую газету, я не смог устоять перед соблазном высказаться в защиту природы, отдать ей **приоритет первичности** перед «грешным» **человечеством**.

1.3. Никто судьбы своей не знает

Вот и задумал я, чтобы вынужденное заточение не повлияло на психологическое состояние, а время изоляции «пролетело» быстрее, записывать то, что вспоминается о прошлой жизни, да и о нынешней и, по возможности, с позитивным настроем. Если получится что-либо цельное, возможно, оформлю в виде книги.

Воспоминания, уходящие в прошлое, появляются в любое время суток и в любой обстановке, а в условиях вирусного карантина – чаще, чем обычно. Но далеко не все события и поступки следует

помещать в книгу воспоминаний. Многое и для меня не кажется существенным, а уж для читателя – тем более. Я стараюсь вспомнить то, что так или иначе влияло на выбор жизненного пути, смену интересов, поиск чего-то нового, то есть на судьбу.

Рано или поздно, часто или изредка, но мы задумываемся о прошедшей жизни и о сложившейся судьбе. Кто-то пытается заранее предугадать линию судьбы, прибегая к помощи экстрасенсов, астрологов, ясновидящих, да и гадалок.

Я вспоминаю эпизод, когда входила в моду астрология, популяризируемая Павлом Глобой. Я тогда жил на Арбате и был приглашён друзьями послушать его лекции, которые проводились в одной из квартир в районе Арбата. Я посетил несколько лекций. Это было ново и интересно, и рассказчиком он был великолепным.

Когда объявили о следующей дате встречи, я сказал, что, к сожалению, не смогу прийти, потому что буду в командировке в Тюменской области. Сразу несколько человек, в основном женщины, обступили меня и стали объяснять, что я не должен просто так отправляться в командировку. Надо обязательно составить личный гороскоп и по нему определить, можно ли мне в эти числа куда-то уезжать. И вообще, надо, мол, все свои серьёзные планы согласовывать с показаниями гороскопа. Мои объяснения, что я еду не один, а с группой инженеров, и менять сроки командировки просто невозможно, категорически не были услышаны и не были поняты. Я видел, насколько искренне они

недоумевали из-за моей категоричности. В общем, в этой компании я больше не появлялся.

Я всегда считал и сейчас придерживаюсь мнения, что лучше не знать, не гадать и не прислушиваться к предсказателям будущего, то есть о том, что в конце жизни можно рассматривать как судьбу. На эту тему я сочинил немало строчек; одно из стихотворений приведу ниже.

*Никто судьбы своей не знает,
Не представляет наперёд,
Что он найдёт, что потеряет,
Что завтра с ним произойдёт.*

*Беспечно по земле шагаем,
К деньгам и славе торопясь...
Не сознаём, не понимаем,
Что жизнь даётся только раз.*

*Но как прожить её достойно,
Чтоб на закате долгих лет
И чувствовать себя спокойно,
И о прошедшем не жалеть?!*

Я рад, что мои размышления совпадают с мыслями прекрасного поэта нашего времени Андрея Дементьева:

<p>Никто не знает, что нас ждёт. А мы судьбе не доверяем. Никто не знает наперёд, Где мы найдём, где потеряем.</p>
--

1.4. Не всегда мечты сбываются

Мечты – детские и юношеские – в прямом смысле не осуществились, но в косвенном – вполне, поэтому, хоть не избежал несправедливостей, ни на кого обиды не держу. Стоит ли жалеть, что детско-юношеские мечты не осуществились? Я себе самому ответил стихотворением, к которому подобрал мелодию, применив эпиграф из Высоцкого:

Года летят...

*Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее,
Умоляю вас вскачь не лететь.
Но что-то кони мне попались привередливые...*

Вл. Высоцкий

**Года, года – летят, как птицы,
Как листики календаря...
Перелистал я все страницы,
Судьбу с мечтою примиря.
Мечты остались позади,
И забываются невзгоды.
Не знаю, что там впереди,
Но улетают наши годы...**

*А иногда – на небе тучи
И в жизни – пасмурно и скверно...
Тогда, пожалуй, будет лучше
Отвлечься чем-нибудь, наверно.
Возможно, взять гитару в руку,
По струнам проведя небрежно,
Преодолеть волненье, скуку
Напеть романс душевно, нежно...*

**Года, года – увы, не птицы,
Что улетают за моря.**

Года не смогут возвратиться
Подобно птицам. А ведь зря!
Судьбу свою благодарю,
И нет претензий ни к кому.
Улыбку солнцу я дарю
И верю чувству своему.
*А жизнь проходит не условно...
Она реальна, в самом деле.
И солнце светит – безусловно
Всегда – и в марте, и в апреле!..
Пускай не все сбылись желанья –
Я часто шёл по первопутку,
Где было много испытаний
Души и тела, и не в шутку!..*

Года, года – увы, не птицы,
Что улетают за моря.
Года не смогут повториться,
Как ежедневная заря.
Мечты остались позади,
И забываются невзгоды.
Не знаю, что там впереди...

А зачем мне знать, что там, впереди? Не знаю, и знать не хочу, что впереди... И думать об этом не желаю! Знаю одно:

улетают наши годы...

*Чуть помедленнее, годы! Чуть помедленнее!..
Ну, спешить вам зачем и куда?!
Отчего же вы, года, привередливые?
Не бегите же в даль, в никуда!!!
Отчего же вы, года, привередливые?
Не бегите же в даль, в никуда!!!*

24 мая 2019 года,
Нетания

Глава 2. Как живётся в изоляции

Что и говорить – несладко. Вспоминается Лермонтов:

И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды... Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?.. А годы проходят — все лучшие годы!
--

Можно каждую строчку разбирать, как, бывало, школьное сочинение, применительно к нашим обстоятельствам. Ну, в самом деле, разве не грустно от того, что не только подать руку нельзя, даже утопающему, но и просто поздороваться привычным образом. Теперь для этого приспосабливаем локти или ступни ног. Трудно сохранить душевное спокойствие, понимая, что лучшие годы, при вынужденной самоизоляции, покидают нас, уходят...

Самое главное и досадное: конца не видеть этой проблеме, когда опасный враг – невидимый, неосязаемый, неосязаемый – отступит и покинет нашу среду обитания навсегда.

2.1. Кого-то мучает бессонница

Бывает, неважно – в долгие зимние или в короткие летние ночи одолевает бессонница – тяжёлый недуг и каждый старается по-своему его преодолеть. А в условиях жёсткого карантина и безвременной самоизоляции многие страдают больше, чем обычно. Можно смотреть телевизор (пагубная привычка), можно читать книги (лишь бы

глаза не устали), можно «очищать» холодильник (вредно!), а можно, удобно расположившись за любимым письменным столом, взять в руки перо, обмакнуть в чернила и начать заполнять чистые листы бумаги своими воспоминаниями, стараясь ничего не придумывать и не добавлять того, что, возможно, привиделось когда-то.

Кое-кто, не в силах устоять перед искушением выстроить какие-либо сюжеты, пытается, включив свою фантазию, составить что-то логичное и реалистичное. В этом, наверно, виновата та самая бессонница, и автор вспоминает о том, как в годы молодые, достаточно было только прислониться к подушке, мгновенно засыпал – в любой обстановке. Я тоже вспоминаю:

В юношеские годы, во время учёбы в институте, в летнее время, вместе с друзьями, отправился в гидрологическую экспедицию в казахстанскую целину, где мы занимались поиском и оценкой водных ресурсов этой безводной степи. Руководил изыскательской партией, в прошлом военный гидрограф, Селезнёв (к сожалению, имя и отчество не припомню). Это был чёткий и строгий начальник, но добрый и с чувством юмора. Он требовал подчиняться заведённому распорядку дня – подъём в 6 утра, отбой в 22. А поскольку ранний подъём для нас, молодых и беспечных, был невероятной мукой, он, после гонга, громогласно объявлял:

– Эй, полуночники, бездельники, лентяи и дармоеды, подъём! Вставайте, а то завтрак проспите. Работа вас ждёт, хотя знает, что для

вас характерны: **крепкий сон, зверский аппетит и полное отвращение к труду!**

Конечно, мы понимали шутки, и на нашего начальника не обижались. В этой экспедиции приходилось «вкалывать на совесть», что приводило к усталости; потому и спали беспробудно до самого гонга.

Должен отметить, что относительно крепким, хоть и чутким, сном я «страдаю» и поныне, аппетит вполне умеренный, даже ниже среднего, а к труду всегда относился, как к осознанной необходимости. В послевоенные годы мы, дети, учась в школе, прекрасно понимали, что взрослые работают над восстановлением разрушенного хозяйства страны, одновременно борясь с националистическими бандами, члены которых днём к себе внимание не привлекали, а по ночам устраивали нападения на мирных людей и активистов, и уже тогда

*Мы, мальчишки, сожалели,
Что годами не успели,
Что не можем с бандой биться,
А обязаны учиться.
Нам работы не дают,
И в солдаты не берут.
Было искренне обидно
И, на старших глядя, стыдно:
Мы мечтали повзрослеть,
За штурвал скорее сесть
Или строить стены, зданья
В разных сферах созиданья –
Восстанавливать страну...*

2.2. Почему и о чём пишут в воспоминаниях?

Уверен, всяк, рано или поздно вспоминает о прошлом. Как далеко в прошлое «уносят» человека воспоминания – у всех по-разному. Кто-то устно делится ими, а иной фиксирует в письменном виде. Это происходит и при активной занятости, и при избытке свободного времени. А если для активного энергичного человека наступает период вынужденного безделья, как это произошло при неожиданном коронавирусном нашествии 2020 года, – что ему ещё остаётся?

Многие авторы в жанре воспоминаний (а это, как правило, люди немолодые) рассказывая о своей жизни, сообщают не только об успехах и достижениях, но уделяют немало места описанию трудностей, бед и несправедливостей, встреченных на жизненном пути. В мемуарной литературе последнего периода жалобное и острокритическое направление в адрес недавнего прошлого превалирует, зачастую сопровождается бездоказательным брюзжанием и ненавистью. Здесь хочется вспомнить мудрого человека и прекрасного поэта Андрея Дементьева, который высказался так:

Быть стариками – не простая штука. Не все умеют стариками быть. Дожить до старости – ещё не вся наука, Куда трудней достоинство хранить. Не опуститься, не поддаться хвори, Болячками другим не докучать, Уметь остановиться в разговоре, Поменьше наставлять и поучать. Не требовать излишнего вниманья,

Обид, претензий к близким не копить До старческого не дойти брюзжания; Совсем не просто стариками быть.

Дементьев предостерегает от искушения вызывать к себе жалость, сочувствие, а к тем, от кого или от чего пострадали – направлять свою ненависть, злость и обиду навсегда... При этом, даже если и упоминается что-либо позитивное из прошлой жизни, то используется клише: «**это не благодаря, а вопреки**». Тем, кто умиляется этим изречением, предлагаю внимательно вчитаться в стихотворение **Александра Кушнера**, которое начинается словами: «**Времена не выбирают, в них живут и умирают**».

Мне тоже довелось хлебнуть лиха, но не противопоставляю свои беды или неудачи с тем, что довелось испытать другим. У каждого своя судьба и свои переживания, и надо признавать, что в целом любое общество не может быть идеально справедливым, просто такое невозможно. Вряд ли кто-нибудь сейчас всерьёз воспринимает «Город солнца» Кампанеллы или мечтает о других утопических принципах взаимоотношений в обществе и между людьми.

Если что и вспоминаю негативное – не для того, чтобы вызвать у читателя отрицательные эмоции или настроиться на вечную ненависть к прошлому. Жизнь подчас сурова и несправедлива, и даже если это идёт от конкретного человека (коллеги, начальника, чиновника...) – не значит, что в мире всё жестоко! Считаю – обиды надо забывать, а ненависть и злобу – вытеснять из души и сердца.

Что касается глагола «прощать» – по моему мнению, это очень сложное и не однозначное действие, чтобы одной фразой его охарактеризовать, объяснить и применять. Скажу определённо: прощать можно только нечаянную неловкость, но не злонамеренный поступок.

2.3. Меня порой не понимают

Я всегда говорил, что стихи ни в детстве, ни в юности не писал. Отдельные пробы поиска рифм – не в счёт. Но поэзию любил, многое знал и, кажется, понимал. Однако на сочинительство не посягал. Увлечение поэзией пришло в период работы в редакции журнала «Юность» в середине 90-х прошлого века. (До чего же давно это было!..).

Тогда же, ещё не имея публикаций, вместе с коллегами начал выступать в различных аудиториях. Субъективно чувствовал позитивное отношение к моим выступлениям и стихам, и потому не отказывался от приглашений. Мне особенно интересны были последующие обсуждения стихов – у слушателей появлялись вопросы и возникало желание высказаться по затронутым темам.

Были случаи, когда просили размножить стихи на ксероксе и раздать желающим. Благодаря этому, одно из лирических стихотворений дошло до неизвестного мне читателя, по-видимому, композитора или барда, **Сергея Денежкина**, который сочинил мелодию на эти стихи, прекрасно аранжировал, исполнил и записал на диске. Этот диск

совершенно непонятным образом попал ко мне, и я во время выступлений иногда ставлю его на прослушивание.

В последующие годы, когда появилось у меня несколько поэтических сборников, я начал проводить свои творческие вечера и литературные встречи с читателями. Это невозможно было бы делать, если бы было скучно или не интересно.

Здесь уместно хотя бы перечислить некоторые случаи, связанные с общением с читателями и теми, кому интересно моё творчество. Вот, к примеру, неоднократно проходили творческие вечера в Нетании, встречи в Хадере, Ашдоде, Хайфе, в библиотеках и в других аудиториях в Москве; особенно памятны ежегодные встречи с друзьями в Москве и в Питере. Возможно, для описания некоторых встреч найдётся подходящее место в книге, постараюсь не забыть.

В то же время, с сожалением отмечаю, что кое-кто к моему творчеству относится безразлично, а, может быть, с недоумением.

*Я выстрадал свои стихи...
Писал их, сердце надрывая...
Хоть кто-то к ним бывал глухим,
А я писал – переживая...
Я звёзды с неба не снимал
И честолюбия – нисколько!..
Да, кое-кто меня признал,
А кто-то прочитал – и только...
А кто-то даже не читал,
Лишь пролистал листки вальяжно,*

И со стихами засыпал...

Ах, впрочем, это всё неважно!

Да, неважно!.. Неважно, потому что есть люди, которых мои стихи затронули. А вообще, зачем я пишу и выпускаю книги? Понятно, что здесь никакого коммерческого интереса нет – тиражи невелики. Интерес в другом – иметь возможность общаться с людьми, дарить слушателям и друзьям что-то от себя, сделанное собственными руками и сердцем. Кроме того, если появляется возможность при выступлениях обсуждать со слушателями те или иные вопросы, затронутые в стихах – это самый сладкий бальзам на душу автора. Но есть и другие – их не очень много, которых поэзия не привлекает.

Меня порой не понимают

И смотрят, как на чудака:

Не только книги не читают,

Сюжеты не воспринимают, –

Поглядывают свысока.

А я пишу не для престижа

И не для выгоды какой...

Стихом я поднимаюсь выше,

А сутью остаюсь поближе

Не к небесам – к земле родной.

Пусть сюжеты примитивны –

Печаль, романтика, любовь...

Герои добры и наивны,

Как правило, не агрессивны –

О них пишу я вновь и вновь.

Зачем пишу я постоянно –

Мне не нужны букеты роз...

*Порой стихи мои печальны,
А, может быть, местами странны,
И я, как автор, слишком прост?
Ну, почему не понимают
И смотрят, как на чудака,
Что пишет, пишет... Хотя знает,
Что книги нынче не читают...
Но книги проживут века!*

Я доволен тем, что некоторые из моих книг, находящиеся в солидных библиотеках мира – в Российской государственной библиотеке, известной как «Ленинка», в Национальной библиотеке Израиля (Иерусалим), в библиотеке Гарвардского университета (США), а также в библиотеках Москвы, в музее «Энергия мужества» (Хадера, Израиль) – сохранятся надолго. (Должен ответственно заметить, что никому никогда не «навязывал» свои книги).

2.4. «Нет права в парке погулять»

Воспоминания относят меня то к детскому периоду, то буквально ко вчерашним событиям, поэтому, в тексте, возможно, будет временная мешанина. А к воспоминаниям добавляются ночные сны, настолько подробные и реальные, что хочется запомнить и наяву воспроизвести в рассказе – устном или письменном. Но, увы, поутру, сколь ни напрягай память, ничего связного не получается. Бывает, прекрасно помню, что во время видений думал о том, что это не забуду и утром расскажу жене. А вот Лиля обладала способностью запоми-

нать и в подробностях пересказывать сны. Как оказалось, она не только сны помнила, но и стихи, которые ей, как она говорила, «приходили» из Космоса. Вот несколько её строчек:

Иногда в ночной тиши Хоть вставай, стихи пиши. Кто-то мне диктует в уши: Не пиши, а просто слушай. Первая строка готова! Не волнуйся, право слово: Вслед за ней придёт вторая. ... Так и пишешь, доверяя.
--

Но не о снах и сновидениях хочу я поведать в этой книге. Здесь рассказываю о том, что не попало в ранее изданные сборники, но, так или иначе, оставило след в душе и, как иногда говорят, «рубцы на сердце».

Не знаю, как у других, а у меня после выпуска каждой книги оставалось ощущение недосказанности, похоже, упущено что-то важное, вполне заслуживающее размещения на страницах издания. И вот, в непривычных для всех условиях вирусного карантина и добровольного, хотя и по указу, самозаточения в тесном пространстве, появилось свободное время. Тут и решил я, поскольку

***Нет права в парке погулять,
Но будет время чем занять:
Обыкновенной писаниной –
Разнообразной мешаниной ...
И нам, возможно, повезёт:
Глядишь, и карантин пройдёт.***

2.5. О чём писать?

Наверно, пора уже обосновать название этой книги – «Третье дыхание». Содержание предыдущих страниц не даёт достаточного объяснения, почему такое название. Но я попробую изложить логическую линию. Есть загадочные, сакральные, числа, к которым относится и цифра 3. Не зря она очень часто используется в поговорках, например:

«Обещанного три года ждут» «Три раза отмерь, один – отрежь» «Хождение за три моря» «Бог троицу любит» «Заблудился в трёх соснах» «Наговорить с три короба» и много-много подобного.

Для меня цифра 3 тоже не чужая, и я её иногда эксплуатирую. В первом сборнике стихов «**Радуга жизни**» на обложке можно увидеть такое:

***Я написал три сборника стихов.
Они ещё не вышли из печати.
Возможно, скоро буду я готов
Оставить этот мир, совсем некстати.***

.....
***С убеждением скажу, без сомнений:
Не нужны мне в дорогу награды,
Но три книжки моих размышлений
Пусть со мною покоятся – рядом.***

Эта книга была издана в 2004 году (таково было моё настроение в ту пору), а в «портфеле» лежали рукописи ещё двух поэтических сборников.

Я полагал выпустить эти три книги – трилогию, триптих, триаду – и на этом завершить свою литературную эпопею. Так бы и произошло, если бы не представилась возможность получить реальную медицинскую помощь в Израиле. (Забегая вперёд, отмечу, что именно здесь я ощутил состояние возникшего **«третьего дыхания»** – творческого).

Затем, в поэме **«Судьба и Случай»**, я описал **три** случайно произошедших события, сыгравших решающую роль в моей дальнейшей жизни и судьбе.

А в 2014 году в сборнике **«Мелодии жизни»** я разместил стихотворение

Три танца

*Закружмся в быстром вальсе,
Обо всём забыв на свете.
Ты о прошлом не печалься –
Мы пред будущим в ответе.*

*Плавным танго вдохновимся,
Снова вспомним про бывшее,
А потом уединимся
В упоительном покое.*

*Суета шагов фокстрота
Нам про молодость напомнит –
Два-три резких разворота
Сердце радостью наполнит.*

(Полагаю, этих примеров достаточно).

Глава 3. Немного о тайнах нашей жизни

То, о чём я здесь напишу – давно не тайна, но мы редко и не везде, и не всегда акцентируем наше внимание на этом факте. Все знают о вселенском движении, пульсации, излучении, вибрации... Как говорится, – «ни минуты покоя». Да, всё в нашем подлунном мире находится в движении – это всем известно. Движение – это, действительно, жизнь. **Аристотелю** приписывают такое изречение: «**Движение – это жизнь, а жизнь – это движение!**» С Аристотелем не поспоришь!.. А по Энгельсу, «жизнь» – есть характеристика состояния организма, подразумевающая «способ существования белковых тел» с постоянным обменом веществ с окружающей средой. Другими словами, вернее, словами Аристотеля, «жизнь – это движение», и пока мы живём, мы, если не ленимся, стараемся побольше двигаться думаем и заботимся о здоровье – своём и наших близких. Попробуем разобраться, что же такое – здоровье?

3.1. Вибрации и иммунитет

Нашёл в интернете такое определение здоровья:

« Физическое здоровье человека – это естественное состояние организма, обусловленное нормальным функционированием всех его органов и систем.

Духовное здоровье человека – это система его мышления и отношение к окружающему миру. Оно зависит от умения строить свои взаимоотношения с другими людьми.

Социальное здоровье – это состояние организма, определяющее способность человека контактировать с социумом. Оно складывается под влиянием семьи, друзей, коллег по работе...»

Я не собираюсь развивать эти тезисы и сочинять трактат на тему физического, духовного или социального здоровья, ибо ничего нового открывать не придётся: библиотеки и интернет переполнены информацией на эту тему – в той или иной степени достоверную. Остановлюсь лишь на том, что обусловлено коронавирусом нападением. Нельзя не согласиться со специалистами, что, помимо механической защиты лица и рук, соблюдения дистанции, **человеку необходимо обладать крепким иммунитетом.**

А что это такое? Я далёк от медицины, и потому, видимо, не представляю себе эту «вещь», «предмет» или «состояние». Не знаю, можно ли его «пощупать», измерить или сфотографировать, на худой конец. Много в живом организме понятно и ощутимо даже дилетанту: руки, ноги, голова; внутренние органы и их элементы (сердце, почки, печень, глаза), сосудистая система (вены, клапаны, бляшки, эритроциты), костная система и прочие премудрости, понятные всем.

Но что такое иммунитет, как он выглядит?! Что значит «сильный» и как этого добиться? Почему

нам говорят: чтобы противостоять вирусному воздействию, надо обладать сильным иммунитетом? Я не спорю, хотя, повторяюсь, даже при наличии определённой способности к фантазированию, не могу себе его представить.

Я, пожалуй, злоупотребил собственными непрофессиональными, а, скорее, эмоциональными рассуждениями об иммунитете. Не дай Бог попасться с этими рассуждениями «на зуб» медицинскому специалисту – «загрызёт»!

Может, заглянуть в интернет? Ага, полно информации. Возьму первую попавшуюся цитату:

<p>«Иммунитет – это способность организма человека распознавать чужеродные соединения и тела и уничтожать их.</p> <p>...Иммунитет – это защитная реакция организма».</p>
--

Ну, конечно... Так и есть: «способность», «реакция»... Это не потрогаешь, не увидишь, не почувствуешь ни вкуса, ни даже запаха!.. Но он, иммунитет, есть, он существует! И, видимо, имеет разные уровни – от низкого до высокого. Это, вполне логичное объяснение из множества всевозможных, которые попадались мне в интернете, я воспринимаю с достаточной мерой доверия и понимания.

3.2. Признаки уровня иммунитета

Не знаю, насколько они объективны, но предлагаются разные способы оценки иммунного состояния человека, чаще всего через его «ауру», то есть, биоэнергетическую защиту, биополе. А что думает об этом академическая наука? Рискну предположить, что ни в одном (?!) государственном медицинском учреждении подобным способом не оценивают состояние здоровья человека.

Мне по душе такое объяснение (хотя оно не единственное!). Суть его заключается в том, что у живых организмов, в том числе и у человека, постоянно присутствуют признаки пульсации, вибрации... Мы и все наши органы постоянно излучаем определённую энергию, пульсируем, вибрируем на разной частоте, и, если частота колебаний находится в пределах нормы, организм и органы здоровы, а наши поступки и реакции – умеренны и органичны.

Отклонения частот колебаний в сторону уменьшения проявляются состоянием страха, гордыни, обиды и т.д. Напротив, некоторое повышение частот способствует внутренней уверенности, благодарности, любви, а также укреплению иммунитета.

Итак, мы вибрируем, вибрируют все наши органы и элементы тела, да ещё и с разной частотой, и это вряд ли многим известно. Иной скажет: «Ну и что? Пусть себе вибрируют, а мне зачем это знать?» Повторюсь. Как утверждают некоторые специа-

листы, каждый орган имеет свою, «нормальную», частоту колебаний. Отклонение от нормы ведёт к отклонениям от нормального здоровья того или иного органа, да и всего организма. Может показаться странным, но состояние и поведение человека связано с его вибрациями. Если мы нервные, злые, злопамятные, наши вибрации низкие; если мы великодушны, благородны и благодарны, искренне сострадаем и любим – вибрации высокие. И ещё что подмечено: высокие вибрации человека способствуют укреплению иммунитета. А это так важно в условиях пандемии, поскольку, как утверждается, при крепком иммунитете организм перед вирусом устоит!

В заключение этой темы, приведу некоторые данные из интернета (не для скептиков!) о вибрациях, связанных с психологическим состоянием человека. Скептики – люди, часто сомневающиеся и, в то же время, догматически относящиеся к новизне, вполне возможно, характеризуются невысокой частотой собственных колебаний, и наверняка отнесутся с недоверием и к этим данным:

<p>Горе даёт вибрации от 0,1 до 2 Гц; страх – от 0,2 до 2,2 Гц; обида – от 0,6 до 3,3 Гц; раздражение – от 0,9 до 3,8 Гц; вспыльчивость – 0,9 Гц; гнев – 1,4 Гц; гордыня – 0,8 Гц; мания величия – 3,1 Гц.</p>	<p>Великодушные даёт вибрации 95 Гц; благодарность (спасибо) – 45 Гц; сердечная благодар-ность – от 140 Гц; сострадание – от 150 Гц и выше; любовь головой– 50 Гц; любовь, генерируемая сердцем – от 150 Гц.</p>
---	---

*«Коронавирус
боится высоких частот колебаний», –
Обращают на это
особое наше внимание:*

*«Пессимистам
присуще своё при беде толкование,
И на них этот вирус,
конечно, окажет влияние».*

*Понимая, что вас,
как и всех, не обходят страдания,
Я хочу обязательно
всем передать пожелание –
Необычно,
но всё же полезная есть информация:
Повышайте в себе
частоту колебаний, вибрации.*

*Оптимистами будьте,
живите всегда в позитиве
И без паники,
и без привычного нам негатива.*

3.3. Что с вакциной?

Я убеждён: если это справедливо хотя бы отчасти, почему вся исследовательская медицинская отрасль – во всём мире – «в поте лица» трудится в основном только над выработкой вакцины к данному типу вируса, понимая и утверждая, что на

это требуется много времени. К моменту создания чего-то эффективного этот тип вируса может «затаиться», переродиться в иную форму (мутировать), активироваться в виде второй волны. Для борьбы с вирусом долгожданная вакцина может оказаться бесполезной, а, может, и опасной. Если бы люди смогли на две-три недели эффективно самоизолироваться, возможно, и вирус самоликвидировался бы.

Вспоминается притча про Ходжу Насреддина, который, перелистывая страницы Корана перед ишаком, обучал его богословию. На замечание чайханщика, что невозможно ишака обучить богословию даже за двадцать лет, и пусть хозяин ишака заранее простится со своей головой, так как эмир жесток, Ходжа ответил, что за двадцать лет кто-нибудь умрёт – или он сам, или эмир, или ишак.

Так и с вакциной, которая появится очень нескоро – кто-то тяжело переболеет и излечится, кому-то ничего не поможет, а там, глядишь, этот вирус или изменится, или сам по себе сгинет. А для нового мутанта потребуется новая вакцина и новое время для её создания и проверки.

Мои рассуждения абсолютно дилетантские и рождаются исключительно моей собственной логикой. А логика, как известно, бывает субъективно-одиозной – надеюсь, не в моём случае. Конечно, я мечтаю, чтобы ожидаемая вакцина была **мега-универсальна** – на все возможные виды вирусов. Как говорят, «мечтать не вредно».

Возникают ряд вопросов. Например, работают ли где-либо в мире над созданием абсолютно универсального средства против вирусов – вакцины или чего-то другого? Почему везде говорят лишь о вакцине и по конкретному вирусу? Почему бы не поработать в разных направлениях, в том числе с изучением биорезонансных методов, действия ультрафиолета, озона, кварца и, наверно, кое-чего ещё? А, может быть, над этим работают, но мы просто ничего не знаем?

(Замечание: пока пишу эту книгу, появился сюжет на телевидении о том, как в каком-то общественном месте люди, проходя по помещению, получают безвредную, но эффективную дозу облучения от ультрафиолетовых или бактерицидных устройств, подавляющих вирусную активность).

3.4. О человеческих слабостях

Людям свойственны и благородные порывы, и низменные поступки. Кому-то присущи великодушные, благодарные, сострадающие, а иным – гордые, гневные, раздражительные, обидчивые, завистливые, злобные. Кто-то может сдерживать свои эмоции, а иные не контролируют себя. Всё это в любом сообществе присутствует и в той или иной степени знакомо каждому из нас. Поэтому, если и будут в моих сюжетах досадные моменты, я их привожу не для того, чтобы вызвать жалость, гнев, обиду, раздражение или сочувствие. Я хочу вспомнить: ведь были разные этапы в жизни – голод, холод,

комфорт и дискомфорт, радость и печаль и тому подобное. Это вспоминается не с горечью и досадой, не с желанием обозвать кого-то, отомстить кому-то, а с чувством гордости и радости, что преодолел всё, не опустил, не озлобился.

Держать всю жизнь обиду на давние неудачи и несправедливости, и удерживать в себе злость и глубокое желание досадить своему прошлому устно, в обычном общении, или самовыразиться в социальных сетях – абсолютно для меня неприемлемо. Я об этом пишу потому, что сейчас модно «пинать лежачего», припоминать обиды, посылая «громы и молнии» во вчерашний день (фактически – в пустоту!) и желчно муссировать свои обиды.

Как тут не вспомнить легенду о царе Ксерксе, властелине Персии, который, желая отомстить грекам за прошлые военные поражения, решил покарать море и приказал своим воинам высечь его за то, что во время шторма была разрушена переправа через пролив, и его воинство потерпело поражение.
--

Я пишу это и, надеюсь, таким образом повышаю свой уровень вибраций, свой иммунитет, то есть, усиливаю «защитную реакцию организма». Надеюсь, надеюсь...

Глава 4. Моё «свободное дыхание»

Да не подумает читатель, что сейчас будет своего рода медицинский трактат, и я претендую на истину в обобщении понятий о дыхании. Всё, что буду излагать ниже – философско-метафизичное – относится только к моему личному восприятию этого явления, к моей личной жизни и моему личному опыту – ничего научного, никаких обобщений! Иногда задумываюсь и удивляюсь, как это, уже в весьма преклонном возрасте, появилось у меня так называемое **«третье дыхание»**, уточняя: в плане творчества. Случилось это уже в Израиле, где я оказался, как упоминал ранее, по воле **«Судьбы и Случая»**.

Попробую разобраться, что же это такое – **«третье дыхание»**? Ему, видимо, должны предшествовать **«второе дыхание»**, а также **«первое дыхание»**. А до этого, я так считаю, должно быть совсем **«свободное дыхание»**, незаметное, беззаботное – детское, юношеское, когда о нём не думаешь, да вовсе не замечаешь. Я его решил назвать **«нулевым»**. (Я, конечно, знаю случаи, и их немало, когда дети с малых лет и в юности берут на себя ответственность за жизнь и благополучие семьи).

О «нулевом дыхании»

В этот период живёшь под опекой родителей, под водительством школы и беспечно мечтаешь о будущем. Многие «спешат» поскорей завершить

учёбу и включиться в реальную деятельность. Кто-то после школы сразу идёт на производство, а иные – за дополнительными знаниями.

Итак, для себя (и только для себя!) выделяю три основных и одну предварительную фазы «дыхания», через которые я прошёл – «от детских лет и младости до глубокой старости».

Интернет переполнен информацией, объяснениями и советами по физиологии процесса дыхания во благо здоровья, по дыхательным тренировкам; предлагаются разные способы выполнения «правильного» дыхания, обеспечения оптимального баланса кислорода и углекислого газа в крови и многое другое, совершенно недоступное мне ни для понимания, ни для регулярного исполнения. Поэтому речь пойдёт совсем о другом «дыхании».

Не случайно в заголовке и в тексте слово «дыхание» многократно берётся в кавычки. Этот термин будет употребляться не в физиологическом смысле, в чём я – абсолютный дилетант. Имеется в виду та **«свобода дыхания»**, которая даёт необыкновенное ощущение полёта и бесконечной радости! Оно может возникать у человека неоднократно, и уровень «свободы дыхания» в каждом случае бывает различен.

В этом смысле я рассматриваю четыре фазы «дыхания», через которые прошёл по жизни. Можно припомнить много радостных и досадных минут или дней, – «взлётов и падений», например, окончание

школы (открываются перспективы), поступление в институт (надежды и разочарования), учёба, дружба и любовь, успехи и досадные неудачи на работе, в спорте и так далее. И на каждом этапе «дышится» по-разному. Во время учёбы в институте тоже находишься в определённых «зажатых» условиях гонки от семестра к семестру – до защиты диплома и окончательного выпуска с распределением.

На этом, по моим понятиям, завершается фаза «нулевого дыхания», и появляется своеобразное «первое дыхание» – то, что я воспринимаю, как **свободу и ответственность**. Совместимы ли эти два понятия – **свобода** (независимость от кого-либо) и **ответственность** (обязательность перед кем-то)? По моему мнению – безусловно, только так и должно быть!

О «первом дыхании»

Насколько уместно такое словосочетание: «первое дыхание»? Прошёлся по интернету и что увидел? Да, такое выражение встречается: в первую очередь, как явление, сопутствующее рождению ребёнка. Но немало таких словосочетаний в поэтической копилке при характеристике сезонов года: первое дыхание осени, зимы, весны и очень редко – лета.

«Первое дыхание» – это когда чувствуешь себя свободно, уверенно, легко дышится. В моём понимании (не физиологическом!) «первое дыхание» – это ощущение вырвавшейся из клетки птицы.

*Я свободен, не в темнице.
Жду, как прежде, света дня,
Чтоб взлететь, подобно птице,
Из раскрытого окна.*

Я это почувствовал тогда, когда «вырвался» из стен института и отправился по добровольному распределению за Полярный круг, в Норильск, конечно, не в поисках «лёгкой» жизни или работы, и не за большими доходами – за романтикой!.. Ну, прямо, как у **Юрия Кукина**: «...еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги». Правда, его песню с этими словами я услышал значительно позже и отправлялся не в тайгу, а в тундру. Я уже прекрасно понимал, что никаких открытий мне там совершать не придётся, так как еду в достаточно разведанный и освоенный регион, но смогу хотя бы почувствовать «дыхание» Севера, познать тундру и вечную мерзлоту. Поэтому, когда представилась возможность «вылететь из клетки» и помчаться навстречу ветру и возможным опасностям, я почувствовал «свободное дыхание». Это и было – моё, так называемое, «первое дыхание».

*...в далёкий город северный,
Что в полярной целине,
Я уехал преднамеренно:
Не сиделось дома мне.
В тундру я ходил уверенно.
Там, среди снега и болот,*

*Столько было перемерено
Рек, озёр, холмов, высот!..
Я увидел много нового,
Неизвестного досель –
Правду жёсткую, суровую,
Непривычную совсем.
Поработал с заключёнными,
Отсидевшими свой срок
(А теперь – вольнонаёмными),
Обращаясь к ним: «браток».*

Можно сказать, что мечты мои свершились – я познал и полюбил Север. Приведу несколько строк из песенной баллады:

*...ничто несравнимо с красотами Севера,
Где природа сурова и климат жесток,
Где не часто увидишь кустарник и дерево –
Хоть на Запад иди, хоть беги на Восток.
Я там был и, представьте, совсем не жалею...
Заполярье мне видится часто во сне,
И об этом я просто пою, как умею...
Красота белоснежья – при мне и во мне!..*

А дальше – долгий период интересной работы в Заполярье и в московских проектных институтах, гдегодились опыт и знания, полученные и в гидрометеорологическом институте, и в московском инженерно-строительном. Работалось с увлечением – до самой пенсии и всё на том же, «первом, свободном, дыхании». А в последующие годы:

*С нивелиром в руке,
с рюкзаком на спине
Я блуждал по нехоженным
тропам России.
И в сибирской тайге,
и в степной целине
Я встречался с людьми –
интересными, сильными.
Среди них было много
наивных, простых...
Были хитрые, злые, с претензией, сложные.
Заключённые также бывали среди них,
И в ночи с ними было опасней, тревожнее.*

Уйдя на пенсию, я расстался с профессией и работой, которой занимался на «одном дыхании» в течение четырёх десятков лет, относительно легко. В отличие от некоторых моих коллег, которые в начале 1990-х с грустью «уходили» на пенсию, кое-кто досрочно, из-за закрытия ряда крупных проектов, я воспринял эту ситуацию как неизбежность, поскольку видел, что массово стали закрываться предприятия, стихийно возникали «рыночные» отношения. Я видел, как мой проектный институт, в котором я проработал последние 20 лет, не просто развалился – был искусственно опустошён доселе вполне тяжеловесный портфель заказов. Следствием этого случилось то, что из пяти этажей за институтом остался только один, а все остальные

помещения были отданы в аренду предпринимателям.

Сейчас я понимаю, почему в то время легко расставался с проектным институтом: чувствовал, что деловой потенциал ещё не исчерпан и бездельничать не придётся.

***Нет, я не собираюсь отдыхать!
Идя на пенсию, я твёрдо заявляю:
С меня ещё немало можно взять,
А кое-что и дать могу, я знаю!***

О «втором дыхании»

Всем известно такое понятие – «**второе дыхание**», хотя далеко не каждый испытал его в реальности. Отбрасывая в сторону физиологическую основу этого явления, мало понятную даже специалистам, когда у марафонца приближается состояние «мёртвой точки», тело тяжелеет, сердце бешено стучит, воздуха не хватает, и вдруг как бы открывается какой-то «клапан», и появляется необыкновенная лёгкость в теле, восстанавливается ритм сердца и дыхание. Так происходит в спорте или при очень больших физических нагрузках.

Мне довелось испытать это чувство «**второго дыхания**» в молодости при беге на длинные дистанции или в лыжных гонках. Кроме описанного выше восстановления дыхания и работы сердца, ощущалась необыкновенная лёгкость во всём теле и казалось, что можно заново стартовать.

Подобное ощущение душевного и физического подъёма произошло у меня не при достижении необыкновенного спортивного результата, а через некоторое время после начала работы в редакции журнала «Юность». Смена обстановки, характера работы, круга общения захватили меня всецело! Это было – **«второе дыхание»!**

Когда я был приглашён на работу в редакцию журнала «Юность», согласился, конечно, не сразу – совершенно не знакомый мне вид деятельности. Полгода раздумывал и решил попробовать. Постепенно начал входить в «курс дела» и «во вкус», параллельно продолжая ещё работать в своей проектной организации. Спустя некоторое, не очень продолжительное время, почувствовал, что появляется **«второе дыхание»**, дышится легко, работается в редакции с увлечением, возникает особый душевный и физический подъём, и ты понимаешь, что кому-то нужен или к чему-то призван – дышишь свободно и легко! Наверно, в таком состоянии находится не только спортсмен, достигший высочайшего результата, но и артист, прекрасно сыгравший долгожданную роль, или автор, впервые взявший в руки только что изданную собственную книгу... В таком состоянии душевного подъёма и «свободного» дыхания я находился в течение нескольких лет, когда, наряду с текущей работой в редакции, занимался выпуском культурно-просветительной экологической газеты «Радуга жизни» и активно общался с авторами статей и стихов.

О «третьем дыхании»

А что же такое «**третье дыхание**» и почему так названа эта книга? Хотелось бы отойти от физиологии и объяснить это понятие с философских позиций, как быстрый, неожиданный поворот в судьбе, весьма кардинально меняющий образ жизни и действий, дающий уверенность в своей нужности и ощутимую свободу дыхания, **творческого** дыхания.

Возможно, я не нашёл бы такого определения, если бы на рубеже 2000-х годов не встретился с добротным, приветливым и невероятно скромным поэтом – **Аркадием Ивановичем Каныкиным**. Я в это время работал в редакции журнала «Юность», уже писал стихи, выступал в разных аудиториях, издавал газету. Он, познакомившись с моим творчеством, с газетой, предложил публиковаться в издаваемом им литературном альманахе «**Третье дыхание**».

У меня фаза «**третьего дыхания**» наступила уже в Израиле, где я попал в творческую среду и начал довольно активно выступать перед слушателями с чтением стихов, с рассказами о журнале «Юность» и об издававшейся мною газете «Радуга жизни». В этот же период начал выпускать собственные поэтические сборники и оказывал редакторскую помощь другим авторам – не менее десяти книг.

Но самое неожиданное для меня – на некоторые свои стихи начал придумывать мелодии. А наш нетанийский композитор Михаил Дикер сочинил несколько песен на мои стихи, сделал прекрасную аранжировку и показывал эти песни на своих творческих вечерах. Как дышалось мне в это время? Легко! Конечно, это было **«третье дыхание»!**

Подвожу итог рассуждениям. **«Нулевое»**, беззаботное дыхание я отношу к периодам детства и учёбы. Появление **«первого (свободного) дыхания»** связываю с окончанием учёбы в институте и началом работы на севере, **«второго дыхания»** (новый интересный вид деятельности) – с началом работы в редакции журнала **«Юность»**. А **«третье (творческое) дыхание»** возникло спустя много лет, когда **«втянулся»** в культурную жизнь в Израиле.

На этом свои дилетантские рассуждения о дыхании заканчиваю и приступаю к спокойному, насколько это возможно, изложению. Только, наконец, объясню, почему выбрал такое название книги – **«Третье дыхание»**. Так назывался литературный альманах, в котором публиковались мои стихи (рассказ об альманахе и его создателе следует ниже).

Глава 5. Война. Эвакуация и возвращение

До 22 июня 1941 года моё детство было настолько свободным и беззаботным, что совершенно ничего о том времени вспомнить не могу, хотя мне уже исполнилось 7 лет. Но этот день и многие последующие дни и годы в памяти сохранились. Постараюсь лаконично, но в достаточном объёме изложить самое главное, что запомнилось.

5.1. Дорога на восток

Предвоенное время было тревожным. Мы жили на границе, в городе Могилёве-Подольском, на левом берегу Днестра. Помню, как оконные стёкла клеивали газетными полосками и на ночь плотно закрывали окна шторами, чтобы наружу не проникал свет. С наступлением темноты над нами пролетали немецкие самолёты и был приказ – не допускать проникновения света наружу. По улицам ходили патрули, и, если у кого-то была малейшая щель, они стучали в дверь или в окно и подсказывали, где надо уплотнить.

Вскоре после начала войны ночью нас погрузили в грузовики со светомаскировкой и отвезли в Вапнярку. Её бомбили, и мы прятались в укрытии. Спустя какое-то время подогнули состав из нескольких вагонов, который по узкоколейке повёз нас в Винницу. Затем долго, с пересадками и под бомбёжками мы постепенно продвигались на восток.

При налётах немецкой авиации поезда останавливались, мы выбегали из вагонов и прятались в канавах, под кустами или под ранее разбитыми вагонами. В какой-то момент раздавался паровозный гудок, и мы возвращались в вагоны.

*Походный быт, питание скудно.
Маршрут наш долгим был и трудным –
Вапнярка – Винница – Москва –
Тянулся месяц или два.
Дорогу трудно вспомнить мне –
Проходит всё, как в полусне:
Вокзалы, рельсы, полустанки,
Навстречу на платформах – танки.
За окнами – следы бомбёжки
И постоянно остановки:
Тревогу часто объявляли,
Мы из теплушек выбегали
И, схоронившись за кустом,
Отбоя ждали, а потом –
Бежали вновь к своим вагонам.*

Машинисты терпеливо ждали, пока все вернутся в вагоны, но, высунувшись из своей будки, жестами как-бы подгоняли нас, потому что неизвестно, когда будет очередной налёт, и надо было воспользоваться наступившей тишиной, чтобы продвинуться подальше от опасных мест, где не только были налёты авиации, но в любой момент могли появиться немецкие мотоциклисты или танки.

Я и тогда, по-детски, восхищался машинистами и кочегарами, которые, с риском для собственной жизни, везли наш состав в тыл, а сейчас, вспоминая

*Опасность близко,
путь тернист –
в даль зорко
смотрит машинист*

то время, – тем более! Нас-то они отвозили, а сами возвращались к линии фронта и рисковали вдвойне, втройне... Их работа, особенно в тех реальных военных ситуациях, безусловно – была подвигом!

*Чтобы всегда был в топке жар,
за это отвечает кочегар*

У меня никаких личных пристрастий к железнодорожному ведомству или работе паровозных бригад абсолютно нет, если не считать того, что у некоторых моих сверстников в Вознесенске родители работали машинистами, проводниками или в этой системе! Но теперь, вспоминая те события и наши «эвакуационные путешествия», в большой

мере связанные именно с железной дорогой, хочется, как смогу, воздать должное трудной и опасной работе машинистов военного времени.

Паровозная бригада обычно состояла из трёх человек – машинист, помощник машиниста и кочегар. Всем было нелегко, но работа кочегара была очень тяжёлой, потому что в топку нужно постоянно подбрасывать уголёк или дрова, и машинист с помощником тоже иногда брали лопату в свои мозолистые руки, чтобы дать кочегару немного отдыха.

Условия работы и «комфорт», по нынешним понятиям, совершенно не пригодные, тогда были привычные. Будка машиниста тесная и неудобная, продуваемая ветром, с разной температурой – почти 100 градусов возле топки и минусовая зимой в двух-трёх шагах от неё. Сколь привлекательна общая картина движущегося в клубах пара паровоза, с непонятным и загадочным кулисно-тяговым механизмом, приводящим в движение огромные красивые колёса, столь же были и некомфортны условия пребывания людей в будке. Сейчас невозможно умолчать об отдыхе и питании, а в те годы, да ещё с учётом военного времени, паровозные бригады были совсем не требовательны.

Меня также интересовало, почему машинисты зимой и летом всегда выглядывают из открытого окна, иногда далеко из него высовываясь. Теперь понимаю, что другого способа наблюдать за дорогой впереди и своевременно реагировать на ситуацию просто не было.

Паровозная бригада должна была обеспечивать живучесть техники, постоянно поддерживать огонь в топке, вовремя делать запас угля и воды

и много чего ещё входило в круг их забот, в том числе, обеспечение безопасности пассажиров.

Москва

Когда прибыли в Москву, узнали, что она уже подвергается бомбёжкам немецкой авиации. Приходилось прятаться в бомбоубежищах; мы часто смотрели в небо, где висели заградительные аэростаты, и наблюдали, как красноармейцы на канатах несут по пустым улицам столицы эти сигары.

*Аэростаты противовоздушной обороны в небе
и на улицах Москвы*

*Москва мне показалась строгой,
Большой, суровой. В ночь тревоги
Неоднократно объявлялись.
Мы просыпались, собирались
И до убежища бежали,
А там всю ночь отбоя ждали.
В подвале тесно, тускло, душно.
Сидеть без дела было скучно.
Хотелось выбраться во двор –
На стратегический простор,
Чтоб наблюдать за небом тёмным,
Прожекторами освещённым.*

*Вот два луча, перекрестившись,
Друг в друга будто бы вцепившись,
Цель догоняют методично,
Не разбегаясь хаотично.
Пришла удача: в перекрестье
Застыла, будто бы на месте,
Стальная птица. В тот же миг
Её снаряд уже настиг.
И мы до самого утра
В душе и вслух кричим: «Ура!».
Тут наступал сигнал: «Отбой!» –
И мы уже идём домой.*

Куня-Ургенч (Туркмения)

В Москве мы долго находиться не могли и проследовали на Урал, где проживали родственники отца, в город Бисерт Свердловской области. Там я впервые пошёл в школу. Из детских воспоминаний – было холодно, голодно и неуютно. Поэтому через год мы переехали в Среднюю Азию, в город Куня-Ургенч (Туркмения), где нас также тепло приняли родственники отца, приехавшие туда раньше. Здесь мы прожили два года, я обучался во втором и третьем классах. Было непривычно и удивительно встречать Новый год без ёлки. Помню, с каким энтузиазмом учителя и старшеклассники в школе наряжали какое-то дерево вместо ёлки. Позже понял, что ёлки в Туркмении не растут, а весьма распространённым растением является кустарниковый саксаул. Вот что вспомнилось из детства, ранее изложенное в поэме «Транзит по жизни»:

*Что для меня там характерно?
Впервые прочитал Жюль Верна,
Узнал о Пушкине, Толстом,
Читал и Гоголя потом.
Мне всё там было интересно,
Учёбу я считал полезной.
Насколько помню, не ленился,
Без напряжения учился.*

*На переменах мы бежали
На школьный двор: в войну играли.
Занятье это методично
Мы исполняли на «отлично».
Конечно, было два отряда.
Пока урок, сидим все рядом.
А со звонком – уже «враги»,
Скорей в «окопы», впрегонки.*

*Из-за «брустверов» и завалов
«Стреляем» камнями в «вандалов».
Не камни – плотные комки,
В песке их много у реки.
Не у реки, а у арыка.
Мы «шли в атаку» с громким криком
И побеждали «на ура!»...
Но со звонком кончат пора.*

В Туркмении я познакомился с арыками и водоподъёмными устройствами, широко использовавшимися в то время для орошения. Конечно, не мог я тогда предполагать, что, спустя много лет,

буду работать в сфере мелиорации, проектировать системы «водоподъёма» с использованием современных электронасосов и передачей воды на большие расстояния для оживления пустынных и степных пространств!..

Что собой представляет арык, известно каждому. Это, как правило, искусственно прорытый канал, который используется для водоснабжения или орошения, и являющийся, возможно, самым древним гидротехническим сооружением. Иногда требовалось поднимать воду на несколько метров, чтобы пустить её по оросительным каналам или бороздам. Для этого строились так называемые «чигири», весьма оригинальные старинные конструкции водоподъёмных устройств, которые, по сегодняшним понятиям, считаются совершенно примитивными, приводимыми в движение с помощью животных. В самом простом понимании, **чигирь** представлял собой два деревянных колеса – горизонтальное и вертикальное. Мне запомнилась такая картина: ишак идёт по окружности, будучи привязанным к горизонтальному деревянному колесу, которое, с помощью зубчатой передачи, приводило во вращение вертикальное деревянное колесо, по ободу которого были привязаны керамические кувшины. Эти кувшины зачерпывали воду из арыка и сливали её в лоток, по которому вода шла на орошение полей. Я мог подолгу наблюдать за процессом водоподъёма и одновременно переживал за бедного ишака, которого мучили оводы и подхлестывал работник.

*Подъём воды
чигирём. Ишак идёт по
кругу, приводит во
вращение (через
горизонтальное колесо и
зубчатую передачу)
вертикальное колесо с
кувшинами, из которых
вода сливается в лоток. А
ишак идёт, идёт, идёт...*

*Прошло полвека с тех времён,
И жизнь прошла, как скорый сон.
Порою кажется: проснусь
И вновь в те годы возвращусь,
И наблюдать я буду ныне
Тех лет знакомые картины.*

*Вот мы приходим к местным в гости,
А там – игра на деньги в «кости».
Та кость – всего размером с пальчик,
Игра зовётся просто – «альчик».
Но я всерьёз там не играл
И «тратить» деньги не желал.*

Удивляло и запомнилось многое. Вместо хлеба питались вкусными лепёшками, которые поливали разогретым на солнце маслом из бутылки. Странно было видеть мужчин, одетых, несмотря на сильную жару, в халаты, с огромными шапками из овечьей шерсти на голове, а женщин – в шароварах. Там же познакомился я с настоящим пловом и увидел, как его едят местные жители:

*А вот ещё сюжет (нет слов!):
Едят в обед туркмены плов.
Сидят на улице (не в хатах),
Тепло одетые – в халатах.
Они – по кругу. В центре – блюдо.
На нём – горою плов, как чудо:
Рис, мясо, жирная приправа.
Едят без ложек (странно, право...).
Процесс еды довольно чинный –
Сидят спокойно, тихо, смиренно.
Воздавши должное Аллаху,
Поглубже натянув папаху,
Щепотку плова взял старшой,
Затем – сосед, за ним – другой.
Ещё немало в миске плова,
Вкусил – жди очереди снова.*

*Немало сцен подобных знаю
И с ностальгией вспоминаю
Давнишние те времена.
Они остались для меня
(Пишу об этом без сомнений)
Зерном приятных впечатлений
О быте в тех краях, природе,
О добром, в общем-то, народе.*

*С позиций нынешнего дня
Такое мнение у меня:
Случись серьёзная беда,
Нам будет путь закрыт туда.*

5.2. Возвращение. Дорога на запад

Мы в Куня-Ургенче хорошенько отогрелись и через два года, как только были освобождены от оккупантов наши земли, возвратились на Украину. Путь наш был, действительно, «далёк и долог», тяжёл, непредсказуем, с реальными опасностями и неизвестностью, но... уже невозможно было «повернуть назад».

А что нас – маму с двумя детьми-непоседами – заставило, не дожидаясь окончания войны, отправиться из тёплой и не столь голодной в то время Туркмении на запад, в полную неизвестность, где нас никто не ждал? Абсолютная убеждённость мамы и письменная поддержка отца, находившегося в то время в действующей армии на Кавказе, в том, что наступил перелом в войне и пора возвращаться.

Припоминаю, может, не совсем точно, – он отправил маме какие-то документы, чтоб мы могли возвращаться по конкретному маршруту: из Куня-Ургенча по Аму-Дарье до Чарджоу, затем, как мне помнится, был Ташауз и Красноводск. Дальнейший путь лежал через Каспийское море на Баку, далее – Тбилиси и конечный пункт – Кутаиси. Отец нас там ждать не мог, потому что вместе с фронтом далеко ушёл на запад.

Дорога была долгой и утомительной, в памяти остались картины перемещения по Аму-Дарье на каком-то маленьком парходике с огромными внешними колёсами. Я подолгу наблюдал за непривычно мутной речной водой и обруша-

ющимися буквально «на глазах» песчаными берегами, пытаюсь понять причину размыва берегов и к чему это приведёт через несколько лет. Мог ли я в то время и в том возрасте даже в фантазиях предположить, что эти наблюдения за природными явлениями окажутся прологом к моей будущей профессии инженера-гидролога?!

*В безжизненной пустыне,
Где жёлтые пески,
Деревьев нет в помине,
Но есть там две реки.
Те реки – многоводны,
Текут издалека,
Весною – полноводны,
Хоть в низких берегах.
А берега «гуляют»,
Смещая русла рек,
Фарватеры меняют,
И так – из века в век.
Приняв по каплям сток
По многим ручейкам,
Слагается в поток
Аму-Дарья-река.
Спускаясь с ледника,
С заоблачных вершин,
Бежит, бурлит река –
Пустынный властелин.*

Мы долго ехали на поезде по пустыне, от жары устали и, наконец, увидев море, размечтались,

что удастся искупаться в нём, смыть «дорожную пыль». Однако, когда высадились на станции Красноводск, нам выдали мыло, и мы должны были обязательно посетить баню. Вечером погрузились на пароход и полагали, что утром окажемся в Баку.

Ночью был шторм

Отплыли нормально, однако ночью начался сильнейший шторм, наш корабль бросало, как щепку – то на гребень волны, то куда-то вниз, и казалось, что волна вот-вот накроет нас. Я плохо перенёс эту качку, а мама не только мне и сестре обеспечила необходимую безопасность, но и активно помогала матросам справиться с теми, кому в этой ситуации было хуже всего.

*Вид на Махачкалу
с моря*

Наступило утро, море успокоилось, и мы оказались на рейде, вдалеке была земля и какой-то город. Как оказалось, это не Баку, а Махачкала. Вот

как эти события описаны в поэме «Транзит по жизни».

*Мы спокойно погрузились
И в каюте разместились.
Было всё благоприятно –
Идеально, аккуратно,
Чистота – аж режет глаз
(Непривычная для нас).
Плыть всего лишь ночь одну –
Мы отправились ко сну.
Вдруг на море заштормило,
Вихрем ветры закрутило,
Начало слегка качать,
Что-то в душу проникать.
Вот что истинно: вначале
Волны слабо укачали.
Через час, а может два,
Пошла кругом голова.
Поднялась волна, как дом,
А наш корабль – щепка в нём:
То на гребень вылетает,
То на дно волны ныряет.
Через три часа иль пять
Наш корабль не узнать.
Прямо скажем, пассажирам
Было вовсе «не до жиру»:
Большинство лежат «навалом».
Меня тоже укачало.
Но не только я – матросы,
Ухватившись за тросы,
Продвигались с трудом –*

*На коленях и ползком.
Лучше всех держалась мама,
Как могла, всем помогала.
И не только нам – другим,
И здоровым, и больным.
А наутро – удивленье:
Мы на рейде. В отдаленьи
Виден город под горой.
Тишина кругом – покой...
За бортом не волны – гладь,
Моря вовсе не узнать.
Что за город, что за порт
Там, вдали, под склоном гор?
Наши корабль приводят в чувство –
Чистят, драют (вот искусство!).
Через несколько часов
Капитан уже готов,
Приложив трудов немало,
Подойти к морским причалам.
Долго ль, коротко стояли,
Мы пришли в себя, поспали,
Нас селёдкой покормили,
Сладким чаем напоили...
Солнце ласково блистало,
Море чуточку дрожало.
Чайки, низко пролетая,
Радость горлом извлекая,
Рыбу «брали» на лету
И несли её во рту.*

*(Я неточность допустил:
«Клюв» на «рот» переменял.
Вы должны меня простить:
Рифме надо «угодить»).*
*И, над нами пролетая,
Иногда её роняя,
Вновь на воду возвращались,
Рыбку – в клюв и поднимались.*

*Наблюдать я мог часами,
Но услышал голос мамы:
«Пассажирам всем сказали,
Что в Баку мы не попали.
Наш корабль с курса сбился
И к другим местам прибился».*
*Оказалось, то была –
Древняя Махачкала.*

Через несколько часов мы сошли на берег и разместились в гостинице. Мама изучала вопрос: куда ехать дальше – в Кутаиси или на Украину. В это время по радио сообщили, что наша земля полностью освобождена и, «за компанию» с какой-то попутчицей, отправились в дальний путь. Ехали долго, с пересадками, около месяца, полностью полагаясь на энергичную попутчицу.

Ямполь

Наконец, дорога привела нас в город Ямполь, который находится на левом берегу Днестра. Мне шёл одиннадцатый год, в Ямполье я учился в четвёртом классе. Деталей нашей жизни не припомню – слишком много за период эвакуации мест переменили и впечатлений набрались, не все события сохранились в памяти. Но совершенно отчётливо запомнилось, как пришёл день Победы и как его восприняли и радовались жители провинциального городка, совсем недавно освобождённого от немецкой оккупации.

День Победы

Об этом дне рассказано немало.

Ещё напишут множество стихов.

Стремление к победе окрыляло

Солдат, что шли в атаку вновь и вновь.

И тема не исчерпана поныне,

Ей нет конца и нет предела... Нет!

Ведь память сохранилась в каждом сыне

И дочери бойцов военных лет.

*Неизмерима значимость Победы!..
Я знал тогда, мне ясно и теперь:
Отцы её добыли нам и деды
Ценою жизни и больших потерь.*

*И не забыть нам этот День Победы!
Мы отвергаем снисхожденья тон,
И твёрдо знаем – это наше кредо –
Весь мир тогда от краха был спасён!*

В этом месте хочется сказать несколько слов о маме – **Мазур Басе Бенционовне**, которой к моменту Победы и возвращению из эвакуации было всего 35 лет. Как и она, многие-многие другие мамы сумели справиться с эвакуационной «эпопеей», физически и психологически преодолеть трудности быта, сохранив своих малолетних детей. Представляю, какой груз ответственности свалился с маминых плеч, когда с фронта вернулся отец – **Мазур Григорий Исаакович** – и взял на себя значительную долю проблем. А мы с сестрой, в то время ещё малолетние, всё воспринимали как должное, не очень задумываясь, каких трудов и психологического напряжения это стоило нашей маме.

Спустя годы, находясь далеко от родителей, я постепенно стал глубже понимать роль мамы в сохранении наших с сестрой Светланой жизнью. Я физически ощущал, как она тосковала по мне и сестре, когда мы, после окончания школы, отказавшись от родительской опеки, покинули

отчий дом и надолго отбыли на учёбу в Ленинград. Поэтому через много лет появилось стихотворение, посвящённое маме, в дальнейшем пополненное мелодией, и превратившееся в ностальгически печальную песню.

По ночам...

Маме посвящается

*Ты порою подолгу не спишь –
Утомительны зимние ночи...
На семейное фото глядишь
И по сыну печалишься очень.
Ты от сына ждёшь писем всегда –
Хоть два слова, хоть несколько строчек.
Но пустые идут поезда...
И не пишет, не едет сыночек*

Припев:

*По ночам отгоняй мысли прочь
И покажутся ночи короче,
Постарайся тоску превозмочь,
Ведь тебя вспоминает сыночек.*

*Сын пока далеко от тебя
И возможности встретиться нету.
Ты страдаешь, судьбу теребя...
Он мечтает – приехать бы к лету.
День уходит, спускается ночь...
В небе множество звёздочек-точек.
С тобой рядом любимая дочь,
Но далёко пока твой сыночек...*

Припев:

По ночам отгоняй мысли прочь

И покажутся ночи короче.

Постарайся тоску превозмочь...

Это верность твоя – твой сыночек.

(Примечание. Прослушать песню в авторском исполнении можно в ютубе, набрав слова: «Феликс Мазур По ночам»)

Конечно, и папа переживал за нас, но – по-мужски, и реагировал своими стихами:

Ребята, нам нужна такая малость... О том сейчас мечтаем я и мать: Хотелось бы почувствовать усталость При хлопотах, чтоб лучше вас принять.
--

5.3. Несколько лет «оседлости»

Вернувшись на Украину из эвакуации и поселившись в Ямполье, мы не знали, где будем завтра. Отец после фронта заезжал ненадолго, затем уехал на полгода в Ярославль на курсы усовершенствования командного состава, после чего получил назначение в Одесский военный округ. Наступил момент, когда он приехал в Ямполь, чтобы перевезти нас в Одессу.

Одесса

Мы поселились в довольно большой квартире на втором этаже в доме с маленьким двориком, вход в который закрывали большие металлические ворота с дополнительной калиткой. Этот дом находился на углу улиц Садииковской и Колонтаевской.

В наш дворик часто заходили лудильщики посуды и точильщики ножей с переносным станком, громко приглашая жителей к получению в то время вполне востребованной услуги.

– Точу, лужу, паяю... Ножи, кастрюли, вёдра, – часто по утрам, как призыв к пробуждению, слышали мы голоса мастеровых, проходящих по привычному маршруту от дома к дому. Было интересно наблюдать, как разлетаются искры от точильных дисков, приводимых во вращение с помощью ножной педали. Искры манили к себе, хотелось поймать их, чтобы узнать, насколько они горячи или, наоборот, холодны, но, выработанная за прошедшие годы осторожность удерживала ладошки за спиной. В то время мальчишки из любопытства часто погибали или лишались пальцев и рук, подбирая неразорвавшиеся снаряды и другие взрывоопасные предметы.

Типичный одесский дворик

Такие точильщики ножей, паяльщики и лудильщики кастрюль в послевоенное время часто посещали одесские дворики

Одесса мне очень понравилась – и архитектурой зданий, каких доселе я не знал, и улицами, и морем, конечно. Я был предупреждён родителями, чтоб далеко от дома не уходил, но любопытство, а, может, любознательность, влекли меня в какие-то переулки и улочки, где сохранились дома с красивыми фасадами. Было интересно рассматривать разнообразную лепнину, фигурки полулюдей-полузверей, другие объёмные формы.

Архитектура фасадов одесских зданий

Однажды я вышел к скульптуре, которая изображала трёх обнажённых людей с мощной

мускулатурой, на которых напали змеи и было непонятно, кто побеждает. Я несколько раз обошёл скульптуру, но так и не понял, кто кого одолел.

Значительно позже узнал легенду об этом эпизоде и название скульптуры – «**Лаокоон и его сыновья**».

Вот что об этом написано в википедии:

«Скульптура работы греческих ваятелей с Родоса — Агесандра, Полидора и Афинодора; является мраморной копией второй половины I века до н.э. с оригинала, который был выполнен в бронзе в 200 году до н.э. в Пергаме и не сохранился.

Что касается мраморной скульптуры, которую я рассматривал в Одессе – это, безусловно, одна из многих копий, находящихся в разных странах и музеях. С грустными мыслями о судьбе трёх мифических героев отправился в обратный путь, но домой пришёл не скоро, потому что заблудился. Понял это, когда оказался возле Оперного театра. Пришлось спрашивать у прохожих, как пройти на Садиковскую или Колонтаевскую улицу.

В дальнейшем я был более осторожным и, если уходил куда-либо, старался запомнить улицы или какие-нибудь ориентиры.

Одесса. Оперный театр Жить в Одессе, помнить её и совершенно ничего не написать о ней – непростительно! Из детских впечатлений послевоенного периода: город тёплый, зелёный, добрый, шумный, со своеобразным стилем речи, с незабываемым морем и песчаными пляжами, с особенным базаром «Привоз» и красивейшим Оперным театром.

Масса достопримечательностей! А улицы! Сами названия чего стоят: Дерibasовская, Преображенская, Ришельевская, Канатная, Мясоедовская; районы: Пересыпь, Молдаванка, Хаджибей. Но... Об Одессе столько написано!.. Надо остановиться, иначе это никогда не кончится. Приведу лишь несколько строчек из сочинённого ранее:

*Я когда-то жил в Одессе –
Благословенном Богом месте,
Где есть Отрада, Ланжерон...
Прими, Одесса, мой поклон!*

*Однажды еду утром рано
В трамвае старом до Фонтана.
Вагон скрипит, вагон трясёт,
Трамвай не движется – ползёт.*

*Сквозь окна город изучая
И в тесноте изнемогая,
Смотрю: чего здесь не найдёшь,
Куда ни ступишь, ни пойдёшь.*

*Вот труженик морского порта
С историей второго сорта,
И Жорик с Малой Арнаутской
Блится шуткой прибаутской.*

*А кто не знает (не вопрос!)
Известный всей стране «Привоз»,
Где на особенном жаргоне
С утра шумела тётя Соня!*

Произошёл со мной в Одессе интересный эпизод. Это случилось позднее, когда я, как обычно, летом, приезжал на отдых и встречу с родителями.

Цыганка гадала...

Во время какой-то прогулки повстречалась мне цыганка, которая настойчиво предлагала предсказать судьбу. Я, конечно, отмахнулся продолжил свой путь. И вдруг слышу:

– Я имя твоё могу угадать!..

Это меня «зацепило», ведь имя моё не самое распространённое, и я вернулся.

*Одесса славится обманом
И Хаджибеевским лиманом.
В дороге дальней на лиман
Я оказался среди цыган.
А дело было спозаранку
И подошла ко мне цыганка...*

*Судьбу себе кто может предсказать?
Кто хоть однажды карты не метал?
Хотела мне цыганка погадать –
Я уклонялся, в общем – не желал.
Она была настойчива, дерзка,
А я, студент упрямый, молодой –
Махнул рукой. Уже издалека
Услышал зов – нахальный, призывной:
«Эй, дорогой, ты зря мне отказал.*

*Позолоти мою ладонь. Так надо.
Такого ты, наверно, не слышал.
Я имя назову твоё. Стань рядом».
Тут сдался и вынул кошелёк,
В цыганские ладошки медь отдал.
«Отгадывай!», – лишь выдохнуть я смог
И рубль ещё добавит обещал.
Взяла своей рукой ладонь мою,
Другой рукой она ладонь прикрыла
И завела тягуче речь свою,
И долго, непонятно ворожила.
И продолжалось это с полчаса,
А, может быть, и дольше, я не знаю.
Всё ждал, произойдут ли чудеса
Или меня, похоже, заболтают.
И я решил её поторопить:
«Так как же звать меня? Ты ж обещала!»
Но не спешит цыганка говорить
И начинает ворожить с начала.*

*Я отдал ей и рубль, и три, и пять.
И слушал я её уже устало...
Но имя не смогла она назвать,
Хоть денег «заработала» немало.*

Вознесенск

Мы в Одессе прожили недолго, отец получил новое назначение – в город Вознесенск Николаевской области, где я обучался с 5 по 9 класс. Этот город, расположившийся недалеко от реки Южный

Буг, конечно, не Одесса, но тоже очень милый и душевный.

*Чем же город знаменит?
Ну, во-первых, именит:
Все считают и поныне –
Сложен при Екатерине
И названьем наделён
С катерининских времён.
Вот легенда есть какая –
Тут история простая:
Двести лет тому назад
Здесь казачий был отряд.
Он стоял в селе Соко́лень –
Охранял округу в поле
Пешим, конным ли дозором
От разбойников и вóров
Ночью, утром, в вечер, днём:
Днём – с копьём, а в ночь – с огнём.
И однажды, в воскресенье,
В день с названьем Вознесенье,
По имперскому указу
Дали имя ему сразу.
Во-вторых, здесь был Суворов,
Проявлял свой крепкий норов:
Он солдат здесь муштровал,
Расслабляться не давал,
И отсюда путь пробил
На Одессу, Измаил.*

С городом Вознесенском и школой связаны самые тёплые, добрые и нежные воспоминания. Это был период взросления и обретения настоящих друзей. Со многими школьными товарищами, несмотря на то, что судьба всех разбросала по огромной стране, поддерживал дружеские отношения все годы, пока кого-то из них не призывало к себе Небо. Да и я тоже неоднократно был на грани ухода в мир иной, но Судьба, а, вернее, господин Случай, по крайней мере, трижды поспособствовал мне задержаться на этой прекрасной, хоть и грешной, Земле. Об этом написана поэма **«Судьба и Случай»**, изданная в Израиле в 2011 году. В ней рассказано о том, как именно Случай дал мне шанс вновь обрести жизнь, но уже на Святой земле.

Природа не одарила меня богатырским здоровьем, особенно пошаливало сердце. Я не мог бегать, быстро наступала одышка. Помнится, ещё в эвакуации врачи обратили на это внимание и популярно объяснили маме, что сердце меня «обогнало на 30 лет». В связи с этим, в вознесенской школе я был освобождён от уроков физкультуры. С завистью смотрел на весёлых моих сверстников, резвящихся на школьном дворе или в спортзале, умело или неуклюже выполнявших упражнения на гимнастических снарядах, и переживаниям моим не было предела.

После 7 класса, во время летних каникул, вместе с папой провёл три недели в военной санатории в Одессе. Во дворе санатория стояли все гимнастические снаряды и часто на них отды-

хающие «демонстрировали», кто на что способен. И я понемногу начал осваивать снаряды, поскольку никто мне не запрещал.

К началу занятий в 8 классе уже почувствовал, что стал сильнее и увереннее в себе. Поэтому попросил преподавателя физкультуры, одновременно руководителя гимнастической секции, Андрея Яковлевича Шibaева допустить меня к тренировкам, на что получил категорический отказ. Пришлось мне, отторгнутому, тайно, когда никто не видел, пользоваться снарядами, находящимися во дворе школы. Однажды тренер «засёк» меня на снарядах. Потом он рассказывал, что поначалу хотел наказать, как полагается, с вызовом к директору школы, за нарушение режима. Понаблюдав за мной минут 10-15, подозвал к себе и строго спросил:

– Кто разрешил тебе заниматься на снарядах? Ты же освобождён от уроков физкультуры!

– Мне очень нравится гимнастика, хочу заниматься в секции.

– Где научился этим упражнениям?

– Летом с папой был в санатории и весь месяц тренировался. Там отдыхали спортсмены, и они подсказывали мне, как надо работать на снарядах.

– Сделаем так: если принесёшь справку от врача с разрешением заниматься спортивной гимнастикой, возьму тебя в секцию и будешь посещать уроки физкультуры.

В одной из книг я уже писал об Андрее Яковлевиче, но он, в самом деле, заслуживает того, чтобы ещё кое-что рассказать о нём. По нынешним

понятиям, он был совершенно молодой человек, лет 30 – 35. Невысокий, коренастый, широкоплечий, мускулистый. Прошёл войну, участвовал в рукопашных боях: на спине и предплечьях – следы глубоких штыковых и пулевых ранений. При этом имел прекрасную рельефную фигуру атлета, натурально «накачанную». (Какие в ту пору могли быть продукты для бодибилдинга?!) Все упражнения на всех снарядах он сам лично нам демонстрировал. Мы его очень уважали. Многих учителей закулисно мы называли по имени или по преподаваемому ими предмету (математичка, географичка, ботаничка). Что касается физрука – только по имени-отчеству.

Из друзей хочу вспомнить Юру Кургина, Вилю Ступниченко, Виту Шинкевич (Кургину), Жанну Быковскую, сестёр Галю и Лену Исаевых, Вову Евстратьева, моего тезку Валю Мазура... Мне кажется, с учителями у нас были особые отношения: мы их искренне уважали, а они нас любили. Назову некоторых: учительница английского Эльвира Абрамовна Владимирская, преподаватель истории Любовь Вениаминовна Хашминуя, «три богатыря»: Иван Семёнович Каверзнев (директор школы), Николай Семёнович Орлов (преподаватель русского языка и литературы) и Кирилл Семёнович Солопака (физик), которых «за глаза» мы называли: Иван, Николай и Кирилл Семёновичи.

Пришло время, и мы вновь начали собираться в дорогу: отец получил новое назначение – на Дальний Восток. С одной стороны, я был «на

подъёме», и эта перспектива меня привлекала – хотелось новых впечатлений: посмотреть страну, почувствовать пространство, побывать «на краю земли», иметь возможность первым встречать новый день – романтика!

Мне очень не хотелось покидать ставшую родной школу, расставаться с друзьями и учителями. Расставание с ними и школой было грустное.

*Я о пространстве размышляю,
О времени текущем
И мирозданье представляю,
А мыслями – в грядущем.
Смотрю я в небо, словно в вечность,
В пространство голубое.
И ощущаю бесконечность,
Как существо живое.
Я вижу плавное паренье
Большой красивой птицы,
Её цикличное круженье
Над ближнею станицей.*

*Ах, если б я, как эта птица,
Способен был к полёту,
Воспоминания в страницах
Писал бы, «как по нотам».*

*Но, гравитацией придавлен,
Я по земле шагаю
И к земноводному приравнен
(С печалью подмечаю).
«Рожденный ползать» – не летает
И человек не может.
Но кто же в детстве не мечтает
Подняться в небо всё же!
Девятый класс уже окончен,
Я школу оставляю.
Этап мой жизненный закончен
И завтра уезжаю.*

• • • • •

*Прощай, родная Украина
(Вернусь ли вновь сюда я?),
Друзья и гарная дивчина,
И школа дорогая!*

Невозможно забыть ту трогательную обстановку, когда на наши проводы на вокзал пришёл не только почти весь класс, но и некоторые учителя.

5.4. И снова – на восток

На Дальний Восток мы ехали, конечно, через Москву, где задержались на несколько дней и познакомились с достопримечательностями столицы. Затем была долгая дорога до Владивостока. Я почти не отходил от окна, наблюдая за часто сменяющимся ландшафтом – живописными горами, долинами больших и малых рек, степными и

таёжными пространствами. Когда подъехали к Байкалу, поезд надолго остановился, кажется, из-за ремонта железнодорожного полотна, размытого дождями. Мне, вместе с другими пассажирами, захотелось искупаться в Байкале. Но в том месте, где остановился поезд, было очень мелко и удалось только, замочив ноги, поплескаться на лицо, грудь и плечи. Но приятное ощущение от байкальской воды сохранялось долго. Затем были сопки, покрытые кудрявой растительностью, реки Амур, Уссури и, наконец, сам Владивосток.

Две недели прошли почти незаметно, мы много ходили по городу, без конца то поднимаясь, то спускаясь соответственно сложному рельефу. Добравшись до вершин холмов, можно было наслаждаться прекрасными видами моря и бухт. Однажды зашли мы в какой-то универмаг, поднялись на третий этаж и вышли прямо на улицу – удивлению моему не было предела.

Вскоре отец получил все необходимые документы и вновь на поезде мы отправились к месту назначения – в Советскую Гавань. Сначала на поезде мы ехали на север вдоль реки Уссури, проехали Хабаровск и в районе Комсомольска-на-Амуре упёрлись в водную преграду – реку Амур. Весь состав заехал на огромный паром, пересекли широкий водный объект и выгрузились на противоположном скалистом берегу Пивань-пристанн. Затем несколько дней по очень сложной трассе с горными серпантинами и туннелями добирались до конечной цели – Советской Гавани.

Эта дорога тоже была интересной и некоторые моменты я отразил в поэме «Транзит по жизни».

*Однажды утром хмурым
Мы оказались у Амура.
Ветер, дождь, волны движенье –
Это – нижнее течение.
У реки наш поезд «встал»
На всеобщий перевал:
«Оборвались» рельсы вдруг
На таёжном берегу.
Берег низкий и пустынный,
Лес кругом, рельеф равнинный.
Среди леса, весь «закрытый»,
Вырос город знаменитый,
Но стране известен он –
Комсомольском наречен.
Распахнулся град широко
На берегу реки глубокой.
Дальний берег был туманный,
Видно, что высокий, скальный,
И кругом – сплошной гранит,
Пивань-пристань там стоит.
Нам никак туда, как кроме
Добираться на пароме.
Вот подходит он – огромный,
Погрузивши в трюм вагоны,
Пассажиров тоже взял –
Им всю палубу отдал.
Шли мы времени немало,
Нас немного укачало.
Рано, поздно ль, – мы подплыли,*

*Осторожно подрулили,
К берегу пришвартовались
И на скалах оказались.
А затем – по однопутке
Ехали не день, не сутки...
Остановок много было:
Дамбу от дождей подмыло.
Путь-дорога тяжела –
Через скалы пролегла.
Кружевные серпантины
По горам – не по равнине.
Видел я, с каким трудом
Паровоз наш брал подъём
(Где тащился он едва,
Нас тянули сразу два).
Продвигались еле-еле
Через длинные туннели.
Перед тем, как в них въезжали
Окна глухо закрывали.
На одном из серпантинов
На скале – гигант-картина.
Некий храбрый человек –
Заключенный, здешний зэк,
В дождь и снег, в ночи, во мгле
Барельеф рубил в скале.
Днём «строгал», в ночь «выбивал» –
Профиль Сталина ваял.
Он трудился, сколько мог,
Сокращая себе срок,
Получив его «на вскидку»
На примерную «отсидку»*

*За какие-то «промашки»
(Всяк в то время был «букашкой»).*

*Прошло, наверно, суток трое,
Мы держались, как герои.
Устав от долгого пути,
Хотелось с поезда сойти,
Скорее бы прибыть на место.
Хочу признаться (если честно...),
Что даже я устал безмерно
И притомились все, наверно.*

*Наконец, мы подъезжаем.
Что за станция – не знаем,
Ясно лишь: пора сходить,
Видно, здесь мы будем жить.
Стоянка только две минуты,
Платформы нет, ступеньки круты.
Но мы успели разгрузиться,
Вполне удачно «приземлиться».
Тут поезд тронулся рывком –
Кондуктор нам махнул флажком.*

Поезд остановился, как говорится, «в чистом поле», где не было даже намёка на платформу. Мы сначала «выбросили» из вагона вещи: папа «бросал», а я, будучи уже на земле, «принимал» груз. Затем помогли маме и Светлане «сойти» с поезда. Перенесли вещи подальше от железнодорожного полотна, после чего отец отправился искать свою воинскую часть.

*... мы на свой багаж уселись,
Вокруг неспешно огляделись:
Посёлок на пригорке где-то,
Вблизи строений вовсе нету.
А слева – видим моря гладь
И порт большой: судов штук пять.
Четыре судна под погрузкой,
А с пятого идёт «разгрузка»:
Народ «валит» большой толпой,
Вокруг толпы – сплошной конвой
Сопровождает заключенных,
На поселенье осужденных.
Все – под прицелом автоматов
Охранников суровых взглядов,
А рядом на цепях собаки,
Случится что – готовы к драке.*

*Нас слегка хватил испуг,
В дýши страх ворвался вдруг:
Кто мы здесь, куда попали?
И чего тут не видали?
В ожидании машины
Мы сидели, как на mine:
Мимо нас три раза кряду
Шли с конвоями отряды
Настоящих заключенных,
На «отсидку» обречённых.
Люди в робах, телогрейках,
В кепках или тюбетейках,
С потуплённым в землю взглядом
Маршируют молча рядом.*

*Нас они не замечают,
За пригорком – исчезают.*

Прошло немало времени, пока к нам подъехал грузовик – отец в кабине и два солдата в кузове, которые быстро погрузили вещи в машину.

*Подошла машина вскоре.
Погрузились, и вдоль моря
Мы проехали немного
По извилистой дороге.
Вот и резкий поворот –
Это Ванинский был порт.*

Советская Гавань. Ванино

Заканчивать школу мне довелось в городе Советская Гавань, куда семья переехала по новому месту службы отца. Точнее, мы жили при гарнизоне в пригороде, который в ту пору, да и сейчас называется Ванино. Школа моя находилась в самой Совгавани, и я ездил на занятия и обратно или на автобусе, который ходил не регулярно, или на попутных грузовых машинах. Благодаря холмистому рельефу, машины на подъёме замедляли ход, и иногда удавалось, ухватившись за задний борт, перелезть в кузов и доехать до центра города. В удобный момент я спрыгивал из кузова и шёл в школу. Должен отметить, что в это время я активно занимался спортивной гимнастикой и такие упражнения рассматривал в качестве дополнительной тренировки.

Порт Ванино. Где-то там, на возвышении, находился посёлок и наш дом. Оттуда другая, завораживающая панорама открывалась на бухту.

Ещё один ракурс на Ванинскую бухту

Сейчас не вспомню, по какой причине, видимо, по инициативе родителей, последние месяцы обучения я проживал в каком-то интернате недалеко от школы, а домой, в посёлок Ванино, приезжал на выходные. Сам посёлок был небольшой, высоких каменных домов не припомню, и мы жили в деревянном одноэтажном доме барачного типа, а воду нам привозили в бочках.

Что ещё осталось в памяти – это дощатые тротуары, по которым было приятно ходить, потому что они пружинили.

Я продолжал заниматься спортом и после учебных занятий отправлялся в армейский клуб, где был спортзал.

«По доскам тесовым...». Нет, это не Ванино, но примерно так выглядели тротуары далёкого восточного посёлка

Здесь я морелюбил

*Вот и стали мы все вместе
Проживать в таком предместье,
Что звалось посёлком Ванино –
Это часть Советской Гавани.
Год в десятом отучился,
Быстро с классом подружился
И пристрастья изменил –
Вскоре морелюбил.*

*.
Морем сильно «заболел»,
Стать подводником хотел.
И в мечтах о Ленинграде,
О «Дзержинке», как награде,
Я тельняшечку носил,
Морзе-азбуку учил,
В моде были брюки-клёш
(Что с романтика возьмёшь?).*

Благодаря известной песне, это место знакомо многим, как порт Ванино, являвшийся пересыльным пунктом для переправки заключённых в более отдалённые северные районы, в том числе, в Магадан. Кто автор, достоверно неизвестно.

Я помню тот Ванинский порт И крик пароходов угрюмый, Как шли мы по трапу на борт В холодные мрачные трюмы.

На знакомую мелодию и у меня появились такие слова:

Ванинский порт

Я помню тот Ванинский порт

На дальней околице света

Со школьных ещё давних пор,

С короткого жаркого лета.

Я знаю тот Ванинский порт.

Он смотрится как бы «с ладони»

С тех сопок – таинственных гор,

Где дом наш стоял на уклоне.

Я видел тот Ванинский порт

И строй кораблей у причалов.

Там прожил всего только год,

Но это, поверьте, немало.

Красив всё же Ванинский порт

С холмистым окрестным пейзажем,

Подстать и суровый народ –

А что ещё может быть краше!

Глава 6. На невских берегах

Не знаю людей, которые с уважением и ностальгией не вспоминали бы свои школьные годы, с одной стороны, радуясь окончанию учёбы, а с другой – сожалея о расставании с друзьями и учителями. (Конечно, я не имею в виду те нечастые случаи, когда школьные годы приносили кому-то серьёзные неприятности или несчастья).

Как правило, за исключением нерадивых, школьникам «дышалось» легко и свободно, потому что все заботы по организации учебного процесса на себя брала школа и родители. Примерно то же характерно и при последующем обучении в среднем профессиональном или высшем учебном заведении.

По моей (неофициальной) классификации в этот период человеку присуща фаза «нулевого дыхания». В Совгавани проучился всего год, но запомнилось очень многое.

6.1. Вновь на запад путь лежит

В Питер, в Питер!..

Получив аттестат зрелости, я отправился в Ленинград в надежде осуществить свою мечту – поступить в Военно-морское инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. Родители, конечно, переживали за меня, но особо не отговаривали – видимо, понимали, что и они на Дальнем Востоке пробудут не долго.

Итак, собрался я в Питер с большими амбициозными планами и надеждами, но, как говорится, «не тут-то было»! А что было? Было беспечно и наивно, печально и досадно. Об этом я подробно описал в поэме «Транзит по жизни» ещё в 2005 году. Чтобы не излагать привычной прозой мўки и переживания молодого наивного провинциала, отправившегося «с края света» через всю страну в столицу, а затем в самый притягательный для него город земли – Ленинград, приведу несколько отрывков из поэмы.

Я собрался в Ленинград

*С души свалился «крупный камень»:
Уже последний сдан экзамен.
Хороший, в общем, аттестат –
И я собрался в Ленинград...*

*К столице ехал я дней десять,
В тот год июль был жаркий месяц.
В лесу хотелось прогуляться,
А лучше – в речке искупаться.
Во время долгих остановок
(Я был тогда силён и ловок)
Я успевал к реке добраться
И с наслажденьем поплескаться,
Шутя к составу добежать,
А если тронется, догнать,
Вскочить в вагон последний с шиком,
Провозгласив победным криком,
Что всё на свете сможешь взять,*

*Что, кем захочешь, можешь стать:
Пилотом быть иль циркачом –
Мне всё на свете нипочём –
И море было «по колено»,
И ураган – пустяк, наверно...*

*Но долго ль, коротко – дни или,
Мы к Ярославлю подошли,
А там – часа примерно два –
И нас приветствует Москва.*

Долгий путь между вокзалами

*Для меня, провинциала,
Было таинств здесь немало.
Подбежал ко мне носильщик,
Серой тачки волочилыщик,
Сразу помощь предложил,
Куда надо мне, спросил.
– Мне, браток, на Ленинград,
Коль поможешь, буду рад.
Вещи лихо подхватив,
Аккуратно уложив,
Обвязав верёвкой крепко,
За тележку взявшись цепко,
По перрону зашагал
Быстро – так, что я отстал.
(Впрочем, я его догнал,
Никуда он не сбежал).
Покружились мы немало
По асфальту у вокзала.*

*Всё выспрашивал меня:
Кто, откуда еду я,
И зачем мне Ленинград, –
Тараторил он подряд.
А уже на мой вопрос
Он сказал, что сам матрос
И на Балтике служил,
Старшиной на флоте был.
Через полчаса примерно
Говорит он мне уверенно:
– Всё, приехали к вокзалу.
Вижу, ты уже усталый.
Вещи лихо подхватив,
Их ремнём перехватив,
Перекинул на плечо,
В руки что-то взял ещё.
Больше с ним мы не плутали,
По проулкам не блуждали,
Подошли (уж скучно стало...)
К Ленинградскому вокзалу.
Показал он мне, где кассы.
Возле них народу – масса.
Я с носильщиком расстался,
Честь по чести рассчитался.*

Все знают, что от Ярославского вокзала, куда прибыл мой поезд, до Ленинградского – всего каких-нибудь сто метров, но мы кружили вокруг да около не менее получаса! Однако, я не в обиде на носильщика-матроса – как-никак, коллега по моей будущей службе-учёбе.

*Здание с куполом –
метро Комсомольская
(кольцевая). Справа
здание Ярославского
вокзала, слева –
Ленинградский вокзал.
Путь от вокзала до
вокзала занял времени
немало*

Поезд прибыл на Московский вокзал Ленинграда очень рано. А я проснулся где-то после Бологое, задолго до прибытия поезда и с интересом наблюдал через окно слабо залесённую болотистую местность, километровые столбы, «улетающие» назад железнодорожные платформы и, наконец, постройки пригородов Чудово и Тосно.

Утро доброе...

*Утром прибыл в Ленинград,
Дождь прошёл, был даже град.
Сдавши вещи на хранение,
С любопытством и волнением
Вдоль по Невскому пошёл,
Адмиральский шпиль нашёл.
Во-о-н вдали сверкает он,
Ранним солнцем освещён.*

*Вид с Невского
проспекта на
Адмиралтейство*

*С чувством счастья подходил
К дому, что меня манил,
К зданию Адмиралтейства.
Постоял часок без действий,
Замечаю: из ворот
Вышли парни – целый взвод
В тёмных робах и с метлой,
Пострижёны наголо.
Мысль подкралась в самый раз:
«Быть бы мне среди них сейчас.
Много мог бы я отдать,
Чтобы к ним в колонну встать».
И, набравши воздух в грудь,
На порог решил шагнуть –
С долей робости, стеснения
И душевного волнения.
А в комиссии приёмной –
Безразличной, отстранённой –
Молча взяли документы,
Предложили мне анкеты,
Говоря: «Дней через пять
Приходи сюда опять».*

Безуспешные попытки

Отказы

*Эти дни я был спокоен,
Знал, что буду обустроен
И казармой для курсантов
И одеждой с провиантом.*

*Но в «Дзержинке» мне сказали:
«Не берём!» – и отказали.
Был удар – страшнее грома:
Как воспримут это дома?*

*Этот факт я пережил,
Толстый справочник купил,
Пролистал его за ночь,
Все сомненья сбросил прочь.
И пошёл я в Военмех,
Выбрал лучший ВУЗ из всех.
Там мне дали общежитие,
Там же сделал ряд «открытий»:
Консультации, беседы,
Студсовет, в кафе обеды,
Спорт, учёба, даже танцы –
Поднялись вновь мои шансы!
Я осмысливал себя
В инженерном амплуа.
Но уже через неделю
Вновь остался я без цели
У разбитого корыта:
В Военмех мне дверь закрыта.*

*С документами в кармане
Я поехал на окраину,
Где солидный институт
(Авиации статут).
Там всего лишь за три дня
Дали знать – не для меня.*

Итак, **три** попытки поступить в один из престижных вузов Ленинграда оказались холостыми. Я был уверен, в любом из них сдал бы вступительные экзамены с проходным баллом. Но меня к ним даже не допустили. Была досада на формализм, бюрократизм, а, возможно, несправедливую случайность. Амбициозность, доверчивость, убеждённость в торжестве истины, присущие мне в то время, могли надломить наивного юношу. Но, видно, крепкие нервы помогли устоять. Позднее стал понимать, в чём дело.

В жизни поворот

*В моей жизни поворот:
Пятьдесят второй шёл год.*

*Нынче много мы узнали,
А тогда не понимали,
Что творилось вокруг нас.
Было странностью подчас
Ощущать несправедливость
И излишнюю пытливость,*

*Бюрократские отказы,
Формализм, пустые фразы
О ненужности твоей,
Бесполезности своей...*

*Пятьдесят второй шёл год –
В жизни резкий поворот.*

Я не сразу понял – да не хотел понимать, что не проходил по «анкетным данным», и что члены приёмных комиссий возвращали документы не из личной неприязни, а в силу «распоряжения свыше».

*Я три ВУЗа посетил,
Но нигде не «подходил».
Заполняя все анкеты,
Я легко давал ответы:
Не участвовал, не был,
С контрабандой не ходил,
Не сидел, не спал, не брал
И, конечно, не давал.*

.

*Я тогда был на распутье,
Выбор мой был многотруден.
Словно в сказке, три дороги:
Путь направо – хлóпот много
(Вновь в Дзержинку попытаться?
В Военмех опять податься,
Снова поискать успеха –
«Добру молодцу утеха»?).
Это самый сложный путь,
Можно «шею здесь свернуть».*

*А налево повернуть –
Попадёшь на скользкий путь.
Это сразу я отсёк,
Я б туда пойти не смог.
Оставалось мне упрямо
Продвигаться только прямо,
Не терзаться, не томиться, –
Добиваться, чтоб учиться.*

6.2. Гидромет

В последний день приёма документов я успел-таки зайти в Ленинградский гидрометеорологический институт, сдать необходимые документы, и через день узнал, что допущен к экзаменам.

*Что ж, экзамены я сдал,
В ГМИ студентом стал.
Я не просто поступил –
Общежитие получил.*

И начались студенческие будни вперемешку с массой других полезных и бестолковых дел, нужных и вредных увлечений, занятий спортом и посещений музеев, театров...

*Началось моё ученье
Без каких-либо волнений.
С лёгкостью экзамен сдав,
Двадцать семь очков набрав,
Я от абитуриента
Перешёл в ряды студентов.*

Из огромного массива впечатлений и воспоминаний хочется слегка «пройтись» по пятилетнему периоду обучения в Гидромете. Институт давал большой объём информации по общим и специальным предметам. Мы впитывали обширные знания о ландшафтах и топографии, геологии и гидрогеологии, климатологии и метеорологии, гидрологии и гидротехнике.

На этом фоне особенно волнительны были знаменитые белые ночи. Ими любовался Пушкин: **«...не пуская тьму ночную на золотые небеса, одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса»**. Белые ночи в Питере – это уникальное природное явление, понуждающее множество ленинградцев – романтиков и влюблённых – забывать о ночной поре и до утренней зари прогуливаться по набережным Невы, любясь процессом разведения мостов и оригинальной архитектурой зданий.

Ночи белые

*Проходят чередою дни и годы,
Уж лето под июньским небосводом.
Почти не замечаешь ночи светлой
И время протекает незаметно.
Ночь заглянула лишь и отступила,
И новой зорьке место уступила.*

*Застывший купол отражён в воде,
Зеркальна гладь воды в Неве везде...*

*Но вдруг от моря дунул ветерок,
Прошёл он над Невую на восток
Туда, откуда новый день идёт,
И солнце после отдыха встаёт.*

*И побежала рябь по куполам,
Исчезли купола, подобно снам.
А ночь! Была ли ночь? Явь или сон,
Что куполом в воде был отражён?
Ночь кончилась и день нам подарила,
И с облаков на землю опустила.*

6.3. Приобщение к природе. Даймище

Уверен, большинство студентов, поступивших одновременно со мной в гидрометеорологический институт, пришли, в отличие от меня, не случайно, а по зову сердца, в поисках романтики и интересной в последующем работы, так или иначе связанной с изучением природы. Многим такая возможность представилась, и они не жалели. Но кому-то, возможно, и не повезло: работа в глухомани – не из лёгких, особенно для девчонок. Кто-то вынужден был работать не по специальности, так как в некоторых регионах «сворачивались» гидрологические программы, кому-то предлагались заниженные должности. Да и мне в Норильске пришлось начинать с должности техника-гидролога. Но это будет потом, мы об этом не задумывались, а пока – учёба и учебная практика в прекрасном

лесном массиве недалеко от Ленинграда, на берегу реки Оредеж...

Поэтому с особым чувством вспоминается Даймище, где в течение многих лет студенты гидрометеорологического института проходили учебную практику. Мы проживали в палатках (романтика!), проводили много времени с геодезическими, гидрометрическими приборами, обучаясь выполнять натурные гидрологические работы, изучая геологическое строение по береговым обнажениям реки Оредеж.

*Вблизи от питерских болот
На местном плоском возвышеньи,
Где речка Оредеж течёт
И часть долины – в обнаженьях,
Мы поживём в лесной тиши,
Где предстоит практиковаться.*

*Здесь, в неизведанной глуши
На месяц мы должны остаться.
Наш лагерь в парке был разбит
И в нём освоились мы быстро.
Тот парк названьем знаменит –
Имеет что-то к декабристам.*

В палаточном лагере, который располагался на берегу реки Оредеж, в условиях, приближенных к полевым, мы проходили гидрологическую, геологическую и геодезическую практику.

*С походной мензулой в мешке,
В руках – журнал, подмышкой – рейки,
Идём на съёмку налегке,
В панаме или старой кепке.
«Снимаем» вдоль и поперёк
И упраздняем все «невязки».
Болтаться некогда: есть срок,
И мы «халтурим» без опаски.
Измерив множество углов,
Отмерив лентой километры,
Гидролог вновь в поход готов –
В жару и в дождь, в мороз, при ветре.*

В период летних каникул некоторые из нас отправлялись в экспедиции и возвращались энергичными, здоровыми, загорелыми. И мне довелось побывать в непродолжительных экспедициях – в болотах под Ленинградом и в степях на целине.

Шалаш – наш дом

*Я помню тот далёкий год,
Как снарядились мы в поход
И налегке, лишь с рюкзаком,
Ушли на трассу, с ветерком.*

*Пройдя, проехав вёрст пятьсот,
Мы оказались средь болот,
Где был дремуч лесной массив –
В районе станции Разлив.*

*Шалаши – наш дом, пенёк – наш стол,
Трава – постель на «чёрный пол».
Брезент был нашим одеялом –
Тогда довольствовались малым.*

*Мы не жалели ни о чём,
Питались лишь сухим пайком,
По вечерам – костёрный чай,
А если с кашей – просто рай!*

Учёба в Гидромете, практика в Даймище и работа в экспедициях не только «привязали» к природе, научили её понимать и любить, но и чувствовать.

Красота – во всём

*Я вижу красоту во всём,
Что в окружении моём:
В суровых северных морях,
В снегах, что тают, в вечных льдах,
И в неизведанной тайге,
И в с ног сшибающей пурге,
В огромной северной реке,
И в незаметном ручейке,
В пустыне, где среди песков
Нельзя найти покой и кров,
В предгорьях недоступных гор,
К себе манящих с давних пор,
В полёте птиц под облаками,
В ползучих гадах под ногами,*

*И в южной ночи звёзд сияньи,
И полевых цветов дыханьи,
В твоих искрящихся глазах,
В твоих таинственных устах,
В твоей задумчивой улыбке,
Наивной и немного зыбкой...*

6.4. Романтика Севера

Здесь хочу перебросить «мостик» лет на 70 назад, из настоящего времени заглянуть туда, и порассуждать о том, в коей мере детские и юношеские мечты воплотились в жизни, а если не все – сто́ит ли жалеть об этом?

Романтика Севера меня «задела» ещё в школьные годы, когда по книгам познакомился с полярными исследователями Фритъофом Нансеном и Роальдом Амундсеном. Оказал на меня влияние и всеобщий энтузиазм, связанный с эпопеей освоения Северного морского пути и попытками достижения Северного полюса.

И в детстве, и в юности я трезво понимал, что «всё уже открыто» и мне остаётся лишь мечтать о «своём пути». Так засела во мне заноза о морской службе, как наиболее романтической. А пока судьба привела меня в гидрометеорологический институт, где однажды, на третьем курсе появился у меня шанс.

К нам был приглашён руководитель готовящейся первой Антарктической экспедиции на дизель-электроходе «Обь» Михаил Михайлович

Сомов. Он выступил перед студентами и преподавателями с рассказом о готовящейся экспедиции. После лекции мне удалось к нему приблизиться и обратиться с просьбой взять в экспедицию. Сомов деликатно отказал, сказав: «Экспедиция полностью укомплектована с тройным запасом. Учись, друг, и учти, что эта экспедиция первая, но не последняя».

Сомов, безусловно, добавил мне жизненного реализма и оптимизма, благодаря чему я спокойно доучился и при распределении добился направления на север, «где природа сурова и климат жесток», где я смогу и свободу ощутить, и ответственность проявить.

Спустя много лет, после того, как побывал на севере и на юге, в Средней Азии и в Прибалтике, в степях, пустынях и горах, обобщил свои впечатления и ощущения в стихах, в которых подвёл черту под мечтами, которые, по большому счёту, так и не исполнились в полной мере, но оставили след и привили любовь к холодному и суровому краю.

Ни о чём не жалею...

(Песня-баллада)

*Я мечтал осязать широту поднебесья,
Глубину небосвода хотел распознать
И услышать вблизи журавлиные песни,
Бесконечную даль горизонта понять.*

*Небо высокое,
Звёзды далёкие,*

*Вы к себе маните,
Сердце мне раните.*

*Я мечтал опуститься в морские глубины,
Красоту океанского дна изучить,
Где, наверно, в кораллах покоятся ныне
От усталой Земли золотые ключи.*

*Горы высокие,
Реки глубокие,
Вы к себе маните,
Сердце мне раните.*

*Я мечтал путешествовать в знойных пустынях.
Не смущали меня ни жара, ни пески.
Удивляла судьба пастухов-бедуинов,
Заселявших таинственные уголки.*

*Стени бескрайние,
Близкие, дальние,
Вы к себе маните,
Сердце мне раните.*

*Не познал ни того, ни другого, ни третьего:
Ни горячих песков, ни высот, ни глубин.
И не в счёт, что бывал иногда в Шереметьево
И на судне морском по волнам бороздил.*

*Но ничто несравнимо с красотами Севера,
Где природа сурова и климат жесток,*

*Где не часто увидишь кустарник и дерево –
Хоть на Запад иди, хоть беги на Восток.*

*Я там был и, представьте, совсем не жалею...
Заполярье мне видится часто во сне,
И об этом я просто пою, как умею...
Красота белоснежья – при мне и во мне!..*

*Тундра холодная,
Снежно-болотная,
Мне стала судьбою,
И нет мне покоя.*

6.5. Такие судьбы разные

Вспоминать и описывать подробно «жизнь и приключения» «бедных студентов» не только невозможно, но и смысла не имеет, поскольку далеко не все события заслуживают того. Но некоторые страницы жизни застряли в памяти и об этом хочется рассказать. Кое-кого из моих сверстников я упоминал в ранее изданной поэме «Транзит по жизни» (2005). Из многих, с кем часто «пересекался» в студенческой жизни, расскажу о троих: об **Эрике Палагине**, **Васе Крюкове** и **Грете Винер**. Каждый из них отличался особым характером, индивидуальными особенностями и собственным видением перспективы, и у каждого из них сложилась своя, особенная судьба.

Эрик Палагин

С Эриком мы учились в одной группе. Он был ленинградцем, мы быстро сдружились, и я часто бывал у него дома, а он иногда заглядывал к нам, в общежитие.

Эрик Палагин отдыхает после лыжной гонки

Ещё на первом курсе мы с ним начали подрабатывать истопниками в детском саду, который находился в самом начале Невского проспекта, ориентировочно во дворе дома номер 5 или 7-9 (точно не помню). Детсад находился на 4-м этаже, и в нашу обязанность входило, наколов дрова в подвале, принести несколько вязанок дров на 4-й этаж и уложить их возле печей. Мы рьяно взялись за работу, нам выдали трудовые книжки, но нашей энергии и желания хватило лишь на полгода. Работа была не лёгкая и этажи высокие, да и наши спортивные интересы страдали.

Возможно, именно общий интерес к спорту нас объединял: он увлекался акробатикой, а я спортивной гимнастикой. Часто мы ходили на совместные тренировки в разные спортивные залы.

Неоднократно тренировки проходили в залах, где оттачивали своё мастерство знаменитые ленинградские спортсмены. Нам было интересно наблюдать успешных мастеров спорта, выступавших на эстраде и в цирке, акробатическую пару – Зинаиду Евтихову и Николая Фатеева, с которыми Эрик был знаком. Мы считали большой для нас удачей иметь такую возможность – присутствовать на их тренировках.

*Николай Фатеев и Зинаида Евтихова,
мастера спорта по акробатике,
артисты цирка и эстрады*

Эрик рассказывал, что снимался в каком-то эпизоде на Ленфильме, как акробат, исполнявший на арене цирка связку: рондат – фляк – сальто.

Он был философ с оригинальным мышлением и с феноменальной памятью; его математические возможности проявлялись в способности запоминать цифры и производить в уме некоторые арифметические действия с большими числами.

Но были предметы, к которым у него либо «душа не лежала», либо тупо их не воспринимал. В курсе метеорологии мы должны были изучать облака, запоминать их форму и название.

*Мы изучали облака,
Воздушных масс передвиженье,
Прогноз давали «с потолка»,
Порою точно, к удивленью.*

Проверка проводилась по идеальным цветным фотографиям, размещённым в толстом, большого формата «Атласе облаков». Под каждой фотографией была подпись на двух языках – на латыни и на русском языке.

Принимающая зачёт доцент Гальперина Бронислава Мироновна прикрывала листом бумаги подпись под фотографией, а студент должен был сказать название облаков и на латыни, и по-русски. Возможно, не всем было легко, но... справились с задачей.

Одна из сотни фотографий облаков в альбоме:

Перистые волокнистые облака – Cirrus fibratus (Ci fib)

Бедный Эрик несколько раз сдавал зачёт, но ничего не получалось. Я ему пытался помочь – безуспешно. Вдруг он заявляет: «Мне легче запомнить, на какой странице какие облака, чем их форму». Каково ж было удивление моё и всей группы, которые сочувствовали ему, когда через неделю он успешно получил зачёт по облакам, только за счёт своей памяти и абсолютно не запомнив ни одного вида облака.

Вот как судьба играет человеком – через полтора-два десятка лет после окончания института Эрик защищает одну за другой две диссертации. Первая, кандидатская, по теме: «Гидротермодинамика системы атмосфера-снег-почва и её

приложение к задаче агрометеорологического диагноза и прогноза» (даже не специалист поймёт, что такие прогнозы без учёта влияния облаков невозможны!). Затем приходит черёд докторской: «Теория и расчёт тепло- и влагообмена в системе атмосфера-снег-почва для целей диагностики и прогноза перезимовки озимых культур». Здесь тоже: без учёта влияния облачности – никак не обойтись!

Но жизнь Эраста Григорьевича Палагина не была «устлана розами». Его докторскую долго не утверждали в ВАКе, так как были какие-то претензии по юридическому ведомству. В начале 1980-х годов, когда я жил в Олимпийской деревне, он иногда приезжал в Москву, чтобы решать свои проблемы и останавливался у меня. Конечно, бывало застолье, хорошая водка и закуска. Меня настораживало то, что он «глушил» рюмку за рюмкой. Я был уверен, что организм у него крепкий, а зелья для друга, если ему это доставляет удовольствие, не жалко. Правда, приходилось напоминать, чтоб закусывал. Однажды он вышел на балкон покурить, а этаж был 15-й, и начал залезать на перила. Хорошо, что я был рядом, еле оттянул от перил и затащил в комнату, закрыв дверь на защёлку.

Мы с Лилей поняли, что парень «готов» и уложили на диван. Утром ему ничего не сказали, а он, похоже, и не помнил. День провёл в Москве по своим сложным делам. Вечером был ужин без спиртного, а к полуночи он отправился на Ленинградский вокзал.

Через полгода Эрик позвонил из Питера и говорит:

– Я завтра утром приезжаю, готовь лыжи, поедем вместе в Вороново, у меня там доклад будет. Заодно и покатаемся на горках.

А на следующий день, примерно в 11 часов утра раздаётся звонок из Ленинграда. Мне сообщают, что утром в Москве, на Ленинградском вокзале умер Палагин. Случилось это примерно так: поезд прибыл очень рано, и Эрик решил дожидаться, пока пойдёт транспорт, чтоб ехать ко мне или по делам. Скорей всего, ко мне, потому что при нём были лыжи. Присел в кресло, задремал и, по словам соседей-пассажиров, через некоторое время падают лыжи и портфель, а вызванные врачи констатируют смерть.

Надо сказать, последние несколько лет он находился в жесточайшем стрессе. Сначала не утверждали его докторскую диссертацию в ВАКе, затем долго не давали профессорскую должность в институте. Наконец, всё разрешилось благополучно и «свежеиспечённый» профессор собрался на симпозиум в Вороново.

Возможно, были у него проблемы с сердцем, не знаю, но известно, что спортивную форму активно поддерживал. Приходится предположить, что Эрик в течение многих лет был в постоянном психологическом напряжении, он привык к этому и когда всё благополучно разрешилось, организм расслабился и... сдался.

Вася Крюков

С этим вологодским хлопцем мы жили в общежитии на Мойке в одной большой комнате на 14 человек. Мы были далеки друг от друга – абсолютно никаких общих интересов! К тому же, с ним рядом невозможно было находиться, так как он был весьма неопрятен. Но обладал завидной памятью, способностью к обучению и невероятной ленью. На лекции почти не ходил, лежал на своей койке – читал или спал. Перед экзаменами брал у кого-нибудь конспекты, за ночь проходил всю программу семестра и успешно сдавал экзамены.

Он был постоянно голоден, мы его подкармливали, как могли, но не баловали.

Вася Крюков, парень вологодский

При этом, он очень много дымил, тратя на курево почти всю стипендию.

Я неоднократно предлагал ему поискать подработку: можно было вагоны разгружать или, как мы с Эриком, где-нибудь колоть дрова. Он с презрением отвергал такие возможности. Как-то попросил одолжить ему 5 рублей – до стипендии оставалась неделя.

– На 5 рублей до стипендии не проживёшь, – сказал я ему.

– Проживу! Я придумал одну схему, потом расскажу.

Дал я Васе 5 рублей и он «пошкандыбал» в магазин. Через час вернулся, сел за стол и громко объявил:

– Сейчас я вам покажу, как можно на 5 рублей прожить неделю и не испытывать голода. Вот буханка чёрного хлеба, а здесь, смотрите, самый калорийный и сытный продукт, – Вася не спеша начал разворачивать лощёную бумагу, в которую была завёрнута покупка. Когда содержимое открылось нашим глазам, произошло нечто, подобное немой сцене из «Ревизора». На бумаге лежала небольшая кучка красной икры.

– До стипендии осталось 6 дней, – продолжил вещать Вася, – я разделю эту кучку на 6 порций и буду съедать по одной порции с хлебом в день. Будет и сытно, и полезно.

Вася не спеша расправился с первой порцией, с удовольствием закурил и зачарованно смотрел на оставшиеся порции. Мы на него внимания не обращали: каждый занимался своим делом. Спустя некоторое время услышали пока ещё миролюбивый, но уже недовольный голос:

– Что-то не почувствовал я калорий от одной порции, – заговорил он обречённо, – так и быть, съем вторую порцию сегодня, а завтра пропущу.

Постепенно выражение его лица начало меняться: от сладостно-довольного на брезгливо-мрачное. Изложить прозой изменённое настроение Васи, искажённое от гнева лицо, голос, и без того грубый и хриплый, а в данный момент доведенный до уровня крика, право, затруднительно. Надеюсь,

читатель сможет, включив фантазию, представить себе эту картину.

Через несколько минут на столе не осталось ни одной икринки. Вася шумел, возмущался неверной информацией о калорийности красной икры, ругался и долго не мог успокоиться.

У Васи не было ни слуха, ни голоса. Однажды с кем-то поспорил, что, если захочет, может научиться играть на любом инструменте. Ему посоветовали поискать удачи на балалайке. Он это принял всерьёз и записался в секцию струнных инструментов. Через некоторое время принёс в общежитие огромную балалайку-контрабас и музицировал, используя нотные записи. Прогресс в игре на этом инструменте был несомненный.

Это был оригинальный, заносчивый, упрямый и, если не гениальный, то весьма способный к наукам человек, а сгубила его, как и многих талантливых людей, пагубная страсть к зелью.

Небольшой отрывок из ранее изданной поэмы «Транзит по жизни», посвящённый Василию Крюкову, привожу ниже.

Загадочный студент

*Всех загадочней был Вася –
Вологодским парнем звался.
Мало ел, немного пил,
И без усталости курил.
Вася Крюков странным был:
В институт не заходил,*

*Спортом он не занимался,
По театрам не шатался,
Не работал, не творил, –
Философствовать любил.
Отличался горлом хриплым,
Громким, шумным и осиплым.
Может странным показаться:
Не любил он умываться,
Месяцами жил – как был,
Даже в баню не ходил.
Не менял свою одежду,
Жил всегда одной надеждой –
Денег где б перехватить,
Хлеба чёрного купить
И, конечно, без вопросов,
Непреренно – папирсы.
Он в одежде – примитивный,
Был одет в костюм спортивный,
Что ни разу не менял,
И ни разу не стирал.
Не умел иль не хотел,
Но костюм почти истлел.
На кровати, как на нарах,
В тёмно-серых шароварах
Пролежал почти пять лет
(Кто поверит, что не бред?).
Он лежал, мечтал, читал,
В честолюбии витал,
Нас всерьёз не принимал,
Себя ж – гением считал.
Забегу вперёд, наверно,*

*И признаюсь откровенно:
Он и впрямь был гениален,
Неуживчив, в чём-то странен,
Но, конечно, отличился –
В числе первых защитился.
Был ленив и не активен,
Хоть в науке перспективен.
Как иной большой талант,
Был несдержанный педант.*

*И вот – учёба завершилась,
Мы по стране распределились –
С тех пор его я не видал,
Однако от друзей узнал
(И то печальной правдой было),
Что к пьянству страсть его сгубила.
Ему прощали в коллективе
То, что другому не простили б:
Дебош, скандалы, хулиганство
И необузданное пьянство.
Он – регулярный посетитель
Объектов типа «вытрезвитель».
Но сердцу, видно, трудно стало
И Васи вскорости не стало.
Признаться честно, очень жаль –
Талант безвременно пропал...*

Грета Винер

Грета – ленинградка, мы с ней были в разных группах и, как ни странно, познакомились на почве поэзии. Странно, потому что, если я просто любил

поэзию – добротную, понятную, лиричную и романтическую, но сам не посягал на творчество, то Грета Винер уже тогда была настоящим поэтом.

Однажды я увидел, как она записывает стихи в толстую тетрадь в коленкоровом переплёте, поинтересовался, чьи стихи.

– Мои, – ответила она, – а ты тоже пишешь?

– Нет, я не пишу, но я люблю поэзию. Отец мой пишет, а я – нет!

– Если хочешь, могу дать почитать на лекции. Садись на этот ряд, передо мной, я закончу переписывать и передам тебе тетрадь. Только не забудь вернуть.

Грета Винер, поэтесса от рождения

Так и произошло: через четверть часа после начала лекции я получил тетрадку, раскрыл её, и через пять минут забыл обо всём постороннем. В дальнейшем это происходило всегда, когда были общие для наших групп лекции в этом зале. Я сажусь перед Гретой, она мне передаёт тетрадку, и я ухожу в «астрал». Это, конечно, преувеличение – о лекции я не забывал.

Я читал и перечитывал её стихи, поэтому некоторые из них запомнил навсегда. Но тогда даже не предполагал, что пройдёт время и у меня появятся свои стихи, поэмы, книги. При этом, я всегда буду помнить о толстой Греткиной тетради в коленкоровом переплёте с лирико-романтическими стихами. Вот как об этом написано в поэме «Транзит по жизни»:

***На лекциях стихи читал
Из толстой Греткиной тетради.
Во время чтения забывал,
Где я. (Простите, Бога ради!)
Вот два, что в памяти, стиха
Я приведу (здесь нет греха).***

Да, ты прав – пусть лучше будет так.
У меня бы воли не хватило
Всё сказать самой, но ты – моряк,
Твоя воля в штормах закалилась.

Врозь, так врозь. Уж лучше рвать вначале,
Уничтожив первые ростки.
Тут не обойдётся без печали
И не избежать глухой тоски.

Но ведь сердце ныть не может вечно,
Если чувства нечем подогреть.
Разлюблю и я тебя, конечно,
А потом забуду пожалеть.

Боль, тоска и печаль теперь в сердце моём,
Что-то жжёт нетерпимо в груди.
Почему, почему мы не можем вдвоём,
Почему ты сказал – уходи?

Я покорно ушла, но бунтует душа,
Безразличной так трудно мне быть.
Ты пронесишься мимо, к другой спеша,
Что ж, её ты должен любить...

Но слова, что сказала тебе тогда,
Никогда не верну назад.
И прошу, ведь тебе не составит труда
Иногда бросить тёплый взгляд.

В конце учёбы Грета написала великолепное стихотворение о Даймище (база учебной практики института), которое, после того, как к нему наш сокурсник Альберт Клавен сочинил мелодию, надолго стало своеобразным гимном, обращённым к младшекурсникам.

Последний курс – бегут года,
И за плечами много пройденных дорог.
Но в час вечерний иногда
Нас манит Даймища далекий огонек.

В пустынный парк наш курс пришел,
И вырос лагерь там под сенью старых лип.
Забит был нами первый кол,
И водомерный пост торжественно открыт.

Но никогда уж к тем местам,
Где стала нам родной стихиею вода,
К крутым песчаным берегам
Мы, к сожалению, не вернёмся никогда.

Что ж на прощанье вам сказать?
Вы наше Даймище любите, малыши!
А нам его уж не видать...
Об этом спели мы вам песню от души.

1956 г.

Что правда – то правда: большинству наших выпускников так и не удалось физически побывать в Даймище после выпуска, но, убеждён, для всех здесь «стала родной стихиею вода», и никто не может забыть этих прекрасных мест, где, хоть и кратковременно, проходила их юность, насыщенная

учёбой и отдыхом, дружбой и взаимопомощью, лирикой и романтикой.

Я уже писал, что судьба разбросала нас по всей стране, и когда приезжал в Ленинград, всегда надеялся на встречу с Гретой. Но не получалось. Встретились мы только через 60 лет после окончания института, и первый мой вопрос был – где тетрадка в коленкоровом переплёте со стихами?

Мне показалось, что я больше расстроился, чем она, когда услышал, что тетрадь утеряна. Мы сидели в уютном кафе – Грета, я и Алик Карпасов. Я ей почитал свои стихи, включил диктофон с некоторыми моими песнями и, конечно, подарил книги. Договорились встретиться через год, но... вскоре её не стало.

В памяти сберечь

*Моих ровесников немало
За долгий срок ушло, не стало.
(Смотрю на фото давних лет –
На лицах их печали нет).*

*Ушли до срока в мир иной,
Забрав и молодость с собой.
Вот только кое-кто из них:
Палагин, Барисас, Жидких...*

*Не буду дальше продолжать
И скорбный список оглашать.*

*Мне не назвать всех поимённо,
Им отдаю свои поклоны
И адресую свою речь,
Чтоб в нашей памяти сберечь:*

*Я рад за тех,
кто в эти годы выжил,
Кто после ночи
утра ждёт всегда,
Но в скорби головы
склоним пониже,
Помянем чаркою
ушедших в никуда.*

6.6. Что же, всё-таки, неясно в этом городе прекрасном?

*Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен —
тот,
по-моему,
просто глуп.*

В. Маяковский, «Домой!»

Призыв поэта действует противоположно: ясности не хватает, и мысли об этом просто так не уходят. При абсолютной привязанности и любви к Питеру – Неве, каналам, мостам, набережным, уникальной архитектуре зданий и парков, всё же

что-то «царапало» в душе, а мысли противоречивые не давали покоя, да и сейчас беспокоят.

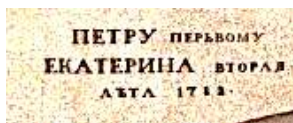
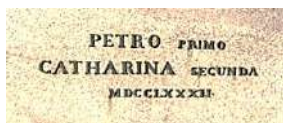
Нужно высказаться, то есть самовыразиться. Речь пойдёт о монументах и названиях города на Неве. Тема – обширнейшая, и мне её всесторонне не поднять, коснусь лишь самого странного (неясного).

Главный питерский памятник

Часто ночные прогулки по Ленинграду заканчивались у «Медного всадника», отлитого из бронзы, – великолепного памятника Петру I на Сенатской площади, сооружённому в 1782 году при Екатерине II.

На постаменте привлекают надписи: «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782.» с одной стороны и «PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII.» с другой

Конечно, Пётр заслуживает увековечивания и в бронзовом памятнике, называемом, с лёгкой руки А.С. Пушкина, «медным», и в названии города. Но

иногда, подолгу простаивая перед памятником, разглядывая его со всех сторон, невольно задумываешься, какой ценой всё это достигнуто.

Что подало ему весть...

*Я взволнован был, конечно
И к Неве пошёл беспечно
Вдоль гранитных парапетов,
Для себя ища ответа
На вопрос ещё с утра:
Что заставило Петра
Здесь, где чахлы берега,
Строить город на века,
Забывая сваи в воду,
Погубивши тьму-народу,
Возвеличивши себя, –
Так страну свою любя?
Что подало ему весть
И столицу перенести,
И чтоб всяк мог помнить, знать –
Своё имя граду дать?..*

О названии города

«Своё имя граду дать». Своё или не своё? Не имея возможности окунуться в «архивную пыль веков», буду опираться не на реальные документы, а на информацию, как говорят, «из открытых источников», а также на собственные логические рассуждения.

Петр I дал название городу в честь **святого апостола Петра**, при этом, поначалу использовался голландский вариант написания: **Санкт-Питер-Бурх** (Город Святого Петра). Совпадение с именем самодержца – случайное, а, может, и не совсем случайное... С расчётом на будущее... Как отмечено в Википедии:

«Первоначальное **Sankt-Piter-Burch** было имитацией голландского произношения Sint-Petersburg, так как Пётр жил и учился некоторое время в Нидерландах. В 1720 году название Санкт-Питербурх меняется на **Санкт-Петербург**». В 1721 году Пётр принял титул императора, а в январе 1725 года скончался от тяжёлой болезни.

История говорит о том, что царь Пётр I был фигурой сложной, неоднозначной, противоречивой – великий реформатор и жестокий тиран... Однако, ни у кого не возникает намерения возвратиться к оценке того времени с осуждением, возмущением и проклятиями в адрес диктатора и тирана, жестоко «погубившего тьму-народу». Все деяния Петра и методы его правления давно зафиксированы в летописях, при этом, не забыты и не вычеркнуты из истории ни благие поступки, ни жестокие и отвратительные (по нынешним понятиям).

В то же время, преимущественно отдаётся должное ему, как энергичному, разумному и целеустремлённому государственному деятелю и реформатору, заслуживающему увековечения. Нет

смысла перечислять его достижения в экономике и военном деле, в образовании и промышленном развитии... Недаром А.С. Пушкин посвятил ему такие строки:

То академик, то герой, То мореплаватель, то плотник, Он всеобъемлющей душой На троне вечный был работник.
--

Но и «греховных достижений» за ним числится немало – достаточно прислушаться к оценке его деятельности Н.М. Карамзиным, который, наряду со многими недостатками отмечает и чрезмерное увлечение европейским, в частности, немецким образом жизни. Да и церковь, похоже, была им обижена и официально не причислила его к лику святых.

Поэтому странно в современном светском мире выглядит название града Петра – **Санкт-Петербург (город Святого Петра)**, принятое в 1991 году на референдуме с незначительным перевесом, на волне неустойчивого состояния страны и общества. Так что ни приставка «Санкт», ни реверанс перед немецкой формой написания и звучания, обоснований не имеют. Поэтому представляется более логичным и достойным названием, то, которое уже было в истории города, – просто **Петроград!**

Где памятнику быть?

По-своему «разобравшись» с названием великого города, отдав должное монументальному увековечению великого правителя России, не могу не поделиться мыслями о последнем (насколько мне известно) оригинальном памятнике Петру 1, созданном выдающимся современным скульптором-монументалистом Зурабом Церетели. Как бы ни относиться к нему лично и к его творчеству, этот монумент, безусловно, заслуживает особого внимания!

Памятник Петру 1 в Москве, на искусственном острове в пойме реки Москвы. Автор Зураб Церетели. Справа – прямоугольное здание Центрального дома

художника; слева – здание Президент-отеля на Большой Якиманке, за которым находится дом, в котором я проживал в те годы

Фрагмент памятника Петру 1. Автор Церетели

Официально он именуется: памятник **«В ознаменование 300-летия российского флота»**. Как указано в Википедии, это «один из самых высоких памятников в России. Общая высота памятника 98 метров, высота фигуры Петра 18 м». После долгих дискуссий и обсуждений, в 1997 году он был установлен на искусственном острове в пойме реки Москвы, недалеко от Центрального дома художника. Поскольку в то время я проживал совсем рядом, на Большой Якиманке, довольно часто бывал возле памятника, рассматривал его и издалека, и вблизи, поражаясь грандиозности и оригинальности монумента, но, в то же время, удивляясь столь неудачному его расположению в центре столицы. Ни тогда, ни сейчас не считаю возможным и необходимым дискутировать о достоинствах или недостатках этого комплекса. Хочется лишь высказать мнение-вопрос: почему этот памятник установлен в пойме реки Москвы, а не в Питере, например, на дамбе Финского залива, символически приветствуя корабли, плывущие в Россию с добрыми намерениями?!

Глава 7. Норильский период **(«первое дыхание»)**

Обучение в институте завершалось, и я с нетерпением ждал информации о распределении на работу. Когда, наконец, нам об этом объявили, было неожиданно и приятно, что есть две престижных заявки в далёкий Норильск. Шансов у меня было не много, так как в первую очередь учитывались желания успешных выпускников и такое назначение получила «круглая» отличница Наташа Вострякова.

На второе место было мало претендентов, и оно досталось мне. Лиля попросила комиссию по распределению направить её тоже на север, поближе к Норильску и получила назначение в какой-то посёлок Ямало-Ненецкого автономного округа (то ли Ямбург, то ли Самбург). В конце обучения мы с Лилей создали семью и решили ехать вместе в Норильск, имея только одно направление на работу.

7.1. Путь на Север

Наше «освоение» севера было не лёгким и не триумфальным. Мы с Лилей ожидали трудностей, готовы были их преодолевать, трезво понимали, что будут бытовые проблемы, но были уверены, что перенесём их легко, ведь мы изыскатели, и нам не привыкать к лишениям и неудобствам. Нам «дышалось» легко – в прямом и переносном смысле. Но то, что первые трудности возникнут уже по дороге к заветной цели, – даже «не снилось».

В Норильск добирались долго и с приключениями. Сначала мы с Лилей посетили представительство Норильского комбината в Москве, где нас принял недавно назначенный на должность директора Норильского комбината **Дроздов Владимир Васильевич**. Он по-доброму нас напутствовал, пожелал успешной работы и пообещал, что с трудоустройством жены на месте разберёмся. Затем распорядился, чтоб нам срочно выдали необходимые документы и, кажется, даже подъёмные.

Маршрут на Север

*Маршрут на Север был нелёгок
И протяжён, и слишком долг –
«Плацкартным» прежде к Енисею
До Красноярска, сквозь Расею,
Затем на пароход посадка,
В Дудинке снова пересадка,
И вновь железная дорога,
А там – до места путь недалгий.*

В середине августа 1957 года мы с лёгким сердцем и «свободным дыханием» выехали из Москвы на поезде в Красноярск, где должны были пересесть на пароход и отправиться по Енисею на север, к Дудинке. Но тут неожиданно оказалось, что билетов нет, так как все пароходы до конца августа зафрахтованы Норильским комбинатом для перевозки детей из южных пионерских лагерей. Нам удалось остановиться в гостинице, но ежедневно мы

пропадали в районе билетных касс и пытались «не прозевать» момент, когда начнут продавать билеты и мы сможем отправиться вниз по течению по Енисею. Помню, в это время в Красноярске была «несносная» жара, и мы даже не предполагали, что, прибыв в Норильск, окажемся «в зиме».

Через несколько дней появилась информация, что будут продаваться билеты не на пароход, а на... баржу, которую какой-то буксир будет тянуть за собой до самой Дудинки. Нисколько не раздумывая, мы решились на такой вариант.

Наступил день отплытия. Августовская жара в Красноярске в тот год, по-видимому, была рекорд. Мы были легко одеты и вещей у нас было мало, в том числе и тёплой одежды. Всё намеревались приобрести на месте.

Буксир «тянет» баржу на север, к Дудинке

И вот, мы погрузились на долгожданную баржу, точнее, оказались в трюме, где прежде размещались заключённые, которых баржами перевозили на север. Нам удалось занять место на верхнем этаже трюма. Был сплошной дощатый настил, на котором лежали матрасы; ни топчанов, ни каких-либо лежанок не было. Нас и это не обескуражило, наоборот, думалось, что с этого уже начинается романтика путешествия. В трюме было

душно, спуск в него был через какие-то люки по крутым лестницам. Поэтому мы почти всё время проводили на верхней палубе и любовались природной красотой. Через несколько дней пути созерцание окружающей среды наскучило, возможно, потому, что берега стали менее привлекательными, более низменными и унылыми, да и ветерок уже пронизывал не на шутку.

*Дорога к Северным сияньям
Была не лёгким испытаньем.
На пароход мы не попали,
Баржой нас на барже сплавливали
Вниз по течению семь дней.
Что может быть скучней, трудней?
Баржу за трос тянул буксир,
Старался из последних сил.*

*В барже мы на полу лежали.
Встать невозможно. Мы устали
К концу недельного пути –
Ни встать, ни сесть и не уйти.
(На барже той, нам сообщили,
На Север «зэков» провозили).*

*В начале длительной дороги,
Остыв от жарких дней немного,
Природу края наблюдая,
Что было ново отмечая,
Красотам здешним умилялись,
Речным просторам удивлялись.*

Это путешествие длилось целую неделю и когда прибыли в Дудинку, уже шёл снег. К ночи, прилично перемерзшие, «с боем» влезли в товарный вагон, полностью «набитый» людьми. Нам достался участок пола примерно в один квадратный метр в центре вагона, и это оказалось относительно удачное место, так как вагон был старый, кругом щели, сквозняки гуляли и нас также задевали, а одеты мы были довольно легко. Прилечь было негде, сидели всю дорогу на чемоданах, прикрывшись моим демисезонным пальто, заранее, ещё по прибытии в Дудинку, вынутым из багажа. Поспать не удалось. Поезд двигался по-черепашьи, с многочисленными остановками.

***Ещё запомнилось нам это:
Тот год был с очень жарким летом.
В Дудинке ж – ветрено и снежно
И было зябко нам, конечно.
Всю ночь в разболтанной «теплушке»
Не спали (нет нужды в подушке,
Коль негде голову склонить),
Сквозит! До утра не дожить!..***

Наконец, примерно в 6 часов утра наш «товарняк» прибыл на железнодорожную станцию «Норильск». Нам подсказали, как добраться до отдела кадров комбината: «Подойдёт автобус (без номера), садитесь и езжайте до конечной остановки. Перейдите на противоположную сторону площади, садитесь в автобус и езжайте до конечной остановки

– там Управление комбината». Странно, но всё же так и получилось.

7.2. «Не ждали...»

А в отделе кадров нас встретили нелюбезно: вакансии для нас нет. Мне предложили должность техника в изыскательском отделе Проектной конторы, а Лиле просто отказали, но пообещали, если что-то появится, ей сообщат. Формально мы могли отказаться от такого предложения, но... не возвращаться же в Москву или в Питер. Мы были молоды, неприхотливы и наивны – пришлось согласиться.

Первое время жили в коридоре общежития, затем нам выделили комнату. Я вышел на работу, познакомился с работниками отдела изысканий и вскоре узнал, что именно в это время комбинат переживал кризис, ряд предприятий были под угрозой закрытия, объём изысканий сократился, поэтому и вакансий не стало.

Новый директор В.В. Дроздов только вникал в «курс дела», и было бесполезно добиваться встречи с ним, чтобы напомнить о разговоре в Москве.

*Признать с досадой мы должны,
Что мы там были не нужны.
Меня, как техника, признали,
А Лиле вовсе отказали.
С работой мытарства пошли:
На краю света не нашли*

*Мы нашим знаниям примененья,
И сникли наши устремленья.*

7.3. Норильский масштаб

Комбинат нас порадовал своими масштабами: шахты и рудники, обогатительное производство, заводы разного профиля, а рядом – прекрасный город с капитальной застройкой, с театрами и кинотеатрами, больницами, школами, с обычной и технической библиотеками, спортивными залами...

Невозможно было себе представить закрытие этого промышленного гиганта, тем более, что, работая в отделе изысканий, я знал об огромных неиспользуемых запасах подземных богатств. Здесь, вблизи реки Норильской, и был построен город.

Здесь город заложен

*Когда-то город заложен,
Моим ровесником был он,
И кто бы что ни говорил,
Но город – есть, и я там жил!
В краю болот, в стране озёр,
Что у подножья дальних гор,
Где многолетней мерзлотой
В земле пронизан мощный слой, –
Там – Крайний Север и всегда –
Ветра, сугробы, холода.*

Дроздов начал реорганизацию предприятий комбината, и в этом деле огромную роль сыграл также недавно назначенный главным инженером комбината 34-летний **Владимир Иванович Долгих**. Я несколько раз видел его со стороны на различных предприятиях, казалось, он – вездесущ! Но больше всего мне запомнились его лекции для молодых специалистов о производстве и экономике комбината. Я старался их не пропускать.

Директор Норильского комбината В.В. Дроздов (слева) и главный инженер комбината В.И. Долгих

Отделом изысканий, куда меня приняли на должность техника-гидролога, руководил человек трудной, но благородной судьбы, тихий, не очень разговорчивый, но принципиальный, Михаил Васильевич Ким, корейского происхождения. Он практически всегда находился в своём кабинете – приходил задолго до начала рабочего дня и задерживался после его официального окончания.

*Начальник отдела
изысканий
Проектной конторы
Норильского
комбината М.В. Ким*

Мы, молодые специалисты, а одновременно со мной в отдел изысканий были приняты ещё три выпускника институтов (два геолога и геодезист) поначалу недоумевали, в чём дело. Но, спустя некоторое время, от старших коллег узнали, что именно наш Михаил Васильевич разработал и внедрил оригинальный способ строительства современных зданий на вечной мерзлоте и постоянно работает над усовершенствованием способов и конструкций свайных фундаментов на мёрзлых грунтах. Благодаря внедрению его методов, в Норильске перестали проседать и разрушаться здания.

Суть его метода, если кратко, заключается в сохранности мерзлоты под возведённым зданием путём обеспечения продуваемых подполий, то есть, сквозняков. Он выполнял сложные технические расчёты, а в то время помощником у инженеров были только арифмометр да логарифмическая линейка. Его методики используются и в других районах Крайнего Севера. Ещё при жизни он получил ряд наград, а в 1966 году удостоен Ленинской премии. Михаил Васильевич прожил

всего 63 года и умер в Красноярске в сентябре 1970 года, находясь на совещании по строительству в условиях вечной мерзлоты.

Как он оказался в Норильске? Как и большинство других начальников и руководителей проектных и изыскательских подразделений в то время, – по несправедливому приговору суда.

Практически все они получили полную реабилитацию, но ещё долго оставались в Норильске, хотя имели право на возвращение в родные места. Хочется хотя бы перечислить имена нескольких моих непосредственных руководителей, отличавшихся удивительной скромностью, порядочностью, тактичностью по отношению ко мне, молодому специалисту, несмотря на значительную разницу в возрасте и пережитое в связи с несправедливым арестом. Вот эти имена: **Евгений Александрович Попов** – руководитель гидрологического сектора; **Георгий Варфоломеевич Михайлов** – начальник отдела спецработ (гидротехнических) Проектной конторы; **Лев Александрович Рабинович** – главный инженер Проектной конторы Норильского комбината.

Мои обязанности

*В мою обязанность входило
«Снимать» объекты нивелиром.
Вставал я рано по утрам
И много «лазил» по горам.
Ходил на речки, ручейки,*

*Порою делая круги
Вокруг бесчисленных озёр
Размерами со школьный двор.
Я среди них однажды сбился,
Между озёр и заблудился.
Они сплошными кружевами
Повсюду были «под ногами».
На малых речках в эти годы
Я измерял воды расходы,
Режим их водный изучал –
Корпел, сличал и обобщал.*

Постепенно я втянулся в работу, меня повысили до инженера, а вскоре предложили перейти на проектную работу. Лиля устроилась на метеостанцию, а затем получила возможность применить свои гидрологические знания в качестве наблюдателя за режимом речных наносов в районе водозабора, обеспечивавшего подачу воды из реки Норильской в город Норильск. Проблема была в том, что речные наносы постоянно мигрировали к водозабору и угрожали заилением приёмных окон. Нужно было регулярно давать информацию для работы земснаряда.

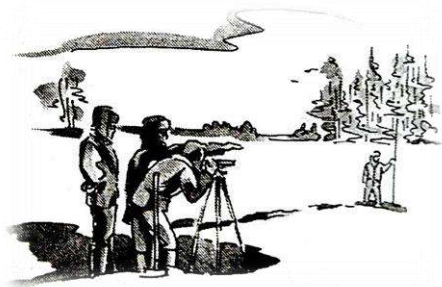
В глубинах памяти возникают многие опасные, рискованные случаи, связанные с работой и жизнью в этом «белом безмолвии». Приведу лишь несколько из них.

7.4. Северные рассказы

Рассказы будут не столько в прозе, сколько в стихах. Так уж получилось, что воспоминания о разрозненных событиях, запомнились не просто как рядовые явления, а сохранились в памяти в силу их непредсказуемости и опасности. И поэтому не случайно эти сюжеты оформились в виде зарифмованных строк.

Солнечный ожог

Как-то в апреле собрались в экспедицию на озеро Лама, к северо-востоку от Норильска, для выполнения специальных гидрологических исследований, включая проведение ледовой и снеговой съёмки на озере.

Снежная целина,
совершенно не
затронутая цивилизацией,
лишь чуть-чуть подтаивающая
днём из-за постоянно
ярко сияющего

солнца и подмораживаемая ночью при температуре воздуха около минус 20 градусов, была покрыта весьма крепким настом, по которому можно было ходить, не рискуя провалиться в снежную массу.

Вот как я отобразил наше путешествие в поэме «Транзит по жизни».

Охота

*Однажды зимним утром, рано
Отправились на Пудорано.
Предгорья этих низких гор
Поистине – страна озёр.
На тракторах и санях с будкой
Мы продвигались третьи сутки.
Была прекрасная погода,
С морозцем в это время года.
А солнце яростно светило
И без очков меня слепило.*

*Пришёл Василий, бывший зэк,
Но, в общем, смирный человек.
Как оказалось, он, студентом,
Был кем-то вроде диссидента.
На анекдотах пострадал
И срок – лет восемь «отмотал».
Теперь – на вольном поселеньи,
Всегда в хорошем настроеньи.*

*Он громогласно объявил:
«Я зайца, братцы, замочил.
Кто будет чистить, потрошить?
Я ж куропаток буду бить».
Мне захотелось пострелять,
Себя в охоте испытать,
Но никогда досель ещё
В руках я не держал ружьё.*

*Так вот, с Василием вдвоём
Пересекли мы водоём,
Поднялись в горы, в чахлый лес
И огляделися окрест.
И тут, буквально из-под ног,
Метнулся заяц резко вбок.*

*Василий сделал инструктаж,
Дал мне ружьё и патронташ,
Меня оставил на пригорке,
А сам пошёл повыше, в горку.
Остался я один с оружием,
Но зайцев нет, «бастуют» дружно.*

*А Васе, видно, повезло:
Я слышу выстрелы его.
И тут берёт меня досада –
Напрасно я стою в засаде.
От скуки можно «умереть»...
Мне ж нужен зайчик – не медведь!
Но зайцев нет, ни одного,
В охоте «счастья не дано».
Лишь важно ходят, «топчут пятки»
Большие птицы – куропатки.
Они не очень-то пугливы,
Вальяжны и неторопливы.*

*Я положил на снег палатку
И взял прицел на куропатку.
Следил за птицей через мушку,
Ко мне идущей по опушке,
Не замечая никого
И не предвидя ничего.
Ружьё на снежный ком поставил,
На птицу ствол ружья направил
И стал отслеживать в прицел
Передвигающуюся цель.
Хотел попасть, не промахнуться,
Во власть охоты окунуться.*

*Я подпускал её всё ближе,
Водил ружьём то выше, ниже,
То вправо – слева и обратно,
Мне наблюдать за ней занятно.
Идёт она всё ближе к дулу.
Тут мой азарт, как ветром, сдуло:*

*Ну, пусть поближе подойдёт,
Пускай подольше поживёт.
И птица делает шагжок,
Вот-вот нажму я на курок.
Мы знаем с давних пор, извечно –
Что птичка божия беспечна.*

*Осталось ей шагов шесть-пять –
Но слишком близко, чтоб стрелять.
В прицел ружья стараюсь влиться...*

*Вдруг что-то начало двоиться,
Я, как в тумане, птицу вижу,
И отвожу глаза пониже.*

*А снег в глазах блестит огнём,
Как будто всыпал кто песком.
Моё ружьё упало вдруг,
Скользнув из ослабевших рук,
И я уткнулся в снег ничком,
В глазах темно и в горле ком...*

*В тот день я птицу не подбил,
Глаза ж надолго повредил
И для отряда стал обузой –
Простой балласт, излишек груза.
Я был с повязкой на глазах —
Закрался в душу подлый страх:
Наверно так тому и быть,
Своих глаз больше не открыть,
В такие юные года
Не видеть света никогда!..
И в тягость быть всегда и всем,
Как дальше жить, не знал совсем.*

*Ещё три дня мы были «в поле»,
Я «отдыхал», страдал от горя:
Ребята вкалывали «в поте»,
А я не мог помочь в работе.
В конце концов спустились с гор,
А мне обидно до сих пор –
В момент ответственный такой*

*Покинул я наш дружный строй,
Лежал беспомощным в обозе,
Дрожа в тулупе, на морозе.*

*Но всё прошло. И я здоров,
К работе приступить готов.*

Как я в тундре заплутал

Сейчас, когда пишу эти строки, даже не верится, что такое происходило со мной. И неоднократно... Часто в одиночку ходил в тундру для выполнения конкретных не очень сложных заданий. Происходило это и при круглосуточном сиянии солнца, и в полярную ночь. Погода бывала переменчива весьма: тихая и ласковая рано утром, когда я отправлялся в путь и неожиданно днём или к полудню сменявшаяся на ветреную, со слепящей снежной круговертью, суровую и жёсткую. Почему-то даже на миг в голову не приходило, что могут встретиться дикие голодные животные, да и беглые злоумышленники ещё не перевелись на тот момент...

В тундре

*...однажды, по заданию,
Я отправился в поход,
Чтоб проверить колебания
Уровня грунтовых вод.
Утро выдалось прекрасное,
Даже солнце за окном,
А мороз – так дело ясное:*

*Ведь не в тропиках живём!
Ветер дул ещё умеренно,
Но пронизывал чуть-чуть.
Я по тундре шёл уверенно,
Подставляя ветру грудь.
Оказался в мире красочном,
Где болота – в ширь и в даль,
В настоящем царстве сказочном,
О котором лишь мечтал!
Мочажины, кочки снежные –
Восхитительный ландшафт,
И стоят берёзки нежные,
И февраль сменяет март.
За Полярным кругом северным
Март – пока ещё зима.
Здесь погода переменчива,
Неустойчива весьма.*

*Налетело резко облако,
Налилось тугим свинцом,
Понесло позёмку волоком,
Зазвенел лёд бубенцом.
Туча мрачной мглой надвинулась,
Закружила снеговерть.
Небо в омут опрокинулось
И ушла земная твердь.
Шаг за шагом я, с шестом в руках,
Проверяю глубину,
Мне пока ещё неведом страх,
Ведь пока что не тону.
А стоять нельзя – бессмысленно,*

*Да сбивает ветер с ног,
Пожалеть пришлось мне искренне,
Что легко одет – продрог!
Понимаю – надо двигаться,
Чтоб согреться сей же час...
Под ногами – снега жижица,
Затерялся плотный наст.
И куда идти – неведомо...
Где тут Запад, где Восток?
Местность мною не изведена,
Здесь живу недолгий срок.
Не видать ни зги. В ушах свистит.
Подгоняемый пургой,
Я пока ещё могу пройти
Там, где наст есть под ногой.
Впрочем, не было волнения,
Хоть порядочно устал.
Запоздалый червь сомнения
Душу мне не посещал.
Через час пришло отчаянье,
Показалось – свет не мил,
Но дежурных слов раскаянья
Я себе не говорил.
Ночь глубокая надвинулась,
Час критический настал –
Под ногами что-то сдвинулось,
Я споткнулся и упал.
И подняться – нету сил уже...
Так, закрыв глаза, лежал,
Многоцветью ярких миражей
С наслаждением внимал.*

*Снежной бури завывание,
Тот навязчивый мотив
Убаюкивал внимание
И сознание мутил.*

*Сколько так лежал, не знаю я,
Но почувствовал толчок,
Из глубинных недр сознания
Будто кто-то мне изрёк:*

«Эх ты, горе-путешественник,
Что раскис и загрузил?
Позабыл, что твой предшественник
Год назад в пургу почил?
В зиму прошлую, суровую,
Как и ты, пришёл сюда,
Свою голову бедовую
Здесь оставил навсегда.
Обстоятельства похожие:
Ночь, мороз, пурга, метель.
Обстановка тоже сложная,
Хоть не март был, а апрель.
Сон сморил его, удалого
(Парень выбился из сил),
Ветер сбил, свалил усталого
И в снегу похоронил.
Вспомни истинных полярников –
Ты ж мечтал таким же стать.
Разве свойственна им паника?
Напрягись, попробуй встать!»

*Я порой бывал рассеянным,
С виду – вялый и простой,
Но в тот час вдруг стал уверенным,
И создал себе настрой:
«Ждать бессмысленно спасения –
В десяти верстах вокруг
Нет живой души, наверное,
Да откуда взяться вдруг?»
Эту истину жестокую
Хладнокровно осознал
И фантазии далёкие
Силой воли отогнал.
Без надёжной информации
Может быть в душе надлом.
...Что со мной? Галлюцинации? –
Вдруг повеяло теплом.
И навстречу ветру тёплому,
Из последних своих сил
Я пополз по следу мокрому,
Над которым снег парил.*

*Буксовал по свежей наледи...
Трудно двигаться вперёд...
Вдруг в моих глубинах памяти
Всплыл Норильский водовод.
По поверхности проложенный
Заполярный исполин
Над землёю промороженной
В тундре был, как перст, один.
По нему вода насосами
Из-под толстых белых льдов*

*Над меандрами с наносами
По трубе идёт к нам в дом.
Но я знал: ему сопутствует
Трубопровод паровой.
Вдоль всей трассы он присутствует
Для защиты тепловой.
Вновь поверил я в спасение,
Когда, двигаясь вперёд,
Натолкнулся, к удивлению,
На тот самый водовод.*

*Тут я понял окончательно:
Продвигаясь вдоль трубы,
Выйду к людям обязательно!
Трубопровод – дар судьбы!*

*И тогда прибавил ходу. Так,
Через два часа пути
Удалось мне всё же, кое-как,
К водной станции дойти.
Здесь исчезли все сомнения –
И волнений тоже нет...
Я нашёл своё спасение
От надвинувшихся бед.*

*То, что ноги подморожены,
Замерзал, пока кружил,
Меня вовсе не тревожило...
Важно, что остался жив!*

Несколько подобных случаев, происходивших со мной в Норильске, описаны стихами в некоторых ранее выпущенных книгах. Вот ещё одно, близкое по теме, но покороче:

Посвящаю:

Друзьям-изыскателям,
романтикам-землепроходцам,
неугомонным и ищущим —
топографам и геологам,
гидрологам и гидрогеологам,
всем, изучающим нашу
прекрасную и неповторимую Землю.

Два голоса

*Я плутал с нивелиром в дремучей тайге
И по тундре бродяжничал я одиноко,
Засыпал от усталости в снежной пурге,
Прислонившись к берёзке кривой, невысокой.
Видел сны, удивительных красок набор,
И такая тогда находила истома,
Что казался ненужным, бессмысленным спор:
Или спать, или бодрствовать —*

в тундре или дома.

*Голос нежный поёт: ты в раю, ты в раю,
Пусть глаза отдохнут, опусти свои веки,
И послушай, как райские птицы поют...*

Эти песни отныне с тобою навеки.

Голос жёсткий твердит:

встань скорей и проснись,

Сделай что-нибудь, срочно открой свои вежды,

Разомнись, распрямись, закричи, поднимись

И, умывшись в снегу,

ободришь, стань как прежде.

Мне с трудом удаётся достать коробок.

Я умом понимал:

коль заснёшь, канешь в вечность.

Но всё ниже к сугробу склоняюсь я вбок

И уже ощущаю в себе бесконечность.

Вдруг почувствовал холод и сильно продрог –

Голова тяжела, улеглась на сугробе...

Из последних усилий огонь я разжёг

И в горящий костер запустил руки обе.

Боли нет, но сонливость мгновенно прошла.

Я взбодрился и встал,

от древка оттолкнувшись.

Страх пропал, нет и боли: она отошла.

И продолжил я путь,

наконец-то проснувшись.

Будни гидролога

Лиле тоже досталось в Норильске немало лиха. Были трудные и опасные ситуации; одну из них я не мог не зафиксировать стихами. Её работа заключалась в том, чтобы строго по графику делать замеры уровня воды на водомерном посту, который находился рядом с водозабором, откуда вода из реки Норильской с помощью мощных насосов по

многокилометровому водоводу подавалась на водоснабжение самого города. Одновременно она должна была проверять, как ведут себя речные наносы, не угрожают ли они заилинием окон водозабора. Эти данные своевременно передавались команде земснаряда для выполнения работ по очистке русла реки. Что с ней однажды произошло, рассказывается в этом стихотворении.

*Был эпизод в студёну пору –
Песок несло к водозабору.
К тому же наступила межень
И обмелел прибрежный стрежень.*

*В суровый день, в мороз и ветер
Следят гидрологи за этим:
Всё чаще делают промеры
По дну и уровней замеры.*

*Здесь берег скользкий, не простой,
С обширной наледью, крутой.
Пониже – водомерный пост,
А там – полынья, водный хвост.*

*Представьте: женщина по склону
Идёт к урезу водоёма,
Чтоб уровень замерить срочно
И знать – уверенно и точно:*

*Куда песок переместился,
Как уровень здесь опустился,*

*И много ли уже наносов
Достигло окон для насосов?*

*Она в тулупе, с длинной рейкой,
Идёт к уступу, там скамейка.
Осталось ей пройти немного
По скользкой и крутой дороге.*

*Ей надо очень постараться
До той скамеечки добраться.
Не представляет себе даже,
Как выбираться будет дальше.*

*Цель у гидролога – вперёд,
Замерить уровень. И вот...
«Скользит и падает» на склоне.
Но не кричит она, не стонет.*

*Её несёт к большой полынье,
Вот-вот окажется в пучине.
В мгновенье – жизнь перед глазами.
Одно лишь только слово: «Мама!» –*

*Слетает с пересохших губ.
И... счастье! Спас её тулуп:
Он растянулся и раскрылся,
И за неровность зацепился.*

*Вот так спаслась она тогда
Почти у самой кромки льда.*

*Себе не верит, сердце бьётся –
Уж не ждала, что обойдётся.*

*«Спокойно. Пережду немного,
Приду в себя и вновь в дорогу.
Сначала надо всё замерить,
Вписать в журнал, водпост проверить».*

*А что же дальше? Не подняться,
Как ни пытаться, ни стараться...
В дежурке всё же спохватились:*

*«А где гидролог наш?» – хватились.
Пошли искать. Нашли не скоро
И помогли подняться вгору...*

* * *

*Здесь есть особенность одна:
Та женищина — моя жена.*

В Норильске мы познакомились с разными людьми. Попробую их охарактеризовать стихами.

*Я жил в Норильске лишь три года,
Увидел множество народа –*

*Неравнодушных, деловых,
Разумных, щедрых и скупых.
Я помню кой-кого из них:
Упрямых, сложных и простых,
Заносчивых и безразличных,
И привередливых, практичных,
Завистливых и слабонервных,
Обидчивых и откровенных,
Лукавых, злобных и лгунов
(К печали, перечень таков...).*

*Я среди них подолгу жил,
Врагов, по счастью, не нажил.
Уверенно могу сказать я,
Что люди были здесь, как братья –
И по тому, как в тундре оказались,
И как на нарах рядом размещались,
Как о свободе в лагерях мечтали,
Невзгоды прожили и не «устали»,
Как комбинат совместно возводили,
И город строили. И Жизнь любили,
Не озлобились и не опустились, –
Руководителями становились,
И большинство, за редким исключением,
К нам относились с долей почтения
(А тех, кто недоволен был заранее,
Не буду удостаивать вниманием).*

Подводя итог моему пребыванию и работе в Норильске, могу уверенно сказать: хоть учёные отмечают в условиях Заполярья недостаток

кислорода и другие не очень благоприятные климатические факторы, «дышалось» легко и свободно, особенно, если иметь в виду философский смысл этого процесса – «первого дыхания».

*Норильск дал опыт мне большой,
Норильск стал школой трудовой,
И здесь познал я жизнь и веру,
«Вкусих, вкушая» в полной мере.
Там был особый контингент –
Любой второй – интеллигент:
Рабочие, врачи, артисты,
Художники и пианисты,
Охотники и рыбаки,
Крестьяне были, мужики,
Учёные и педагоги –
«Привычные» и «недоτροги»,
Изобретатели, трудяги, –
Талантливые работяги.
В проектном нашем заведении
Работали на вдохновении.*

Глава 8. Журнал «Юность» («второе дыхание»)

«**Второе дыхание**» – фаза, когда появляется ощущение душевного и физического подъёма, произошло у меня не при достижении необыкновенного спортивного результата, а спустя некоторое время после начала работы в редакции литературного журнала «Юность». Смена обстановки, характера работы, круга общения захватили меня всецело! Это было – **«второе дыхание»!**

Начну с того, что никогда – ни в школьные годы, ни в юношеские, ни в зрелые – до самого выхода на пенсию не собирался заниматься творчеством и, тем более, не думал-не гадал, что буду проводить литературные встречи и когда-нибудь выйду на сцену с собственными творческими вечерами.

В период работы в редакции журнала «Юность» у меня начал происходить некий перелом в характере; я это почувствовал и старался сохранять эту тенденцию. Дело в том, что в детстве, да и в юности, я не очень-то был общительным или раскованным, а, напротив, сильно «комплексовал» порою. Очень смущался у школьной доски, за исключением случаев, когда нужно было решать задачу или доказывать теорему. Аналогично я себя чувствовал свободным на технических советах при обсуждении различных проектов.

8.1. «Артистический» опыт

Вспоминается такая школьная ситуация. Почти все в классе участвовали в общественной жизни. Я был одним из немногих, избегавших этой деятельности. По какому-то случаю, наш класс занимался подготовкой спектакля по «Сорочинской ярмарке». Мне предложили какую-то роль, но ничего не получалось, и я перестал приходить на репетиции. Был небольшой скандал, так как требовалось поголовное участие в общественной жизни класса, школы, а я в этом отношении выделялся не в лучшую сторону.

Сколько ни стыдили, ругали, уговаривали – я говорил: «не могу, я не артист...». Убедила принять участие в спектакле классная руководительница, которая предложила мне произнести всего одну фразу: «Смех, право, людям: приехали на ярмарку и хоть бы горсть пеньки продали...». Она же и провела со мной персонально несколько репетиций, которые, я это прекрасно понимал, показывали, что «актёр» из меня – никакой.

...Как описать моё состояние страха и неуверенности, когда, стоя за перегородкой в ожидании своего выхода, переживал этот момент? Колени дрожали, сердце колотилось, язык прилип к нёбу... Меня подтолкнули, я вышел на сцену, ничего и никого не видя, произнёс эту фразу, потеряв из неё несколько слов. Больше меня к спектаклям не привлекали.

Прежде, когда вращался в инженерной сфере, приходилось выступать на технических советах с изложением проектных решений по разрабатываемым объектам. Это не вызывало особых затруднений.

Другое дело – выступать перед публикой на сцене с чтением стихов или играть какую-либо роль в пьесе – абсолютно неприемлемое для меня занятие – чрезмерная закомплексованность!

8.2. Круг общения

Руководители редакции – главный редактор и его заместители – приняли меня тепло, объяснили круг моих задач и пообещали всяческую поддержку. А время тогда было сложное повсеместно – в обществе, в экономике, да и в обычной жизни. В середине 90-х происходил бешеный рост цен, вызванный инфляцией, закрывались предприятия, снижались тиражи газет и журналов. Не обошли эти проблемы и «Юность»: тираж журнала упал с трёх с лишним миллионов (в 80-е годы) до 30 тысяч экземпляров. Нужно было остановить или хотя бы замедлить скорость падения тиража, то есть постараться сохранить спрос на журнал. Мы активизировали подписку через «Союзпечать» и непосредственно через редакцию, организовывали розничную продажу журнала, начали размещать рекламу, убрали цветные вкладки и т.д. Пришла идея об издании недорогой, востребованной и

доступной читателям газеты, которая также должна бы помогать журналу «удерживать» тиражи.

Руководство редакции в принципе не возражало и склонялось исключительно к литературной тематике. Но это было бы дублирование журнала, причём, в довольно слабом виде, а в экономическом плане ничего бы не дало. Мне же хотелось сделать газету коммерческой, рекламной, насыщенной информацией о новых товарах и услугах, предложениях о рабочих местах, продаже и покупке недвижимости и т.п.

Конечно же, эта идея не была принята руководством. После недолгих размышлений я подготовил концепцию культурно-просветительной экологической газеты и передал её на рассмотрение главному редактору журнала «Юность» Виктору Липатову. Он одобрил концепцию газеты и её название, назначил меня главным редактором и сам стал членом редакционного совета.

Я познакомился с известными журналистами, писателями и поэтами, сотрудничавшими с редакцией «Юности», их творчеством; с некоторыми по-настоящему сдружился. С особой теплотой хочется вспомнить **Виктора Липатова, Натана Злотникова, Юрия Садовникова, Николая Новикова, Виктора Розова, Валентина Берестова, Юрия Влодова, Александра Хорта...**

Постоянное общение с этими благожелательными людьми дало толчок к раскрепощённости, открытости, уверенности во время литературных обсуждений. Внимательный читатель, конечно,

обратит внимание на то, что не упомянут Андрей Дмитриевич Дементьев... Дело в том, что я пришёл в редакцию после того, как Андрей Дмитриевич оставил журнал «Юность» и прямого общения с ним у меня в этот период не было. Но его творчество и его деятельность всегда были для меня своеобразным маяком, хотелось его читать и перечитывать, размышлять, следуя его логике, а книги его, как говорят, всегда были «на моём столе».

Я погрузился в ранее не свойственную мне деятельность на журналистско-литературном поприще. Особую радость и «лёгкость дыхания» приносила мне работа по созданию и последующему выпуску газеты.

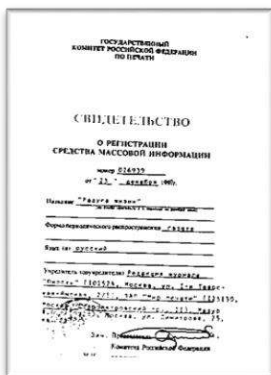
8.3. Газета «РАДУГА ЖИЗНИ»

Для официального выпуска газеты нужно было представить заявку для её регистрации в Комитет по печати, а также разработать концепцию газеты и её структуру. Этими документами предусматривалось освещать в газете насущные проблемы, касающиеся среды обитания и внутреннего мира людей, их взаимоотношений, физического, нравственного и интеллектуального здоровья, образованности и культуры, работы и отдыха и т.д. При этом освещение материалов и оценка событий должны были опираться на экологические подходы, с учётом экологического мышления и мировоззрения. А в качестве интеллектуального компонента предлагалось

значительное место выделить поэзии и прозе, музыке и живописи, театру и музеям. Нужно было также позаботиться о помещении для редакции газеты, оргтехнике и сотрудниках.

О концепции газеты

По задумке газета должна быть недорогой, финансируемой самими авторами публикаций, получающими пропорциональное количество экземпляров со своими материалами для распространения среди читателей и рекламодателей. В декабре 1997 года в Государственном Комитете РФ по печати была зарегистрирована культурно-просветительная, социально ориентированная экологическая газета «Радуга жизни».

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПЕЧАТИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ
СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
номер 016939
от 23 декабря 1997г.

Газета «Радуга жизни»

Учредители:
Редакция журнала «ЮНОСТЬ»,
ЗАО «Мир печати»,
МАЗУР Ф.Г.

Что касается диапазона информации, он был весьма широким – от проблем в среде обитания до житейских проблем и отношений; от вопросов образования, культуры, здоровья до проблем занятости и гармоничного развития. Газета выходила семью тематическими выпусками,

охватывающими практически весь круг интересов людей, общества, государства: **«Дом и семья»**, **«Образование и воспитание»**, **«Культура и искусство»**, **«Медицина и здоровье»**, **«Работа и отдых»**, **«Физическая культура и спорт»**, **«Гармония и экология»**. Во всех тематических выпусках в основе публиковавшихся материалов была экологическая подоплёка.

Газета своей экологической направленностью привлекала не только читателей, но и большое число авторов – учёных, инженеров, изобретателей, врачей, артистов, педагогов, спортивных деятелей.

Особенно много было людей «пишущих», общение с ними было взаимно полезным и интересным. Поэтому со временем в газете появилась отдельная полоса **«Радуга поэзии»**, где авторы имели возможность разместить свои стихи, получив при этом редакторскую поддержку и оценку.

Писатели и поэты устали ждать очереди на публикацию в «толстых» журналах, не имея при этом никакой информации о судьбе своих произведений, так как редакции, как правило, «не вступали в переписку...», а рукописи «не возвращались и не рецензировались».

Я сочувственно относился к тем, кто подолгу ждал своей публикации и не получал не только формального отказа, но и более-менее объективного анализа, благожелательной критики, моральной поддержки.

Отношение к авторам в газете «Радуга жизни» было совершенно другим. Страницы были доступны для пишущих и новичков, им оказывалась редакторская помощь, и в каждом номере полностью заполнялась полоса под названием «Радуга поэзии».

Авторов – поэтов, прозаиков, художников, а также специалистов в различных гуманитарных и технических областях было столько, что мы предполагали выпускать, в качестве приложения к газете, специальные альманахи. Конечно, работа с разными авторами, многие из которых являлись крупными специалистами в своей области, давала возможность и поучиться у них чему-то новому.

Презентация газеты «Радуга жизни» в Международном сообществе книголюбов (МСК), Москва, 2000 год

Чем же мы не угодили?!

Но не всё так просто – и в жизни, и в работе, в семье и даже в творчестве. Везде встречаются обиженные, недовольные, завистливые и не всегда безвредные. К сожалению, зависть, «чёрная» зависть весьма распространена именно в творческой среде.

Не могу понять, почему в культурном и образованном творческом коллективе появляется

иногда глухой ропот, недовольство, злость и нескрываемая зависть.

Пока я работал в инженерной сфере, такого не замечал, хотя недовольство начальством или коллегами, конечно, бывало.

Никак не думал, что подобная ситуация хоть каким-то «боком» заденет меня. Кому-то газета оказалась своеобразной «костью в горле».

Зависть чёрная

*Ничего нет хуже чёрной зависти,
ничего глупее – мелкой склочности.
А к завистникам – лишь чувство жалости:
на душе у них – бельмо порочности.*

*Сколько ж быть должно на сердце злобности,
одиозности и безразличия,
чтобы действовать на грани подлости,
не заботясь даже о приличиях!..*

Так случилось и с газетой. Мы долго готовили первый номер, он, действительно, родился «в муках». Наконец, подписанный мною «в печать», был отправлен в типографию. А я на следующий день отбыл в отпуск. Вернувшись через месяц, узнал такое, во что и до сих пор не хочется верить.

Когда тираж первого номера привезли из типографии, мой помощник Дима Клейтман, отвечавший за распространение газеты, «на радостях» пошёл по отделам, и всем сотрудникам

раздал свежий номер, не предполагая, что совершает опрометчивый шаг.

По возвращении в Москву, я позвонил главному редактору и доложил о прибытии. И тут Виктор Липатов рассказал, какой в редакции начался невообразимый переполох и «базар» после появления газеты. Некоторые сотрудники потребовали прекратить выпуск газеты, немедленно её закрыть, «так как она дискредитирует журнал». Доводов – никаких, только требование: прекратить и закрыть!

Он, конечно, «охладил горячие головы», предложив подождать до моего возвращения из отпуска. Но когда я появился в редакции, меня встречали с улыбкой, ничем не выказывая недовольства, наоборот, интересуясь, где и как провёл отпуск, как долетел и т.п., и даже поздравляли с успешным началом газетной эпопеи.

Никто ни разу не высказал мне открыто своего недовольства по поводу газеты или её содержания. Проблема была ещё в том, что в коридоре постоянно находились «посторонние» люди – мои авторы, приносившие в газету свои материалы. «Тихая заводь» рутинной редакционной деятельности была нарушена и поначалу это многих раздражало. Но и к этому вскоре привыкли, ситуация стабилизировалась, потому что наши авторы, как правило, были спокойными вежливыми, предупредительными, и не надоедали основному коллективу.

В дальнейшем некоторые сотрудники редакции «Юности» в той или иной форме принимали участие в создании очередных номеров газеты.

Курьёзы

В любом деле, в любом коллективе случаются неожиданно забавные ситуации, одним словом – курьёзы. И мы не избежали подобных ситуаций. Полагаю, нет смысла перегружать книгу разными случаями, но пару примеров приведу.

Встреча с Ельциным

Заходит в кабинет невысокий гражданин с толстым портфелем и с непривычной для того лихого времени робостью, говорит:

– Здравствуйте! Разрешите познакомиться, Ельцин, – увидев моё неприкрытое удивление, продолжил, – да, моя фамилия Ельцин. Я поднялся, протянул ему руку:

– Мазур Феликс Григорьевич.

– Очень приятно, – произнёс он и сильно смутился, – но зовут меня Михаил Сергеевич.

Произошла «немая сцена», я быстро «пришёл в себя» и предложил ему присесть и рассказать, какой повод его привёл в редакцию газеты. Оказалось, он учёный, автор ряда работ по экологической тематике, принёс материалы для публикации. Я его включил в состав редакционного совета.

Отец Александр

Ещё один случай. Без стука открывается дверь и входит высокий сухощавый розовощёкий молодой человек, коротко стриженный, в по фигуре сшитом

длиннополом тёмном пальто. В руках у него свёрнутый в трубочку номер нашей газеты. Не помню, поздоровался он или нет, но, присев напротив меня на стул, заявил:

– Я отец Александр, да, священнослужитель. Мне понравилась ваша газета. Принимаете ли вы рекламные объявления?

– Смотря какие, – ответил я, – главное, должны быть соблюдены этические требования.

– Если я предложу вам рекламу о православных паломничествах, примете?

Я был немного озадачен и ответил:

– В каждом конкретном случае нужно видеть текст. Кроме того, устроят ли вас расценки?

– Об этом не беспокойтесь, деньги у нас имеются. – Он развернул свёрнутую в трубочку газету и указав на последнюю полосу, продолжил: – Я хотел бы, чтобы реклама была на всю страницу.

Услышав положительный ответ, он спешно удалился. Через несколько дней вновь пришёл и говорит:

– Я хочу предложить вам сотрудничество. Давайте сделаем газету православной. Финансирование мы обеспечим.

– Послушайте, отец Александр. Наша газета преследует определённые цели, имеет конкретную концепцию, утверждённую руководством редакции журнала «Юность», зарегистрирована в Комитете по печати, как культурно-просветительная экологическая и работает с конкретными авторами. Мы ничего менять не будем. А вы можете зарегистрировать

собственную газету. Комитет по печати находится в двух кварталах от нас. Дать вам адрес, телефон?

– Не надо, я знаю. Мне хотелось именно с вами сотрудничать. Если надумаете, звоните. Вот моя визитка.

Разумеется, любезно предоставленным мне телефоном я так и не воспользовался. Настроение было великолепное: это было «второе дыхание»!

Краткое содержание **тематических выпусков газеты**

Тема: «Дом и семья»

Не секрет, что Среда нашего Обитания, начиная с малого: квартиры, дачи, благоустройства улиц и дворов – далеко не всегда благоприятна для проживания и здоровья. Мы старались давать читателю понятную информацию об экологических проблемах, с которыми они сталкиваются на каждом шагу, и о возможных путях разрешения проблем. Мы информировали об экологических требованиях к материалам, используемым для строительства жилищ, об экологичных технологиях обработки почвы и выращивания растений и о многом другом.

Тема: «Образование и воспитание»

Мы помещали материалы об экологических подходах к обучению и воспитанию детей и юношества. На первой полосе – большое фото улыбающегося **Юрия Куклачёва** и объёмный материал под названием «Уроки доброты».

Во все века старшие учили младших ум-разуму. И средства воспитания были разными – от палок и плетей до пряников и всепрощения. Сколько соли съедено, голосов надорвано; сколько чернил исписано и бумаги переведено! А проблемы остаются...

Дело вовсе не в том, чтобы напичкать чадо всеми знаниями, «которое выработало человечество»! Отнюдь! Механическое насыщение знаниями всех поголовно ради высоких цифровых показателей уже себя исчерпало. Так мы писали в 1996 году.

В номере помещены материалы о выдающихся просветителях – Ролане Быкове и Александре Чижевском.

Тема: «Культура и искусство»

Этот номер газеты посвящён экологическим проблемам в сфере культуры и искусства. К сожалению, происходит расцвет бескультурья, невежества... При этом, если «культура» нищенствует, то зачастую «бескультурье» – жирует.

Вульгарность щедро процветает...

В кино насилие царит...

От дел насущных отвлекая,

Эстрада пошлостью манит.

И всё же, здоровое начало в литературе, музыке, живописи, кино, театре, временно потеснённое примитивными, низкопробными, вульгарными проявлениями, – живёт, но нуждается в помощи. Помощь нужна языку нашему – гордому и

великому, прекрасному и чистому, ибо засорен он безмерно!..

По этой теме были помещены статьи о **Михаиле Пришвине**, об **Иосифе Кобзоне**, **Валентине Берестове**, об интересных людях Центрального Дома учёных на Пречистенке, о принципах «золотого сечения» в живописи, а также приведено интервью с **Дмитрием Алексеевичем Вульфом**, внучатым племянником Анны Петровны Керн, о подготовке к празднованию 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина.

Тема: «Медицина и здоровье»

Эта тема привлекла огромный материал, оно и понятно: экологических проблем в сфере здоровья населения и медицинского обеспечения – не счесть! Авторы не только писали о разных житейских проблемах, но и давали реальные советы по разным поводам: как унять головную или зубную боль, по глазным и слуховым проблемам, об использовании магнитного поля в медицине и много другого.

Популярными были рубрики «От экологического доктора» и «Бабушкин сундук». В рубрике «Наша гордость» напечатаны статьи о наследии А.П. Чехова и Н.И. Пирогова.

Тема: «Работа и отдых»

Этот выпуск содержал материалы по экологическим проблемам в сфере труда и отдыха, об экологии в бизнесе и этике в торговле. Это было время, когда нарастали политическая агрессивность

и экономическая нестабильность, насаждалась вульгаризация и отвергались исконные нравственные устои. Мы помещали статьи о позитивной рабочей обстановке на предприятиях, об изобретателях, о начинающейся всеобщей компьютеризации. Разместили также несколько материалов, связанных с туризмом и отдыхом. Как и в других выпусках, целая полоса отведена под рубрику «Радуга поэзии».

Тема: «Физическая культура и спорт»

К этой теме мы отнеслись с особым вниманием и щепетильностью, поскольку речь идёт о физическом здоровье. Мы дожили до того, когда не всякие тренировки и виды спорта являются экологичными и полезными. Бесспорно – физическая культура даёт людям здоровье, но «спорт высоких достижений», профессиональный спорт – далеко не всегда. Вот об этом мы подробно писали в газете. Мы обратили внимание читателей на то, что профессиональный спорт, способствуя значительному повышению результатов, зачастую наносит ущерб здоровью. Существенно повысился уровень достижений во всех видах спорта, но в игровых, особенно в футболе, завершение встреч, матчей сопровождается безобразиями, мягко говоря.

Но не всё измеряется только результатами. Одновременно мы наблюдаем такие неблагоприятные явления, как перетренированность, психологические срывы, непропорциональное развитие скелетно-мышечного аппарата, травмы, аварии...

Ажиотаж вокруг каких-либо спортивных встреч порою запределен – массовые драки, хулиганство на поле, нарушение ритма городской жизни, использование огромного количества милиции и военнослужащих для поддержания порядка и многое другое. Всё это происходит ежедневно и во многих городах страны! Неужели это способствует поднятию экономики, оздоровлению общества, повышению культуры?! Это не экологично!

С другой стороны, разве может спорт быть без азарта борьбы, без радости побед и слёз от поражений – разве это возможно? Экологический подход заключается в том, чтоб общество искало и находило способы снижения непримиримого противостояния в спортивной сфере. Думают ли об этом в учебных спортивных заведениях типа «Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта», где имеются множество факультетов разного профиля, кроме экологического, а также в Министерстве спорта?

Тема: «Гармония и экология»

Ещё во времена Пифагора (570 – 490 до н.э.) культивировалась идея числовой гармонии Вселенной, а Платон (427–348 до н.э.), кажется, говорил: **«Нет красоты ни в чём без гармонии»**. Для меня понятие экологичности тождественно понятиям красоты и гармонии, а гармония, в свою очередь, тесно связана с принципами «золотого сечения».

Поэтому возникла формула: **«Экология есть функция гармонии»**.

Я в этом убедился ещё в большей степени, когда, во время выступления в «Красных палатах» на

Пречистенке, познакомился с удивительным и, безусловно, гениальным человеком, **Михаилом Александровичем Марутаевым**. Композитор и ученый, математик и философ, член Союза композиторов Москвы, заслуженный деятель

искусств России, академик Международной Академии Творчества выступал в «Красных палатах», исполнял на рояле свои произведения. Мне также выделили небольшой отрезок времени для презентации газеты **«Радуга жизни»**.

После завершения мероприятия был фуршет, во время которого Михаил Александрович подошёл ко мне, и мы познакомились. Его заинтересовала газета, особенно выпуск, посвящённый **гармонии и экологии**. Он рассказал о своих трудах, в которых впервые сформулирован **«Закон гармонии Мира»**. Суть его в том, что **«гармония есть общий закон природы»**, основные положения изложены в книге **«Числовая Гармония Вселенной»**. Он сказал, что предложенная мной формула **«Экология – есть функция гармонии»** вполне укладывается в его концепцию.

*«Красные палаты»
XVII века на
Пречистенке, бывшая
усадьба боярина
Юшкова. На рубеже
2000-х годов здесь
была картинная
галерея*

Я ему передал комплект газет с информацией о **«золотых сечениях» в живописи**, и мы сошлись на том, что весь окружающий нас мир выстроен именно на этих принципах, что обеспечивает **красоту и гармонию**.

При нарушении этих принципов возникает дисгармония и в среде обитания, и в обществе, и в экономике – везде! В результате «неразумной» хозяйственной деятельности снижаются резервные природные возможности; в обществе наступают порой непримиримые противоречия; в экономике – разруха и развал. При дисгармонии аналогичные проблемы могут возникать в сфере образования и воспитания, в области здравоохранения и физического и психологического здоровья граждан. Ещё раз напомним формулу Платона: **«Нет красоты ни в чём без гармонии»**.

8.4. Альманах «Третье дыхание»

В начале книги я обещал поговорить о её названии – **«Третье дыхание»**. Опять отойду от физиологии и попробую объяснить появление у меня **«третьего (свободного) дыхания»**, когда

втянулся в творческую атмосферу в Израиле. С философских позиций эту перемену я рассматриваю, как быстрый, неожиданный поворот в судьбе, весьма кардинально изменивший образ жизни и действий, давший уверенность в своей нужности и осязаемую свободу дыхания, творческого дыхания.

Возможно, я не нашёл бы такой комбинации слов для названия книги, если бы, как писал ранее, на рубеже 2000-х годов не встретился с **Аркадием Ивановичем Каныкиным**, практически неизвестным, но достаточно сильным поэтом. Он видел мои выступления и однажды предложил опубликоваться в издаваемом им литературном альманахе «Третье дыхание». Как он рассказывал, в название был вложен глубокий смысл – дать творческим людям возможность вдохнуть полной грудью, получить возможность публиковать свои произведения.

*Обложка альманаха
«Третье дыхание»*

Он организовал альманах в середине 90-х, в самый сложный и переломный период жизни страны, когда без работы остались миллионы людей, а творческая интеллигенция пустилась в бег за

«шмотками» в Китай и Турцию, когда шахтёрам предлагали вместо битья касками о брусчатку идти в леса, собирать грибы, сушить, солить и нести их на рынок. В это время резко стали падать тиражи книг и журналов, масса людей оставалась без работы, а творческий дух, тем не менее, не спадал.

Здесь должен заметить, что именно в это время я уже издавал культурно-просветительную экологическую газету «Радуга жизни», куда принимались произведения авторов, отчаявшихся дожидаться своей очереди на публикацию в «толстых» журналах, да и в газетах. При этом, никакого снисхождения к качеству предлагаемого авторами материала не допускалось, но тем, кто готов был воспринимать мнение редакции и замечания, оказывалась редакторская помощь.

Поэтому, прежде чем согласиться с предложением Аркадия Ивановича, я пролистал несколько выпусков альманаха, убедился, что это издание отличается достойным художественным уровнем, корректным этическим содержанием публикуемых произведений и во многом соответствует концепции газеты «Радуга жизни».

А ведь в это время многие, даже известные авторы, не смогли устоять перед искушением подбросить «клубничку» или нецензурщину ради привлечения нездорового интереса и повышения тиражности своих творений. Появившиеся в этот период коммерческие издания поощряли таких авторов и выпускали их книги большими тиражами на мелованной бумаге, в твёрдом красочном

переплётё и отправляли в торговые сети, а там – успешная реализация, приносящая желанные доходы.

Альманах Каныкина печатался на дешёвой газетной бумаге (так же, как и выпускаемая мною газета «Радуга жизни»), что меня ещё больше расположило к его изданию.

Я передал ему часть своих стихов, они были опубликованы в нескольких выпусках альманаха. Одно из них, на тему «книжного беспредела» 90-х годов, приведу полностью и проиллюстрирую фотографией книжного базара перед зданием Большого театра.

Ну и времечко...

(Кому и как живётся на Руси?)

Эх! эх!

*Придёт ли времечко,
...Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого –
Белинского и Гоголя
С базара понесёт?*

Н.А. Некрасов

***Ну вот, пришло то времечко,
Для кой-кого желанное,
И расцвела черёмухой
Болотистая слизь.***

*Кому-то любо-дорого,
И воспевают радостно
Они все беды Родины,
Толкая её вниз.*

*Отрекшись от родителей,
Предавши родословную,
Упившись духом Запада,
Забыли обо всём.
И, очернив всё прошлое,
Плохое и хорошее,
В бессильной злобе-ярости
Вещают о своём.*

*Богатств страны присвоили
Несметное количество,
Построили коттеджики
В престижнейших местах.
Под флагом демагогии
Прошли в руководители,
Внедрив приватизацию,
Посеяв в душах страх.*

*И в тягость им Отечество,
Исконное могущество,
Им ни к чему империя/
Культура и престиж.
Припадочно и в панике
Кричат они в динамики,
Раскалывая общество,
Ища проблемы лишь.*

*Приятно им и дорого,
Что связи все порушены,
Что проявились вскорости
Обман, корысть и ложь.
Страдают дети малые
И старики печальные,
Прошедшие дорогами
Сквозь грязь, пургу и дождь.*

*Враз обеднели многие –
Мильоны, а не тысячи:
Те, кто трудились преданно
Для пользы всей страны.
И потеряли, бедные,
Не только деньги скромные –
Жилья, работы, прочего
Вдруг были лишены.*

*Так что же изменилось,
Как далеко продвинулись,
Чего достичь сумели мы
За полтора года лет?
Базары сохранились,
Челночность появилась,
И рыночная публика
Рванула на весь свет.*

*В Анталию-каналию
С узлами и кошёлками
Учителя, рабочие
Помчались впрегонки.*

*Чу!.. Слышно: деньги звонкие
Плывут, плывут уверенно
В коробки из-под ксероксов,
В тугие кошельки.*

*Шахтёры – на безденежьи,
Учителя – в прострации,
И медицина в панике,
Наука не у дел.
С работой в шахтах трудности,
А на столах, по бедности,
Не шашлыки с севрюгою, —
Печален их удел!*

*Но им министр советует
В леса идти всей шахтою,
Позвать с собой друзей, детей —
Грибочки собирать.
Засушивать, завяливать,
Варить, солить, поджаривать,
На рынок дружной стайкою
Идти и продавать.*

*Повсюду беспризорные –
Вокзальщики, подвальщики,
Больные, озлобленные, —
С наркотиком сошлись.
И девочки-отличницы,
Все в прошлом – рукодельницы,
В ночные путешествия
С азартом подались.*

*Уже все маски сброшены,
Все идеалы сдвинуты,
Страна назад отброшена
На три десятка лет.
Стоят цеха огромные
Пустые, окна тёмные.
Кому такое надобно?
Увы, ответа нет.*

*Заводы остановлены
И фабрики развалены,
С трудом приходят фермеры,
Торговля лишь растёт:
Она – как бы отдушина,
Что голове – подушина,
Пиджак – для тела брэнного.
(«Народу всё сойдёт!»).*

*Наука развалилася,
Но рынки сохранилися,
И в отношении чтения –
Серьёзный поворот.
Цветут развалы книжные,
Лотки, прилавки длинные...
Здесь Гоголя, Белинского
Читатель не найдёт.*

*Поэзия – не модная,
А проза – лишь «удобная»,
Всё больше – низкопробная,
С расчётом на «успех»:*

*Фантастика, эротика,
Есть мистика, наркотики,
Эзотеризм таинственный –
Авось, притянут всех.*

*Всех иль не всех – неведомо,
Надолго ли – не сказано,
И сколько их – немерено...
Куда же мы идём?!
Торгуют чем ни попадя,
Живут лишь днём сегодняшним,
Стяжают всё доступное –
Девиз: «Не пропадём!»*

*Типичный книжный развал середины 90-х годов.
Сквер у Большого театра. Было и такое...*

Глава 9. Когда пришло «третье дыхание»

Пришло время, когда надо было принимать решение о прекращении работы в редакции и переезде в Израиль. В этот период я тяжело болел, стал часто попадать в больницы. В последний раз, не дождавшись излечения, был выписан в довольно плачевном состоянии.

Я снова дома

*И вот, я оказался снова
В привычной атмосфере дома.
Но не было уже бывшего
Настрою к жизни удалого.
Я жил в тоске, в глухой печали:
Проблемы с сердцем не отпали.*

*Навязчив мысли ход простой:
«Пора, мол, дядька, на покой.
Довольно топать эту землю.
К сигналам Неба чутко внимля,
Смирись, сдавайся, отрекись,
В свой облик в зеркале взглядишь:*

*Ты ж не жилец на этом свете,
И не один на всей планете,
Чтоб так бороться за себя,
Бессмысленно себя любя».*

9.1. Переезд в Израиль

Неожиданно из Израиля приехала в Москву и посетила нас Светлана, работавшая врачом в городе Нетания. Она сразу определила моё состояние, познакомилась с документами из больницы и сказала:

– Жить хочешь? Тогда бросай всё – твою работу в проектном институте, как бы она ни была престижна и выгодна, увольняйся из редакции, оставь жену и квартиру и срочно уезжай в Израиль. Там тебя спасут.

Трудно расставаться с привычным образом жизни, менять уклад, работу, оставлять друзей и отправляться в неизвестность, тем более, в том состоянии, в котором я тогда находился.

Лишь через год я «созрел» окончательно, завершил текущие дела в проектном институте и уволился, приостановил выпуск газеты и «распустил» редакционный совет. Несмотря на проблемы со здоровьем, за прошедший год я выпустил три сборника стихов: «**Радуга жизни**», «**Палитра жизни**» и «**Транзит по жизни**». Последнюю книгу я получил из типографии за 10 дней до вылета в Израиль.

Пардес Хана

Прибыв в Израиль, я поселился в городе Пардес-Хана, где в ту пору проживали мама и сестра. Доктор Светлана была права: через полтора месяца мне сделали операцию на открытом сердце с

заменой митрального клапана. Около полугода я «приходил в себя» и не помышлял о каких-либо занятиях. Затем начал посещать Общинный дом, где присоединился к группе по изучению иврита. Обучение шло трудно, но некоторые слова легко запоминались и через пару месяцев я написал стихотворение о том, как я осваивал этот язык.

Гранит науки

*Все дни грызу гранит науки,
Но не испытываю скуки,
Поскольку названный гранит –
Не что иное, как – иврит!*

*В дороге время не теряю,
Иврит дотошно изучаю.
Но вы, слиха*, меня простите,
Я не силён ещё в иврите...*

*С усиьем буквы различаю,
Сколь так продлится, я не знаю...
Не разбираюсь в надеждах,
Ашорэи** вызывает страх!*

*Но верю: авода*** и труд,
Терпенье, то есть савланут****
Помогут, камни перетрут,
Проблемы сами отойдут.*

*С учётом собственного рвенья –
Еш ли***** – особенное – мненье:*

*Всё поддаётся обучению,
И здесь иврит – не исключенье!*

*Ахшав сиямти***** эту тему,
Забудем про мою проблему.
Я не прошу себе кредит:
Ани царих лильмод иврит******

* извините
** корень (глагольный)
*** работа
**** терпение
***** есть моё
***** сейчас закончил
***** я должен выучить иврит

Несколько раз выступал в Общинном доме с рассказами о журнале «Юность» и с чтением стихов. Однако, «дышалось» ещё тяжело – и физически (после операции), и творчески. Но первый глоток свободного, «третьего дыхания» я уже ощутил.

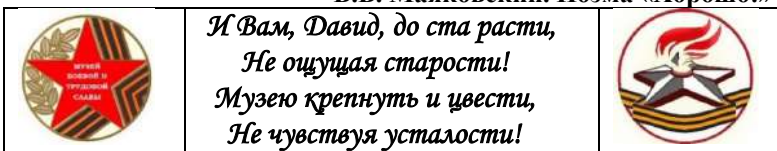
Хадера

Примерно через год я поселился в городе Хадера, где в творческом плане появились новые возможности. Помимо выступлений, я начал сотрудничать с музеем «Энергия мужества», который создал военный историк Давид Зельвенский. О нём я писал в предыдущих книгах, повторяться не буду. Но здесь размещу фото музея и приведу моё поздравление ему в связи с 90-летием.

С юбилеем, Давид!

«Лет до ста расти нам без старости...»

В.В. Маяковский. Поэма «Хорошо!»

Давид, Вам нынче – 90!
Хороший возраст, согласитесь.
Совсем немного, чтобы до-ста
Без старости прожить, бодритесь!

Я Вам писал неоднократно
И поздравлял Вас с днём Рождения.
Но в этот раз, скажу приватно,
Я Вам пишу не без волнения...

Вы много в жизни повидали,
Вы совершили массу дел.
Порой покоя Вы не знали,
Пока проект Ваш не созрел.

Проект в реальность воплотился
И действует десятки лет.
Проект в Дом Знаний превратился,
Таких музеев в мире – НЕТ!!!

«Никто не забыт, ничто не забыто...»

**ЗДЕСЬ МОЖНО «ПРИКОСНУТЬСЯ» К ИСТОРИИ:
к оружию, побывавшему в боях,
наградам наших воинов, документам
военного времени, одежде и предметам,
принадлежавшим бойцам, и многому
другому.**

10 октября 2020 года

Выступаю в музее 27 октября 2019 года на «Круглом столе». Справа – налево: Давид Зельвенский, Александр Бурдо, Татьяна Кравец

В этом музее я имел счастье неоднократно встречаться с выдающимся писателем **Анатолием Георгиевичем Алексиным**. Мы обменялись книгами, а через несколько дней он позвонил мне, пригласил приехать к нему домой: он хочет передать и рекомендацию для вступления в Союз русскоязычных писателей Израиля (СРПИ).

Одно из выступлений в Хадерском музее «Энергия мужества» (вечер, посвящённый Дню Победы, 2009 г.)

В музее «Энергия мужества» неоднократно проводились творческие вечера, где я выступал с чтением стихов, рассказом о журнале «Юность» и о работе с газетой «Радуга жизни». Зачастую исполнялись мои песни, в чём неоценимую помощь оказывал прекрасный исполнитель песен Высоцкого Илья Армановский.

*Хадера. Общинный дом.
Рассказываю о журнале
«Юность»*

«От Пушкина до Высоцкого»

4 февраля 2009 года, в музее «Энергия мужества» состоялся вечер, посвящённый двум памятным датам: 25 января – день рождения Высоцкого и 6 февраля – день памяти Пушкина. Мы решили в одном мероприятии рассказать о двух выдающихся поэтах России не только из-за близости этих дат по календарю, но и потому что, как к одному, так и к другому, действительно, «не зарастает народная тропа».

Как обычно, вечер открыл директор музея Давид Зельвенский с краткой информацией о событиях, приуроченных к этим датам. Затем я рассказал о журнале «Юность» и о выпускавшейся мной газете «**Радуга жизни**», где было опубликовано моё интервью с **Дмитрием Алексеевичем Вульфом** – внучатым племянником Анны Петровны Керн. Д.А. Вульф в то время был вице-президентом российского Народного Пушкинского фонда. Мне довелось несколько раз быть у него дома, познакомиться с раритетами пушкинской поры и

подолгу слушать его рассказы о работе фонда и о прежней работе в горной и металлургической промышленности (во время войны – на оборонных предприятиях).

Ещё одно выступление в музее

На нашей встрече в музее я прочёл несколько стихотворений Пушкина и Высоцкого, а затем поделился со слушателями своими стихами, посвящёнными каждому поэту.

Февраль, 1837

Погиб поэт – невольник чести...

М.Ю. Лермонтов

**Смерть Поэта и Пророка была
национальной трагедией России.
Мы говорим о Пушкине,
посвящаем ему стихи,
потому что он – с нами.
Нужно ли это ему?
Это нужно нам!..**

*Тогда страна осталась без Поэта.
Заноза острая вошла в сердца.
Взорвалось всё, волна прошла по свету
И всё не затухает до конца.*

*Душа друзей не долго цепенела,
Но ныне ещё трудно осознать –
Пришёл ответ и брошен власти смело:
Поэт сменил Поэта – рать на рать!*

*В мозгу убийцы чёрное затмение –
Упал невольник чести в цвете лет.
Куда смотрело божье провиденье –
Беды не пресекло? Погиб Поэт...*

*Дожди прошли. Снегов сошло немало
С споры печальной, горькой, жуткой – той,
Когда от пули Пушкина не стало –
Неважно, в зиму было или в зной.*

*Февраль – печаль... Тревожит мысль устало...
Как прежде, так сейчас идут снега...
Февраль... Звезда Поэзии упала...
Тогда была метель; сейчас опять пурга.*

*Прошли года, но творчество Поэта
Для нынешних и будущих людей
Так значимо, как солнце тёплым летом,
Что дарит жизнь. А, может, и важней.*

*И всё же лет прошло ещё не много
(Ведь Питеру – каких-то 300 лет!)
Наш Пушкин вновь в пути, опять в дороге –
Возможно, едет в ссылку или – в Свет.*

*Но сколько б ни прошло, а непривычно
Нам говорить о том, что его нет.
Он в памяти остался безграничной
Для всех на свете и на сотни лет!*

P.S. Я не могу умом понять,
За что поэтов распинать?!
Простим им гордость, злость и дерзость
За то, что отвергают мерзость,
Несут духовность, благородство,
За то, что с донкихотством сходство,
За их пророческую страсть,
За то, что их не любит власть!..

Владимир

*Люблю тебя сейчас,
не тайно – напоказ.
Не «после» и не «до»
в лучах твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,
но я люблю сейчас,
А в прошлом – не хочу,
а в будущем – не знаю.*

Владимир Высоцкий

*С нелёгкою судьбой,
С крылатою мечтой
Ворвался в нашу жизнь,
Подобно метеору.
Встряхнул всех и зажгёт,
Сказал нам всё, что смог,
А больше – не успел,
Ушёл – как поезд скорый.*

*А если б жил сейчас
И был бы среди нас,
Ты спел бы и сказал
Для всех ещё немало.
Звучал бы голос твой
С серебряной струной
С магнитофонных лент...*

Не дожил – прожил мало...

В заключение мы с Ильёй Армановским исполнили дуэт-подражание песне В.Высоцкого «**Разговор у телевизора**», где Зина постоянно «на грубость нарывалась». Наша песня называлась «**Семейный диалог**», героями были не **Зина** и **Ваня**, а **Маша** (она же Мань, Мария, Маруся, Маш, Муся) и **Вася** (он же Василий, Васька, Вась, Васёк, Васянь). Я исполнял партию Маши, а Илья, соответственно, Васи. Он же прекрасно аккомпанировал на гитаре.

Семейный диалог

Ты, Зин, на грубость нарываешься!..

Владимир Высоцкий

*– Скажи, Василий, если можешь,
И объясни такой момент:
Чего-то ты ко мне стал строже,
Молчишь, как будто монумент?*

*– Ты, Мань, чего мне говорила?
Что будешь ждать меня всегда!
А вот – забыла, погрешила:
С другим гулять пошла – куда?*

*– Ты, Васька, глупость совершаешь!..
Кто Верку танцевать позвал?
Забыл? И будто бы не знаешь:
Мне – первый танец обещал!..*

*– Ишь, чо, Мария, захотела!
Чтоб я делил на две семьи?*

*Напрасно глазками вертела,
Я знаю шуточки твои.*

*– Вась, я души в тебе не чаю,
Всё вспоминаю, наглеца.
Тоскую без тебя, скучаю,
И ждать устала без конца.*

*– Давай, Маруся, развлечёмся:
В кино, на стадион пойдём,
А с Веркой – дома разберёмся...
Но прежде – в магазин зайдём.*

*– Васёк, ко мне ты равнодушен,
А я всегда тебя ждала.
Ведь ты один мне в жизни нужен,
Так жить я больше не могла.*

*– Я, Маш, не против порезвиться
И отдохнуть душой своей.
Могу напиться, протрезвиться –
Пусть сердцу будет веселей.*

*– Васянь, отложим наши споры,
Чего с тобою нам делить?
– Да, Муся, хватит разговоров.
Закуска есть...
– А чем запить?*

Обо всех творческих вечерах рассказать невозможно, но нужно заметить, что в каждом

случае сценарий обновлялся на 80 – 100 процентов. Приведу небольшой фотоотчёт об отдельных выступлениях с моим участием.

*Мы
с*

Ильёй Армановским в музее «Энергия мужества» под аккомпанемент Ильи исполняем песню «Семейный диалог»

*Закончился двадцатый век.
Текут года, как воды рек.
И прожил я немало лет
С тех пор, когда увидел свет.*

*Чего я только не видал –
Разруху, голод, криминал...
Я был свидетелем войны,
Восстановления страны.*

*Знакома мне и целина –
Да если бы она одна!..*

В одном из клубов Хадеры в 2008 году читал стихи по принципу «случайных» страниц, которые называли слушатели

9.2. Последняя встреча

Я соскучился по семье. Долго ждал и тосковал. Лиля с сыном ещё находилась в Москве и в это время чувствовала себя настолько неважно, что ей определили вторую группу инвалидности. Она едва передвигалась: проблема была в ногах. Я дважды «летал» в Москву. Нашёл специалистов-остеопатов, которые, действительно, помогли ей. Мы смогли прийти в посольство Израиля, что на Большой Ордынке, и запросить разрешение на выезд в Израиль. Но я должен был вернуться в Хадеру и продолжал томиться в ожидании приезда семьи.

Скучаю, скучаю...

(Письмо в Москву)

Скучаю, скучаю...

Все ночи и дни я вас вспоминаю...

Как вы там, одни?

Я помню, я помню:

Мы знали тогда, что нас не коснётся

Любая беда.

*Рисую, рисую
На мокром стекле. Волнуюсь, тоскую
И днём, и во мгле.*

*Страдаю, страдаю –
В душе так щемит!.. Не я – это сердце
Устало кричит.*

*Покоя, покоя
Всё просит оно... Ну, что тебе нужно,
О, сердце моё?!*

*Откликнись, откликнись
И боль прекрати. Своей добротой
Её отведи.*

*Я знаю, я знаю:
Хоть ночь настаёт, но я понимаю,
Что утро придёт.*

*И верю я, верю:
Наступит пора. Уйдут все проблемы,
Что были вчера.*

*Надеюсь, надеюсь,
Что солнце взойдёт и с доброю вестью
Оно к нам придёт.*

*Мечтаю, мечтаю
О встрече с тобой... Тогда, полагаю,
Расстанусь с тоской.*

Пришло время, и Лиля с сыном приехали на постоянное жительство в Израиль; мы проживали в Хадере, но объездили с экскурсиями всю страну – с севера до юга. Мы познакомились с художественными галереями Цфата, объехали со всех сторон Тивериадское озеро (оно же известное как Галилейское море), ныне называемое Кинерет, побывали на Голанских высотах, где насладились вишней, собранной непосредственно с деревьев, познакомились с прекрасной Хайфой, были в пустыне Негев, на Мёртвом море и в Эйлате.

*Картина художника
Василия Поленова
«На Тивериадском
озере», 1888 год*

Мы очень полюбили Хайфу и часто бывали в этом городе, который расположен на склонах горы Кармель.

Бахайские сады

В городе много интересных мест, но особенно привлекали нас великолепные Бахайские сады.

Говорят, что чистота и красота садов отражают духовность человека и чистоту его помыслов.

Этот снимок сделан в 2007 году, когда исполнилось 50 лет нашей совместной жизни. За это время, конечно, мы оба неоднократно тяжело болели и помогали друг другу, как и положено родным людям.

Лиля в Хайфе

Но я тяжело переживал, когда был беспомощным, а она «выкладывалась» до конца. К юбилею я написал «покаянные» стихи.

Юбилей в полсотни лет

*В полувекóвый юбилей
Хотелось мне сказать немало:
«Прости, коль нежности моей
Тебе порою не хватало.*

*Прости за то, что не всегда
Я уделял тебе вниманье.
Прости за то, что иногда
Бывал я глух к твоим желаньям.*

*Прости, что часто я болел,
Семье заботы добавляя.
А я ведь искренне хотел
Тебе представить кущи рая».*

*Я говорю тебе: «Прости,
Прости, что столько лет терпела*

***Привычки вредные мои
И часто забывать умела.***

Лиля очень хотела посетить Парк орхидей «Утопия». Заранее были приобретены билеты, но неожиданно она тяжело заболела и попала в больницу, откуда уже выйти не смогла. Похоронили её на кладбище в районе кибуца Бахан, в котором как раз и находится парк «Утопия», куда она не попала, но нашла себе вечное пристанище.

Текст на плите:

***Несправедлива жизнь подчас...
Не сознаём ещё, не верим,
Что ты ушла в другие сферы,
Что навсегда ушла от нас.***

В это время в голову начали приходить мысли о том, что «призрачно всё в этом мире бушующем» (Леонид Дербенёв), о «вечном покое» (Исаак Левитан), вспомнились некоторые строчки Иосифа Бродского, тосковавшего по Васильевскому острову, и появились такие мысли:

***Один теперь встречаю зори,
Дни в одиночестве глухи:
Пришло в моё семейство горе,
Мне не с кем говорить и спорить,
И некому читать стихи.***

Строчки Иосифа Бродского глубоко «запали» в душу и «вытащили» из меня откровения:

Ностальгия жизни

(Сменились дни на ночи)

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать...*

Иосиф Бродский

***Я, напротив, желаю
Выбрать место погоста...
Понимаю и знаю –
Это вовсе непросто.***

***Каждый год отправляюсь
Из России на юг,
И опять возвращаюсь...
Вот и – замкнутый круг.***

***Мне бы круг разорвать,
Мне бы остановиться...
Мне б холодной воды
Родниковой напиться...***

***Мой отец занедужил,
В Украине почил.
Над могилою стужа
Лишь гуляет в ночи.***

*Моей мамы могила
За морями, в пустыне:
Дни свои завершила
На земле Палестины.*

*И жену схоронил я
На земле, на Святой...
И остался один я
В жизни сложной такой.*

*Мне хотелось бы ближе
И к родителям быть,
И к жене прислониться,
Свою горечь забыть.*

*Как мне круг разорвать?
Как мне определиться?
Где погост выбирать,
Где мне остановиться?*

*Что мне звёзды пророчат?
Где свой путь завершу?
Дни сменились на ночи,
Я тоскую, грущу...*

Именно в Израиле Лиля начала проявлять некоторые свои творческие способности и увлечения, которые я «не замечал» за долгую совместную жизнь. Я знал, что она увлекалась эзотерикой, уфологией, нумерологией, интересова-

лась энергией пирамид, изучала философию Мельхисадека Друнвало, прочла множество его книг и добралась до спиралей Фибоначчи. Не потому ли в её стихах немало мистического? Лиля утверждала, что стихи идут к ней прямо из Космоса, она их запоминала и изредка записывала, причём, почти без поправок. Я неоднократно предлагал ей записать стихи в компьютере, но она отказывалась, говоря, что и так всё помнит.

После её смерти я нашёл 14 стихотворений, записанных на разрозненных листках бумаги, добавил к ним 14 своих стихотворений и издал небольшой сборник стихов под названием «**Стихи в ночной тиши**».

В нашей с Лилей за 53 года совместной жизни было много радостных дней и лет, были и быстро проходившие недоразумения, и, когда её не стало, в течение двух лет её присутствие где-то рядом я ощущал постоянно – и днём, и во сне. Когда я сочинял эпитафию, она состояла из восьми строчек, но на могильной плите я разместил только первые четыре. А следующие оставил в сердце своём. Через некоторое время появились стихи и песня с этими четырьмя строчками в качестве припева. Вот эта песня.

Я любил...

*Да, я любил и был любимым,
И счастьем не было предела...
Но время шло неумолимо –
Теперь один на свете белом.*

*А время так неумолимо,
И я грущу, и я страдаю...
Уж не видать мне моей милой,
Но я о ней не забываю.*

*Её я часто вспоминаю,
Тоскливо, неуютно мне.
По ней страдаю и мечтаю,
Увидеть, может быть, во сне.*

*А время так неумолимо,
И я грущу, и я страдаю...
Уж не видать мне моей милой,
Но я о ней не забываю.*

*А сердце бьётся учащённо
И возникают миражи,
Оно не может отстранённо
Взирать на боль моей души.*

*А время так неумолимо,
И я грущу, и я страдаю...
Уж не видать мне моей милой,
Но я о ней не забываю.*

*Я в грёзах с ней всегда общаюсь,
И наши встречи так милы...
Но всё проходит, я прощаюсь
И ухожу в свои миры.*

*А время так неумолимо,
И я грущу, и я страдаю...
Уж не видать мне моей милой,
Но я о ней не забываю.*

Подводя итог хадерскому периоду, могу уверенно сказать, что вкусил несколько свободных творческих глотков «**третьего дыхания**».

Нетания

В 2010 году мы с сыном переехали в город Нетания, один из красивейших городов Израиля. Он «растянулся» на много километров вдоль восточного побережья Средиземного моря.

*По берегу моря, в Нетании,
Гуляю в конце ноября.
Ещё здесь возможно купание
И не досаждают жара.*

*И небо высокопрозрачное...
Местами плывут облака...
Для отдыха время удачное:
Тепло и комфортно пока.*

*А где-то земля есть далёкая.
Сейчас там снега, холода...
Звезда ты моя, одинокая,
Свети мне сюда иногда!*

*По берегу моря, в Нетании,
Хожу босиком по песку.
И томные воспоминания
В душе навевают тоску.*

Прогулка у моря
(картон, масло),
художник Инна
Шавкунова, 2006 г.

Утренняя прогулка

*Я утром вышел на прогулку
И должен искренне сказать,
Что, проходя по переулку,
Я чуял Божью благодать.*

*Бродя в окрестностях Нетании,
Где море ласково блестит,
Я ощущал Небес дыхание,
Здесь воздух свежестью звенит.
Но солнце сильно припекает
И что-то тянет, как магнит,
На море, где волна играет,
Теплом и нежностью манит.*

В Нетании я сразу окунулся в активную творческую атмосферу. Первым делом занялся подготовкой к изданию книги со стихами отца, **Григория Мазура**, которому за год до этого исполнилось бы 100 лет. Отец прошёл войну с первого до последнего дня и потом долго служил в войсках и на «гражданке», пока болезни не сломили его в 68 лет.

Мне удалось собрать то, что сохранилось – стихи довоенных, военных и послевоенных лет – сверстать и оформить в виде книги с названием **«Стихи разных лет»**. Кроме того, в июне 2013 года в журнале **«Ветеран Второй мировой войны»**, № 67, была опубликована моя статья об отце: **«Как свежи воспоминания!..»**.

Я начал посещать поэтические вечера, которые проходили у кого-нибудь на квартире. Одновременно сам организовывал тематические литературно-поэтические встречи, посвящённые важным датам и именам. Так, в клубе «Атид» мы проводили творческие и литературно-музыкальные вечера под девизом **«Встречи с «Юностью»**, а также мероприятия, посвящённые А.С. Пушкину, В.С. Высоцкому и по другим поводам. Как правило, все вечера я начинал с чтения известных стихов Андрея Дементьева:

Мы скаковые лошади азарта. На нас ещё немало ставят карт. И, может быть, Мы тяжко рухнем завтра, Но это завтра... А сейчас – азарт!
--

В этот же период я познакомился с искусствоведом, Заслуженным работником культуры Российской Федерации Владимиром Куропатовым, который меня неоднократно приглашал к участию в различных творческих мероприятиях, где он был

организатором и ведущим. В Общинном доме Нетании было проведено большое число моих творческих вечеров, где ведущим неизменно был **Владимир Куропатов**; он своим участием обеспечивал успех мероприятия.

Здесь, в Нетании, я почувствовал свежий прилив творческой энергии. Кроме частых выступлений в Общинном доме и в других местах, у меня были встречи в Хайфе, Ашдоде, Хадере.

Здесь я издал 8 новых собственных книг, активно редактировал и выпустил около десятка книг других авторов, начал сотрудничать с местными композиторами и придумывать мелодии к собственным стихам. Откуда появлялись мелодии?

*Звучат мелодии вокруг,
Стихи рождаются случайно:
Слова роняю я нечаянно,
И песня возникает вдруг...*

По-видимому, это связано с тем, открывается «**третье дыхание**», то самое, свободное творческое дыхание, о котором я рассуждал в предыдущих главах.

«Пушкин на иврите»

В феврале 2012 года в клубе «Атид» был проведен литературный вечер, посвящённый памяти Александра Сергеевича Пушкина, в связи с 175-

летием со дня гибели Поэта и Пророка. Я начал вечер с чтения стихов Андрея Дементьева:

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён
Сергеем Соболевским...
Его любимый друг
С достоинством и блеском
Дуэль расстроил вдруг.
Дуэль не состоялась...
Остались боль да ярость,
Да шум великосветский,
Что так ему постыл...
К несчастью, Соболевский
В тот год в Европах жил.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён.
Всё было очень просто:
У Трицкого моста
Он встретил Натали.
Их экипажи встали.
Она была в вуали –
В серебряной пыли.
Он вышел поклониться,
Сказать – пускай не ждут.
Могло всё измениться
За несколько минут.
К несчастью, Натали
Была так близорука,
Что, не узнав супруга,
Растаяла вдали.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...
Под дуло пистолета,

Не опуская глаз,
Шагнул вперёд Данзас
И заслони́л поэта.
И слышал только лес,
Что говорил он другу...
И опускает руку
Несбывшийся Дантес.
К несчастью, пленник чести
Так поступить не смел.
Остался он на месте,
И выстрел прогремел.

А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасён...

Участники вечера отдали должное мудрости Дементьева и не остались равнодушными к трём сюжетам, которые, если бы не во сне, а наяву произошли бы,.. что могло бы быть!

Затем я рассказал о том, как в далёком уже 1997 году, в преддверии 200-й годовщины со дня рождения Пушкина, встретился с интересным человеком, имевшим определённое отношение к Пушкину. Это был **Дмитрий Алексеевич Вульф**, внучатый племянник **Анны Петровны Керн**, потомок того самого **Вульфа Алексея Николаевича**, которому Пушкин, находясь в михайловской ссылке, писал:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай ко мне зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Я неоднократно посещал на дому 90-летнего **Д. Вульфа** и брал у него интервью для нашей газеты «Радуга жизни». Д. Вульф в это время был вице-президентом Российского народного пушкинского фонда и сподвижником **Дмитрия Сергеевича Лихачёва**. Он рассказывал о необычном даре А.Пушкина: о серьёзном увлечении математикой, интересом к научному предвидению и предсказаниям, о взрывном его характере и многочисленных дуэлях...

Пушкинскую тему продолжил **Аркадий Бронштейн** и с интересным сообщением выступил **Игорь Шальман**, рассказавший о наличии переводов некоторых произведений Пушкина на иврит. Он прочёл несколько стихотворений поэта на русском языке с параллельным переводом на иврит.

<p><i>Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь; Его лошадка, снег почуя, Плетётся рысью как-нибудь; Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая; Ямщик сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке.</i></p>	<p><i>הַחֹרֶף!.. סַס אֵלַי מִיִּזְחָלֵת קַאֲפְרִי חֹנֵחַ לֹא אֵת אֹרְחוֹ; סוּסִיָּאֵת הֶרִיחָא שֶׁלֶג בֶּזֶ-רַאֲצָא אֹרַח כּוֹ וַאֲ-חֹ; אֶגְלַת-קוּבָא חִישׁ-כַּלֵּף דּוֹחֶרֶת בֶּזֶ-תְּלֵמ צַמְרִירִי חֹתֶרֶת; רַאֲבַב יֹוֹשֶׁבֶל תִּיטוֹרְתוֹ בֶּזֶ-פַּרְבַּטוֹ וּ-מַחְגוֹרְתוֹ.</i></p>
--	--

В течение всего вечера звучали мелодии на стихи Пушкина в прекрасном исполнении **Леонида Будько** и песни **Высоцкого** по теме встречи, которые представил гость из Хадеры художник-монументалист **Илья Армановский**. Вечер был, действительно, интересным, и присутствовавшие, а их было в крохотном помещении около 30 человек,

не торопились расходиться и продолжали обсуждать детали услышанного.

Обо всех мероприятиях, где мне довелось участвовать, рассказать невозможно, да это и не является целью данной книги. Ограничусь несколькими примерами.

«Встречи с интересными людьми»

Этот вечер организовал и провёл искусствовед, заслуженный работник культуры РФ Владимир Куропатов. Он познакомил зрителей с участниками творческой встречи, которые представляли разные сферы научной, творческой и культурной жизни.

Владимир Куропатов

Первым выступил директор Института интеграции и профессиональной адаптации доктор **Яков Деуль**, рассказавший о своей многолетней работе в промышленности и науке до приезда в Израиль, о

деятельности руководимого им Института, разработках талантливых изобретателей-репатриантов.

Затем ведущий представил меня, как в прошлом сотрудника литературного журнала «Юность». Поэтому я постарался познакомить слушателей с теми, кто был рядом в то время и помогал мне освоиться на новом месте. Я показал на экране

фотографию коллектива редакции и рассказал о некоторых из коллег.

Липатов Виктор Сергеевич – главный редактор журнала «Юность». По его приглашению я начал работать в редакции.

Берестов Валентин Дмитриевич – писатель, мемуарист, пушкинист, поэт, переводчик. Сотрудничал с газетой «Радуга жизни», публиковался в ней.

Есин Сергей Николаевич – писатель и журналист, ректор Литературного института им. А.М. Горького.

Соколов Владимир Николаевич – поэт, эссеист и переводчик.

Злотников Натан Маркович – заместитель главного редактора журнала «Юность», поэт.

Розов Виктор Сергеевич – выдающийся драматург и сценарист, автор многих киносценариев, в том числе пьесы «**Вечно живые**», на основе которой был снят кинофильм «**Летят журавли**».

Рассказал я также о культурно-просветительной экологической газете «**Радуга жизни**», её назначении и содержании. Вместе художником **Ильёй Армановским** мы исполнили песню «**Ни о чём не жалею**» – о мечте и о том, что сбылось и не сбылось.

Вечере приняли участие члены артгруппы «Зикарон» **Яков Белоцерковский** и **Борис Стрельцов**, исполнившие несколько популярных песен. В заключение вечера выступила бард, исполнительница собственных стихов и песен **Лючия Ганапольская-Юделевич**.

В редакции журнала «Юность»

Стоят (слева-направо): главный редактор Виктор Липатов, художник Евгений Глобенко, писатель, поэт Валентин Берестов, Феликс Мазур, Вадим Фортес, ректор литературного института Сергей Есин, писатель Владимир Орлов, поэт Владимир Соколов.

Сидят: второй слева – поэт Натан Злогников, в центре – драматург Виктор Розов.

Дотошный читатель может заметить, что я часто упоминаю о том, что во время выступлений рассказываю о журнале «Юность» и о газете «Радуга жизни», будто больше не о чём рассказывать. А что удивительного?

Во-первых, бывают разные аудитории и мой рассказ в этом случае является повтором только для меня. Во-вторых, если аудитория знакомая, мне есть что рассказать нового и не повторяться. В-третьих, на творческих вечерах, которых было довольно много, я журналу и газете уделяю небольшую часть времени, а, в основном, стараюсь заполнить время чтением стихов, сопровождая их комментариями, а также демонстрируя некоторые песни. В-четвёртых, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь выразил неудовольствие по поводу выступления. И, наконец, в-пятых, мне кажется, когда идёт рассказ о журнале, это вызывает неподдельный интерес. В частных беседах я часто слышу:

– О, «Юность», это же наша юность, наша молодость! На подписку был лимит, и мы в очереди стояли, чтобы почитать свежий журнал.

Дальше я постараюсь не повторять одно и то же, а расскажу о встречах с помощью фотографий.

Фотогалерея различных выступлений

Как и каждому автору, мне хочется донести свои мысли, изложенные стихами в книгах, до читателей, слушателей, услышать их реакцию на описываемые события или поступки.

Поэтому и в Москве, и в Хадере, и в Нетании, при каждом удобном случае, я выступал даже в небольших коллективах. Получается что-то вроде литературных гостиных, а в последнее время – литературно-музыкальных салонов. Я расскажу только о некоторых встречах и покажу фотогалерею своих выступлений на разных площадках.

*Композитор
Михаил Дикер.
Сочинил несколько
мелодий на
мои стихи и
песни показывал
на своих творче-
ских вечерах*

*Пианистка,
аккомпаниатор,
певица Ирина
Медведева. С её
участием прохо-
дят все выступ-
ления артгруп-
пы «Зикарон»*

*Любовь Флягина –
певица, актриса.
Принимает учас-
тие в творческих
вечерах и выступ-
лениях артгруп-
пы «Зикарон»*

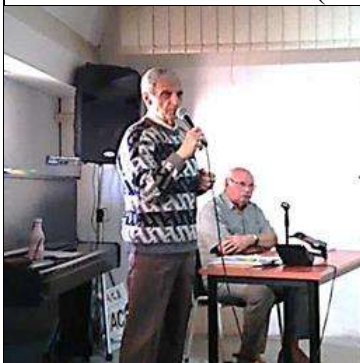

*Один из вечеров в
Общинном доме в
Нетании с участием
художника-монумен-
талиста Армановского
Ильи (с гитарой). Слева
– ведущий вечера
Владимир Куропатов*

*Выступление в литератур-
ном объединении Ашдода,
январь 2017 г.
«Доподлинно известно с дав-
них пор, что Истина лежит
посередине двух крайностей.
Но постоянный спор о ней
ведётся всюду и поныне».*

**Творческий вечер «Транзит по жизни» в
Нетании (27 марта 2017 года)**

*Начинаю вечер и приветствую слушателей.
«Жизнь моя –
в стихах моих...
Ох, немало сочинил я –
И удачных, и плохих,
Но они – мои.
В них жил я».*

*«Я проживал в Сибири,
Работал в Заполярье,
Бывал на Усть-Илиме...
Ходил зимой по тундре,
Бродяжил на Байкале.
Порой бывало трудно,
Особенно – вначале...»*

*В далёкий город
северный я отправился
намеренно*

*Здесь был город заложен,
моим ровесником был он (о
Норильске)*

Северное сияние

После Норильска работал в проектных организациях Москвы, окончил инженерно-строительный институт и продолжал служебные поездки по стране – Ленинград, Саратов, Тбилиси, Рига, Минск, Тюмень, Сургут, Ноябрьск, Свердловск, Норильск, Курган, Ташкент, Баку, Ош...

Музыкальный сюрприз:

Белла Куропатова исполняет романс «Приходи на меня посмотреть». Аккомпанирует Сергей Зингерман Стихи Анны Ахматовой. Композитор Вадим Биберган.

*«Почему я не летаю»,
Не взмываю к облакам?..
Будто в детстве,
я мечтаю
Побывать однажды
там».*

Читаю приветствие многократному чемпиону Израиля, Европы и Мира по пауэрлифтингу (силовому троеборью) 81-летнему Григорию Рубину перед его выступлением

Григорий Рубин рассказывает о себе, о наградах, о соревнованиях

Григорий Рубин демонстрирует самую ценную награду, а на груди, на лентах – не менее десятка чемпионских наград

Григорий Рубин устанавливает очередной мировой рекорд

Илья Армановский для чемпиона исполняет песню В. Высоцкого о штангисте

Я, видимо, опущу описание многих выступлений с моим участием, чтобы не «скатиться» до простого перечисления событий и однотипных «репортажей». Остановлюсь на последнем большом выступлении, в связи с достижением весьма преклонного возраста, пусть не «круглого», но... всё же, запредельного – 85! Я считал, что это будет вообще последнее моё выступление. Но никак не мог

предположить, что это, действительно, сбудется, но совершенно по другой причине – коронавирусной пандемии. К сожалению, это надолго... Так что, действительно, вероятность возможных встреч со зрителями – весьма призрачна.

И всё же, в творческом плане дышится легко, свободно и состояние «**третьего дыхания**» не прекращается. С каждым годом прибавляются новые стихи, песни, возникают разные идеи за пределами собственно поэзии. Начал публиковаться в 64-х полосном еженедельнике «**Секрет**» со статьями о терминологических нелепостях в политической и бытовой риторике, оказываю редакторскую помощь в издании книг некоторым нетанийским авторам. Если бы не досадная ситуация с самоизоляцией и отсутствием «живых» контактов, наверно, динамика в творчестве могла бы быть «круче» и интереснее. Это – как сравнение с «живой» музыкой и «под фанеру».

9.3. Последний вечер, юбилейный...

Итак, этот юбилейный вечер прошёл 27 мая 2019 года; он был организован обществом ветеранов, который в настоящее время возглавляет **Сузана Азари**. Я попробую кратко изложить содержательную часть и проиллюстрировать этот вечер имеющимися фотографиями, к сожалению, невысокого качества. Как обычно, к своим творческим вечерам я подготавливаю сценарий, чтобы вечер

прошёл по какому-то логическому тематическому сюжету.

Вечер открыла Сузана, зачитала приветствие от Президиума Центрального Совета Союза ветеранов Израиля и наградила памятной медалью на ленте, на которой обозначено число 85.

*Не говорлив и не речист,
Я не певец, не декламатор.
И вообще я – не артист,
Но буду выступать, однако.
Не знаю, что ещё сказать,
Смущён немного и робею...
За промахи прошу прощать,
А большего просить не смею.*

Выступление на этом вечере принудило меня вспомнить многое, чему я был свидетелем или участником и попытаться как бы подвести итог жизни. Значительная часть моего выступления была зарифмована; я использовал и старые стихи, и кое-что новое.

*Был год тридцать четвёртый, месяц май.
В стране тогда раздраз творился.
И в эти дни, возьми и угадай,
Явился я на свет, то есть – родился.*

*Года идут, бегут мои года,
Пронесутся стрелой из лука,
Уверенно летя в мишень туда,
Где дальше – пустота... И нет ни звука.*

*Мне сорок было так уже давно,
А восемьдесят – так недавно!..
И вот ещё пять лет было дано
Судьбою в этой жизни (даже странно...).*

*Но этот факт, как видим, налицо:
Неужто столько лет сравнялось?!
Что наша жизнь? Конечно, не кольцо,
А сложная спираль, как оказалось.*

– Я не говорлив и не речист, я не певец, не декламатор. И вообще я – не артист, но буду выступать, однако. Не знаю, что ещё сказать... Смущён немного и робею... За промахи прошу прощать, а большего просить не смею!..

– Не взыщите!.. Не ругайте!.. Потерпите, отдохните...

– Я, конечно, очень волнуюсь. Слышал, что даже профессионалы-актёры, перед выходом на сцену, волнуются. А мне, тем более, полагается волноваться и беспокоиться, как бы не провалиться сквозь землю, то бишь, под сцену. Поэтому, по предварительной договорённости, я приглашаю на эту сцену и рассчитываю на крепкую руку помощи, которую мне дружески протянет хорошо известный и всеми уважаемый Владимир Куропатов!

Под активные аплодисменты зала Владимир поднимается со своего места и проходит на сцену. Сразу пытается забрать у меня микрофон, но я пока не отдаю и продолжаю:

*С меня теперь не много спросу...
Да что с меня возможно взять?
Но если есть у вас вопросы,
Конечно, буду отвечать.*

*А всю ответственность – так лучше:
Пусть на себя берёт ведущий.
А я немного помолчу,
Его послушать я хочу.*

С этими словами передаю микрофон Куропатову, и он произносит примерно следующее:

– Я, конечно, на роль ведущего не согласился бы. Я, скорее, не ведущий, а следящий, – под одобрительные хлопки зрителей заявил он. Затем минут десять рассказывал что-то приятное обо мне.

Я продолжил разговор о том, как быстро летит время. Вроде совсем недавно заканчивали школу и хотелось скорей повзрослеть, чтобы активно включиться в какую-то полезную деятельность.

С другой стороны, когда я стал студентом, довольно тяжело пережил момент е исполнения 20 лет: «Надо же, – подумал я, – уже третий десяток пошёл! А я ещё ничего не сделал, всё ещё учусь».

Затем примерно так же преодолел 40-летний рубеж, а когда исполнилось полсотни, я почти успокоился, приняв этот факт, как неизбежность. Но как раз в это время мне попались на глаза стихи известного поэта Льва Озерова, я их принял близко к сердцу и запомнил:

В ночной тиши и средь бела дня Приходит мысль, ошутима до дрожи: Всё меньше тех, кто старше меня, Всё больше тех, кто меня моложе.

Я тогда даже предположить не мог, что через 10 лет, когда буду работать в редакции журнала «Юность», встречу с этим человеком, прочту ему эти строчки, чем вызову благодарную слезу.

Затем я «спел» под гитару две новые песни-размышления, которые сочинил к своему юбилею. Конечно, эти песни совсем не мажорные. В них речь идёт о том, что очень быстро идут, бегут года, хотелось бы помедленнее. Текст первой песни приведен в главе 1, поэтому здесь приведу только несколько заключительных строчек, к которым применима мелодия Высоцкого, обращённая к несущимся коням, а в данном случае – к куда-то спешащим годам:

*«Чуть
помедленнее,
годы! Чуть
помедленнее!..
Ну, спешить вам
зачем и куда?!
Отчего же вы,
года,
привередливые?
Не бегите же в
даль, в никуда!!!»*

Вторая песня тоже невесёлая, начинается и заканчивается стуком метронома.

Метроном

*Мой возраст ускоряет бег...
В часах сменился циферблат:
Ещё немного – будет век,
Года бегут, как на парад.
Задам себе вопрос простой:
Куда ведут меня года?
На горизонте цифра 100 –
Недостижима никогда.
На горизонте цифра 100 –
Недостижима никогда.*

*Мой метроном стучит, стучит...
Секунды приближают век...
Безостановочно бежит
К пределу жизни человек.
А я к пределу не спешу:*

*Отстукал лет немало я...
Ещё немного попрошу
Годов активных для себя.
Ещё немного попрошу
Годов активных для себя.*

*А метроном стучит, стучит,
Порою нарушая ритм...
Он спотыкается, спешит.
Куда спешит, не говорит.
Мне хочется замедлить бег
Галопом скачущих годов.
На пятки наступает век –
Вот-вот сомнёт – и был таков!..
На пятки наступает век –
Вот-вот сомнёт – и был таков!..*

*Но я стараюсь не дрыхнуть,
И в этом творчество под стать:
Душой и телом не стареть,
И трезво жизнь воспринимать.
Мой возраст ускоряет бег...
В часах сменился циферблат:
Ещё немного – будет век,
Года бегут, как на парад.
Ещё немного – будет век,
Года бегут, как на парад.*

А метроном стучит, стучит, стучит...

Я, конечно, извинился перед зрителями и слушателями за свой неполноценный «вокал» и столь же «бледное» сопровождение на гитаре, посетовав на отсутствие на встрече полюбившегося всем **Ильи Армановского** из-за занятости, в руках у которого гитара звучала бы совсем по-другому..

Далее последовал рассказ о войне, эвакуации, возвращении, учёбе и, наконец, отъезде на север, в Норильск, в тундру.

Настоящим подарком для меня были выступления участников артгруппы «Зикарон». Первым на сцену вышел Борис Стрельцов, который исполнил песню Юрия Кукина «За туманом».

*Выступает Борис
Стрельцов:
«Люди посланы
делами,
люди едут за
деньгами,
убегая от обид
и от тоски,
а я еду, а я еду
за мечтами,
за туманом
и за запахом тайги».*

Затем с песней «Довоенное танго» (стихи Феликса Лаубе, музыка Дмитрия Покрасса) выступила певица и актриса **Любовь Флягина**. Ей аккомпанировали **Ирина Медведева** и **Евгений Югов**.

*Любовь Флягтна
исполняет песню
«Довоенное танго»
Аkkомпанируют
Ирина Медведева и
Евгений Югов*

*«В городке у нас когда-то
Жил веселый капельмейстер,
Дирижировал оркестром
В старом парке вечерами.»*

*Ирина Медведева
исполняет песню
«Роза чайная».
Музыка Дмитрия
Покрасса
Стихи Павла
Германа*

*«Этой жизни бесцветную прозу
Странный случай встряхнуть мне помог:
Вы сегодня прислали мне розу
И тоскующих несколько строк...»*

*Белла Куропатова
исполняет романс
Вадима Бибергана
на стихи
Анны Ахматовой
«Приходи на меня
посмотреть».
Аkkомпанируют
Ирина Медведева и
Евгений Югов*

*«Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»*

Выступления «набирали обороты» и нужно было сокращать сценарий. Мы это сделали в «рабочем порядке» и в довольно демократической форме.

Разбираемся со сценарием

В дополнение к вокалистам я показал видеоролик с записью песни на мои стихи, мелодию которой сочинил неизвестный мне бард **Сергей**

Денежкин. Как к нему попали стихи? Могу только предположить... Как-то выступал я в Москве в небольшом коллективе – около 20 человек, в основном, женщины – и прочёл лирические стихи с названием «**Почему мы не пара...**», которые понравились слушателям. Попросили разрешения размножить на ксероксе, и все получили копии.

Через год я приезжаю в Москву, встречаюсь с этим же коллективом, и мне вручают диск с записью песни на те самые стихи. В качестве автора музыки и исполнителя указан некто **Сергей Денежкин.**

Сколько ни старался найти этого человека, чтобы поблагодарить, опрашивая моих слушателей, а затем и через интернет, ничего не получилось. Вот текст этой песни:

Почему мы не пара
(Обращение к женщине)

*Приходил я всегда неожиданно...
На столе у тебя тюльпаны...
Ты порою была печальна,
Будто гостем я был незванным.*

*Я тебя развлекал стихами...
На стене висела гитара...
И понять мы не можем сами,
Почему до сих пор – не пара.*

*А когда уезжал надолго,
Я звонил тебе постоянно*

*С берегов Иртыша и Волги.
Слышал голос я твой печальный...*

*Говорил тебе: «Не досадуй...
Я приеду... Еще немного...
Скоро будем мы вместе, рядом...»
А в ответ – тишина со вздохом.*

*Возвращался я поздно, ночью.
Ты не спишь, малыша качаешь...
Я люблю вас обоих, очень!..
И уверен, ты это знаешь!*

*Я опять говорю стихами...
Ты берешь со стены гитару...
Но понять мы не можем сами,
Почему до сих пор – не пара.*

Прослушали мы эту песню, и мне задают вопрос: «А где же ответ женщины?» Пришлось написать ещё одно стихотворение. Вот оно:

Нет ответа...
(Ответ женщины)

*Не могу объяснить. Нет ответа,
Почему мы не пара с тобой.
Не попросишь у Бога совета,
Коль начертано это судьбой.*

*Ожидая тебя постоянно,
Но приходишь ты только во сне.
Потому и бываю печальна:
Одиноко, безрадостно мне.*

*Ожидать бесконечно устала,
И в холодные зимние дни
Всю любовь малышу отдавала,
Когда с ним оставались одни.*

*Не могу объяснить. Нет ответа,
Почему ты прошёл стороной...
Я пошла б за тобой на край света,
По степи, по тропинке лесной.*

*Не пугаюсь я сложностей быта,
Я стерплю и жару, и мороз.
Для тебя моё сердце открыто, –
Меня тоже волнует вопрос:*

*Почему мы с тобою не пара,
И не греет луч солнца в окне?..
Лишь звучит, надрываясь, гитара
На фальшивой мажорной струне.*

Наш вечер в Общинном доме подходил к концу и ведущий, он же «следящий», Владимир Куропатов, объявил, что в заключение я исполню ещё одну песню, после чего можно расходиться по домам. Я обратился к зрителям:

– Конечно, сейчас время позднее и пора домой, но завтра, с самого утра, предлагаю всем отправиться на море, чтобы насладиться солнцем, воздухом и водой. И об этом будет заключительная песня. Впрочем, на песню это не очень-то похоже. Я и сам не знаю, что это... В общем, не частушка и не песня – непонятно что, хоть тресни!..

Размышления на берегу Средиземного моря в Нетании о мелких радостях

- 1 -

*Бесконечно буду рад,
Если чудо совершится.
Откажусь от всех наград,
Лишь бы морем насладиться.*

- 2 -

*Я не буду утверждать,
Будто некуда податься.
Здесь такая благодать –
Дайте волю надышаться.*

- 3 -

*А ещё я вам скажу,
Но не надо удивляться:
Каждый день сюда хожу –
С морем не могу расстаться.*

- 4 -

*А случится диабет –
Я не буду с ним мириться.
Слышал я такой совет:
Срочно – к морю, восхититься.*

- 5 -

*Днём не радуется жара,
Но не следует пугаться:
Можно с самого утра
В тёплом море искупаться.*

- 6 -

*Вы не думайте, что я
Утопически настроен.
Знает вся моя родня –
Оптимистом я устроен.*

- 7 -

*Если меру соблюдать,
Как сказал когда-то Неру,
То болезням – не бывать,
Не пробить им нашу веру.*

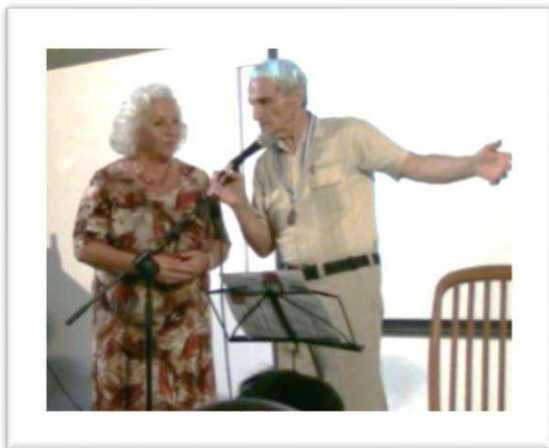
- 8 -

*Кушай в меру, пей сполна...
Чистый воздух – не помеха...
А хрустальная волна –
Всем прекрасная утеха.*

*Бесконечно буду рад,
Если чудо совершится.
Откажусь от всех наград,
Лишь бы морем насладиться.*

Здесь, в Нетании, такая благодать!..

*Сузана
Азари
завершает
наш
творческий
вечер*

После этого, мне показалось, **Сузана Азари** энергично поднялась на сцену и объявила, что юбилейный вечер закончился. А мне осталось только поблагодарить её за организацию вечера и всех участников, что я и сделал.

Я выразил признательность **Борису Лемстеру**

за проведение видеосъёмки, несмотря на не столь уж удобные условия для операторской работы.

*Борис Лемстер, видеооператор,
с видеокамерой*

Я искренне поблагодарил всех соучастников, не пожалевших своего времени и усилий, чтобы вечер состоялся и прошёл успешно.

Участники встречи: Ирина Медведева, Евгений Югов, Любовь Флягина, Феликс Мазур, Белла Куропатова, Владимир Куропатов, Борис Стрельцов, Елена Милькина

Поблагодарил я, конечно, и зрителей за то, что терпеливо слушали и не уходили до завершения нашего выступления.

Часть зрительного зала

Глава 10. Неподсудность классики?

Эта глава может вызвать протест у читателя и возмущение. Многие ли замечают нелепицы и казусы, выплёскивающиеся в изобилии на наши головы «из телевизора»? В «запале» устных дебатов некоторые, вполне успешные ораторы и известные личности, допускают такие «перлы», что «уши вянут». Правда, объективности ради, необходимо заметить, что слова типа «пинжак», «калидор», «велисапед», «шкап» всё реже встречаются, но зато: «в **пятиста** шагах, в **двухста** метрах, более **семиста** военных баз», «в **двух тысяч** пятом году», «**продлять**» и тому подобное слышим чуть ли не ежедневно. Иногда используются и неправильные ударения: звóнит, пóртфель, прóцент, катáлог, начать, углúбить и т.п.

Но не об этих нелепостях хочу рассказать в этой главе. Не знаю, как – кому, а мне «не по себе», когда встречаю неудачные слова или выражения в стихах известных и любимых авторов или в прекрасных песнях, сочинённых на эти стихи. Как часто мы с наслаждением слушаем песни в великолепном исполнении известных вокалистов! Счастье, если музыка слишком громкая и «забивает» голос исполнителя, благодаря чему не все слова возможно расслышать и понять. Но это не страшно, потому что, благодаря удачной мелодии, великолепной аранжировке, мощным динамикам, доносящим до нас прекрасный голос и тембр исполнителя, даже если не все слова внятно звучат, нам понятно,

о чём песня – о любви, романтике походов, маршевая или частушка. Но если вслушаться в слова или прочесть текст стихотворения, очень часто «берёт» досада, особенно, если авторство текста принадлежит известному и уважаемому поэту. У меня совершенно нет никакого желания анализировать стихи известных поэтов-песенников и искать в них какие-либо неточности. Это успешно делал Александр Иванов.

При упоминании классиков хочется, как писал Окуджава, «преклонить перед ними главу», принять их мысли и слова, как запись на скрижалях – истинные, неопровержимые, единственно возможные и правильные. А как быть поклоннику того или иного гения, если отдельная строчка или слово вызывают недоумение? Почему бы не высказаться об этом, при абсолютном сохранении любви, почитания и преданности к автору?

Кто не согласен со мной, – ругайте, обвиняйте, камни бросайте, но прежде – внимательно прочтите!

Несколько досадных примеров

Повторюсь: специальным поиском нелепостей в стиховорных текстах, подобно тому, как в этом преуспевал известный и оригинальный юморист-пародист Александр Иванов, я не занимаюсь. Но они невольно «колят глаз» и «режут слух».

Вот некоторые примеры. Но, читатель, не торопись зачёркивать фломастером текст или вырывать страницу и рвать её в клочья, если мои доводы покажутся обидными по отношению к

вашему «божеству». Я постараюсь это сделать деликатно и корректно.

Михаил Танич

Заранее знаю, что вы обожаете Михаила Танича, и я с вами солидарен. Этот поэт, безусловно, классик нашего времени. Но есть, по крайней мере, одна песня, где в тексте имеется некая неловкость. Я имею в виду необыкновенно популярную песню «**Погода в доме**». Смотрим авторский вариант:

Какой прогноз у нас сегодня, милый, С чем ты опять проснулся не в ладу? Скажи мне просто: Господи, помилуй, Какую блажь имеешь ты в виду? Главней всего погода в доме, Все остальное суета. Есть я и ты, а всё, что кроме, Легко уладить с помощью зонта ...

Бывает: что-то с утра или ночью не заладилось, встаёшь «не с той ноги» и «милый... проснулся **не в ладу**» хотя, похоже семья крепкая и счастливая. Женщина просит: спроси, мол, меня, какую **блажь (дурь)** имею я в виду? Ну, а дальше – всё, что не так, можно уладить с помощью **зонта**. Конечно, здесь некая метафора, но для высокой поэзии не подходит. (Я уж не говорю об отсутствии знаков препинания – кавычек).

Скажете: подумаешь, копнул под классика, который тебе ответить не может, и доволен... Нет! Лучше бы, чтоб глаза этого не видели, а уши не слышали. Можно ли по-другому? Можно, конечно, например, вот один из возможных вариантов:

«Какой прогноз у нас сегодня, милый,
С чем ты опять проснулся не в ладу?
**Не понимаю, Господи, помилуй,
Что поутру** имеешь ты в виду?»
Главней всего погода в доме,
Все остальное суета.
Есть я и ты, а всё, что кроме,
Пусть нас с тобой не тронет никогда.

Конечно, это не шедевр, но и сомнительных, по сути, слов «**блажь**», что по всем словарям означает «**дурь**» и всемогущего «**зонта**», с помощью которого все проблемы жизни можно улаживать, тоже нет.

Александр Блок

За «претензии» к этому классику меня могут побить палками и закидать камнями. Ладно, буду защищаться «зонтиком». Есть известное стихотворение А. Блока – «**Незнакомка**». Не касаясь тематики (кабацкая тема) или содержательности (пьянство беспробудное), отмечая великолепный поэтический стиль, остановлюсь лишь на одном куплете, вызвавшем у меня досаду. Ни тема, ни содержание стихотворения, понимая, в какое время и в каком состоянии поэта оно было написано, не вызывают у меня негативного отношения. В конце концов, у Сергея Есенина целый цикл имеется под названием «Москва кабацкая». Вот эти строчки, о которых хочется поговорить:

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу **берег очарованный**
И **очарованную** даль.

Мои «претензии» просты: не может берег быть **«очарованный»**, но можно смотреть на берег **очарованно**. Не может даль быть **очарованной**; она может быть **очаровательной**. Полагаю, не меняя стиля, ритма и сути, этот куплет можно было бы представить, как вариант, таким образом:

И, странной близостью закованный,
Гляжу за тёмную вуаль –
Смотрю на берег очарованно
В очаровательную даль.

Как бы ни относиться к «кабацкой» теме, это стихотворение привлекает своей общей красотой, мелодичностью, широкой картиной мрачной действительности того времени, и перечитывать его можно неоднократно. И каждый раз приходят ассоциации с картиной **«Неизвестная»** художника Ивана Крамского (1883). Тайна «Неизвестной» теперь не является тайной. Эта красавица по имени Софья – любимая дочь Ивана Николаевича, рождённая в 1867 году, также, как и отец, была очень талантливой художницей-портретисткой. Судьба её была сложной, особенно в последний период жизни, когда в декабре 1930 года была репрессирована по обвинению в контрреволюционной пропаганде. Тяжело больную, её отправили по этапу в Иркутск, затем в Красноярск. При заступничестве Екатерины Павловны Пешковой, в марте 1932 года она вернулась в Ленинград, но примерно через год умерла.

Образы «Незнакомки» и «Неизвестной» у меня объединялись и преображались в одно что-то среднее, в результате чего появился такой стих:

Явление

*Открыл альбом. Смотрю на фото.
Ну, что за прелесть! Что за шарм!
Напоминает мне кого-то...
Кого? Увы, не знаю сам.*

*Возможно, страстью околдованный,
Увидел я тебя во сне.
А сон материализованный
Явился наяву ко мне...*

*Случайный кадр. Сюжет случайный.
Не просто подобрать слова.
Мне показалось – ты печальна,
Да и загадочна весьма...*

*Я из альбома вынул фото,
Портрет повесил на стене.
Мечтаю, чтобы ты, всего-то,
Поутру улыбнулась мне.*

Анна Ахматова

Авторитет поэтессы непрекаем, хотя смысловые особенности её поэзии читателями могут восприниматься по-разному. Зная о нелёгкой её собственной жизни, переживаниях в связи с тяжёлой судьбой близких ей людей, мы понимаем, почему печаль, ностальгия, страдания присущи многим её стихам. Стихотворение называется «**Приходи на меня посмотреть**»; к нему прекрасную музыку сочинил композитор Вадим Биберган, а исполнителем романса в одноимённом кинофильме была Елена Камбурова.

Я уже писал, что иногда музыка и исполнительское мастерство настолько впечатляют, что «шероховатости» текста порой и не замечаются. Но если просто почитать стихи, можно «споткнуться» о неожиданную преграду в виде неудачного слова или оборота речи. Вот что меня «зацепило»:

Приходи на меня посмотреть. Приходи. Я живая. Мне больно. Этих рук никому не согреть, Эти губы сказали: «Довольно!»
--

Стихотворение написано в 1912 году от имени одинокой, тяжело больной женщины, которая обращается к ранее любимшему её человеку с

просьбой прийти и пожалеть («посмотреть» – в тексте) её, поскольку жизнь угасает в разлуке. Что касается самой Анны Андреевны, как раз в это время у неё родился сын, Лев Гумилёв, а муж, Николай Гумилёв в это время был далеко и не подавал признаков внимания.

По-видимому, эти стихи родились от безысходности и одиночества, и обращены к мужу, оставившему её с малышом; потому и просит его прийти и **посмотреть**, в каком состоянии она находится и проявить жалость. А дальше – ряд слов с временной несогласованностью: «**посмотреть**», «**не согреть**», «**сказали**».

Жирным шрифтом я выделил неудачные, на мой взгляд, обороты речи и временную несогласованность. Думаю, если бы в выпускном сочинении я что-то подобное написал, вряд ли получил аттестат зрелости. Конечно, критикуя что-то, я должен предложить свой вариант. Вот он:

Приходи, чтоб меня пожалеть. Приходи. Я живая. Мне больно. Этих рук никому не согреть, «Приходи», – губы шепчут невольно.
--

Я знаю: кое-кто, прочтя мои суждения, скажет: «**Руки прочь от классика!**» И будет прав! Да и я так считаю, ибо, написанное пером классика, «не вырубить топором». Здесь я решил поделиться своим восприятием поэзии с читателями – знатоками русского языка, российской словесности, профессионалами по части стихосложения.

Ваенга

Предлагаю посмотреть ещё на один «шедевр»:

Да не важно, что ты сказал,
Ведь не важно что, а как,
Я тебя услышала, я поняла,
Да и ты далеко не **дурак**.
Снова стою одна,
Снова курю, мама, снова,
А вокруг **тишина**,
Взятая за основу.
Блин, какой печальный момент,
Вот как тут не спросить **где стакан?**
Да, вроде бы нашли **пятый элемент**,
Разделив его **напополам**.

Узнаёте? Прекрасно! Привет Ваенге! Я подчеркнул неудачные слова или обороты речи. Даже разбирать не буду. Просто приведу вариант менее «режущий слух»:

Да не важно, что ты сказал,
Ведь **важно не** что, а как,
Я тебя услышала, я поняла
То, что ты далеко не **простак**.
Снова стою одна,
Снова курю, мама, снова,
А вокруг тишина,
Жизни моей основа.
Вот какой печальный момент,
Ну, как тут не спросить: где стакан?
Да, вроде бы нашли **пятый элемент, (?)**
Разделив его **напополам. (?)**

(Последние две строчки вовсе не поддаются коррекции: причём тут 5-й элемент и зачем делить его напополам ради рифмы со стаканом?)

«Бороться и искать, найти и не сдаваться»

Этот лозунг, девиз или призыв, с детства знакомый любому из нашего поколения по роману Вениамина Каверина «Два капитана», не оставлял равнодушным никого. Но я и в детстве сомневался, и сейчас не понимаю, что значит «не сдаваться».

Как и все мои сверстники, в детстве я зачитывался романом, читал и перечитывал отдельные главы (про кино и говорить не приходится!), но всегда что-то цепляло и корбило при упоминании этого благородного девиза «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Я размышлял так: если в результате долгой борьбы и преодоления препятствий, нашёл то, что искал, нужно это **сохранять, беречь, провозгласить** об этом, в конце концов, чтобы все знали! А при чём здесь: «не сдаваться»?

Покопался в интернете и прочёл в википедии, что предшественником этого выражения является строчка «*To strive, to seek, to find, and not to yield*» из стихотворения «Уллис» (1842) английского поэта **Альфреда Теннисона** (1809-1892), которое в прямом переводе выглядит так: «**Стремиться, искать, находить, и не уступить**».

Поэтому мне всегда хотелось уточнить девиз романа путём замены двух слов: «не сдаваться» на одно слово: «сохранять» и тогда девиз будет выглядеть так:

«Бороться и искать, найти и СОХРАНЯТЬ!»

Казусы перевода?

Сейчас я приведу два примера, говорящих о «слепом» следовании привычке в течение более сотни лет, что мы, действительно, не замечаем, к чему мы банально привыкли, даже не отдаём себе отчёта, насколько это нелепо!

Давайте рассмотрим две аббревиатуры, которые давно перестали «мозолить глаза», настолько мы к ним привыкли: **США** и **USA**.

Первая аббревиатура раскрывается так: **Соединённые Штаты Америки**; вторая: **United States of America**, что в точном переводе означает: **Объединённые Штаты Америки (ОША)**. Не соединённые, а **объединённые** Штаты! Всем понятно, что полсотни штатов **не соединились**, а **объединились** в одно государство. Почему везде и всюду (по крайней мере, в русском переводе!) мы говорим и слышим, что эти штаты – **соединённые**?! Непонятно только – чем они соединены, какими ремнями или проводами?

Второй пример – столь же уникальный, а, может, и «круче». Речь пойдёт об известном во всём мире лозунге, который призывал пролетариев всех стран к соединению (опять же, в русском переводе). В «Манифесте Коммунистической партии», изданном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 году, этот призыв выглядит так: «**Proletarier aller Länder, vereinigt euch!**», что в дословном переводе означает: «**Пролетарии всех стран, объединяйтесь!**»

Согласитесь, уважаемые читатели, призыв к пролетариям всех стран к **соединению** является

нелепицей и довольно странен, а к **объединению** – вполне логичен и понятен.

Мне скажут, а кое-кто уже говорит, что, мол, привыкли. Зачем поднимать этот вопрос? Пусть неправильно, но мы же привыкли! В стихах Ларисы Рубальской имеется следующая мудрая мысль: «**Напрасные слова – виньетка ложной сути**». В этой фразе мне хочется изменить одно слово и записать её таким образом:

Иногда привычные слова – не что иное, как « виньетка ложной сути ».

А ведь привычки бывают полезные и вредные, хорошие и плохие. «Привычка» – не всегда идеально полезная категория; иногда использование привычных, «замысленных», по сути – нелепых терминов и слов абсурдно и вредно.

Кстати, в последнее время у всех «на слуху» такая страна: **ОАЭ** – Объединённые Арабские Эмираты... (**не соединённые!**)

О заимствовании иностранных слов

Периодически в нашем обществе поднимается вопрос о необходимости разумного использования иностранных слов в русском языке. Заимствование иностранных слов не является чем-то позорным, недопустимым или предосудительным. В условиях тесных межгосударственных хозяйственных, технологических, научных, культурных и другого рода взаимоотношений это неизбежно. Мы привыкли к

множеству иностранных слов, которые удачно вписались в русскую речь: **парашют, граммофон, балет, жанр, директор, навигация, импорт, экспорт, интернет, сайт** и т.д.

Но, как часто бывает, чрезмерное увлечение модными словами приводит к абсурду или нелепицам. Как вам нравится, например, отвратительно звучащее и широко используемое даже официальными лицами слово «**фэйк**» (ложь, обман), более мягкое, но тоже неблагозвучное «**трэнд**» (курс, направление), тяжеловесное «**коуч**» (наставник, тренер), «**презентация**» (представление, ознакомление), «**инаугурация**» (вступление в должность), «**пролонгация**» (продление), «**шопинг**» (покупка), «**секьюрити**» (охранник), «**бойфренд**» (друг), «**хайп**» (шумиха), «**дайджест**» (обзор), «**паркинг**» (стоянка) и много других подобных слов.

И уж совсем непонятно повсеместное увлечение такими словами, как «**префектура**», «**мэрия**», «**мэр**», «**праймериз**» – даже переводить не хочется!

О «дорожной карте»

Завершая «старческое бурчание» по поводу «терминологических экспериментов» с русским языком, выскажусь по поводу «**roadmap**». В простом переводе это обозначает «**дорожная карта**», а по смыслу – любой «**план мероприятий**». Зачем коверкать нашу речь и мозги в угоду модным иностранным оборотам речи – типа «дорожная карта». Да, привыкнув к использованию простых

иностранных слов типа «**фэйк**», на словосочетании «**roadmap**» споткнулись и решили этот трудно-выговариваемый термин («**роадмап**») произносить на русском языке. А вдумайтесь в смысл! Зачем создавать «**дорожную** карту» по проведению сложной операции на человеческих органах? Зачем в кулинарии создавать «**дорожную** карту» при изготовлении какого-то оригинального салата? Зачем создавать «**дорожную** карту» при планировании удалённых методов обучения школьников в условиях коронавируса? Зачем, зачем, зачем?..
Ведь есть простые и понятные слова:

«ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ»!

Эпилог

На этом долгий антинаучный философско-метафизический рассказ о «**третьем дыхании**», которого в реальности, скорее всего, не существует, однако, по моему субъективно-предвзятому пониманию, это явление всё же наличествовало в моей жизни, да и ныне не покинуло меня, несмотря на глубокую старость, заканчиваю.

Перечитал эту фразу и подумал: «нет ли здесь старческого нытья», – хотя, если задуматься, есть о чём пожалеть. Я могу пожалеть только о быстро летящих днях, неделях, годах. Я не первый, да и не последний, кто не только задумывается о вечном, но и фиксирует свои мысли в устном или письменном варианте. Вот, к примеру, что пишет очень мудрый и известный человек, который на год моложе меня, Валентин Гафт:

Уже подкралась старость близко и время не воротишь вспять. Я в жизни переторопился, а надо было замедлять.

Мне кажется, я тоже всю жизнь спешил куда-то, менял виды инженерной и гуманитарной деятельности, в творческом плане также появлялись разные направления и вдруг – стоп!.. Коронавирус, ограничения, самоизоляция и прочие неудобства.

Возможно, если бы не торопился, не сочинял, не выступал и не строил планы на ближайшее и отдалённое время, которые так неожиданно

рухнули, а жил бы, как большинство, «сегодняшним днём» – готовка – уборка – столовка – рынок – магазин – телевизор – сон, было бы легче пережить эту ситуацию... В то же время,

*Что случилось, то – было,
Ни о чём не жалею,
И другим не советую
Душу терзать.
Исповедую принцип:
Живу, как умею...
И поэтому главное –
Не унывать!*

И ещё, не менее важное: успеть завершить начатое и не оставаться должником. Так, на определённом этапе замысел с выпуском культурно-просветительной газеты «**Радуга жизни**», хотя трудностей на этом пути было немало, всё же состоялся! А о долгах... Были и долги, разные, и в самый неблагоприятный период жизни, и тогда я:

*Не мог дать повода, при том,
Чтоб бросили упрёк мне в том,
Что, дескать, был на нашем свете,
Жил вместе с нами на планете
Необязательный и странный,
Как демон, мрачный и печальный,
В долгах-шелках, костюме «из дыр»,
Как был, ушёл в загробный мир,
Семью оставил без поддержки,*

*Друзьям по бизнесу – издержки».
Но нет, решил я погодить,
И смерть свою не торопить.
Собрался с силами и духом,
Отбросил домыслы и слухи.
С трудом передвигая ноги,
Перемещался понемногу
И возвращал свои долги:*

*Кому-то деньги и расчёты,
Кому-то о делах отчёты,
Просил прощенья за грехи,
Кому-то посвящал стихи...*

Стихов накопилось много и

*Портфель мой набит стихами,
От мыслей гудит голова.
Стихи рифмуются сами,
А мысли рождают слова.*

*Слова наполняют строки
И ровно фиксируют ряд.
В определённые сроки
Все строфы встают, как отряд.*

*Эти отряды в страницах
Место своё занимают, –
Так персонажи и лица
Жизнь свою здесь начинают.*

*Зачем стихи сочиняю?
Зачем я рифмую всегда?*

*Поймут ли меня? Не знаю...
Уйду, не оставив следа?..*

*Что ж делать с моим портфелем?
Писать или бросить писать?
А может, пора, в самом деле,
Собрать это всё и... издать?*

Конечно, надо было издавать, и эта книга, если успею, будет 12-й на моей книжной полке. Последние четверть века занимаюсь редактированием, издательским делом и пишу, пишу, пишу...

*Жизнь моя – в стихах моих...
Ох, немало сочинил я –
И удачных, и плохих,
Но они – мои. В них жил я.*

*Посчитать я их хотел,
Каталог составить, что ли.
Но я здесь не преуспел:
Много их – как ветра в поле.*

*Трудно посчитать стихи,
А ещё труднее – строки.
Мысли и слова сухи,
Но глаза мои промокли.*

*Я считал, считал, считал,
Но совсем со счёту сбился,
И порядочно устал:
Сильно я перетрудился.*

*Вывод делаю сейчас,
Не задумываясь слишком:
Отпечатаю тираж –
Пусть всё будет в моих книжках.*

Голова моя, как тот «портфель», упомянутый выше, заполнена темами, стихами, мелодиями, идеями и замыслами. Не оставлять же всё это в черепной коробке, хочется успеть зафиксировать на бумаге или рассказать «вживую».

Мне хочется привести здесь мудрые слова, высказанные академиком **Виталием Гинзбургом** незадолго до смерти в своём последнем интервью, в возрасте 93 лет:

«Вообще, это черт знает, что такое!
Человек живёт так мало! Ну, разве это
дело – какая-то сотня лет! Голова ещё
прекрасно соображает, сознание ясно, а
тело уже никуда не годится, и надо
умирать...»

Не буду анализировать мысли академика применительно к себе, оставлю цитату в оригинале и без комментариев. В то же время, не исчезают из памяти ни есенинское: **«Я теперь скупее стал в желаньях, жизнь моя, иль ты приснилась мне?»**, ни пушкинское:

**«О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою».**

Ностальгические мотивы и меня привели к написанию своей песенной «осени» с падающими листьями:

Осень моя...

- 1 -

*Листья осенние –
Жёлтые, дряблые...
Ветки не держат вас –
Может быть, слабые?
Или больными вы
Стали и вялыми,
Или устали вы,
Стали вы старыми?*

- 2 -

*Вы, никому уже
Больше не нужные,
Падая с дерева,
Медленно кружитесь,
Будто хотите вы
В ветвях задержаться,
Чтоб на земле сырой
Не оказаться.*

- 3 -

*Осень пришла моя
Как-то нежданно,
Без объявления,
Предупреждения...
Будто нечаянно –
Нервно, отчаянно,
Сбросив листву свою,
Плачет покаянно.*

- 4 -

*Жизнь моя долгая!
Жизнь моя сложная!
Годы промчались все,
Неосторожные.
Осень пришла моя,
Думы навеяла...
Листья попадали...
Года улетели...*

Итоги «дыхательного» марафона

В конце книги сделаю попытку обобщить, насколько мои философско-метафизические, субъективно-индивидуалистские рассуждения, изложенные в первых главах, справедливы и, действительно, имели место в моей жизни.

Нулевое дыхание

На этом этапе – детство, школа, институт – рос, как и все, набирался сил и ума. Стремился скорей вырваться в самостоятельную взрослую жизнь, быть ответственным за себя и свои поступки. Ничего не придумал, ничего не создал, только впитывал знания.

Первое дыхание

Север. Тундра. Норильск. Ветра, снега и холода. Климат крайне суровый, субарктического типа. Зимой температура в январе опускается ниже минус 40 градусов. С начала декабря до середины

января длится полярная ночь. Лето короткое и холодное, отдельные дни бывают жаркими. Средняя температура летом в июле составляет + 13 градусов, при максимальных суточных значениях около + 30. С середины мая до середины июля длится полярный день, когда солнце не заходит за горизонт ни днём, ни ночью.

В этих суровых климатических условиях, после привычной питерской погоды, началась моя адаптация к совершенно новому образу жизни. Здесь хочу заметить, что полярный день переносится тяжелее, чем полярная ночь, хотя бы потому, что для отдыха окна надо тщательно закрывать непроницаемыми для яркого солнца шторами.

Несмотря на трудности быта, особенно на первых порах, я с энтузиазмом включился в работу и изучение района и вскоре почувствовал состояние **свободы** (независимость от кого-либо) и **ответственности** (обязательность перед кем-то). Я, действительно, ощущал необыкновенную лёгкость – то, что я сейчас отношу к фазе «**первого дыхания**».

Это состояние продолжилось и дальше, когда работал в московских проектных институтах, неоднократно бывал в разных концах страны, и всегда ощущал благостное состояние свободы и ответственности. И так работалось с увлечением – до самой пенсии и всё на том же, «**первом, свободном, дыхании**».

Второе дыхание

Ещё до выхода на пенсию я стал на общественных началах сотрудничать с редакцией литературного журнала «Юность». Ситуация была очень тяжёлой: тиражи журнала стремительно снижались и надо было искать способы экономии и привлечения средств, чтобы журнал не прекратил своё существование.

Потребовалось время для ознакомления со спецификой работы в редакции и понять, в чём проблемы и что возможно сделать. Одновременно со снижением тиража соответственно уменьшался бюджет. Нужно было найти пути экономии денег. Но не так-то легко было преодолеть **привычные стереотипы**. Например, в течение многих лет журнал выходил на 96 полосах, с цветными обложками и цветными вкладками. Одно из первых предложений состояло в том, чтобы отказаться от цветных вкладок. Второе – уменьшить количество полос до 80 или 64. Было предложено сдваивать номера, то есть выпускать журнал один раз в два месяца, и кое-что ещё. Конечно, эти предложения вызвали возмущение и, поначалу, категорическое отрицание. Но со временем руководство редакции вынуждено было согласиться с этими предложениями, и журнал продолжал выходить без задержек, хотя и с уменьшенным количеством полос. Смена обстановки, характера работы, круга общения захватили меня всецело! Это было – **«второе дыхание»!**

Следующим этапом, при поддержке руководства редакции, было создание и выпуск культурно-просветительной экологической газеты «Радуга жизни». С газетой начали сотрудничать большое число авторов, специалистов в разных областях – учёных, инженеров, архитекторов, изобретателей, медицинских работников, артистов, поэтов, спортивных деятелей. Мне было легко, дышалось свободно и уверенно, и это тоже было «второе дыхание». Была некая эйфория!

Третье дыхание

Это не новость: мы живём в чередовании белых и чёрных полос. Такая чёрная полоса у меня возникла примерно в 2002 году, когда всё чаще подавало тяжёлые сигналы сердце. Я стал часто попадать в больницы, откуда через три недели, как положено, выписывался, выходил «на волю», так и не получив конкретной информации о диагнозе. Подозревали остеохондроз и направляли на массаж. Искали причину в желудке и регулярно предлагали глотать гастроскопическую трубку. Ставили общий диагноз – «ишемическая болезнь» и при этом успокаивали:

– Это болезнь возрастная, надо как-то приспособливаться, люди живут с ней долгие годы. Главное – соблюдайте режим, больше бывайте на воздухе, правильно питайтесь.

Лишь в конце 2004 года, совершенно случайно, очередной раз на «скорой» попав в больницу, я узнал причину недомогания. Здесь не

стоит описывать ситуацию, потому что об этом подробно рассказано в поэме «Судьба и Случай», изданной отдельной книгой в 2012 году. Трёхлетняя чёрная полоса сменилась на светлую уже в Израиле после того, как мне сделали удачную операцию на сердце с заменой митрального клапана. Но не сразу я почувствовал потребность и возможность заняться чем-то активно.

В Израиль я привёз три поэтических сборника и в Общинном доме города Пардес-Хана, где я проживал в первое время, начал встречаться с людьми и читать им стихи и отрывки из поэм. Потом было несколько выступлений перед публикой не только с чтением стихов, но и с рассказом о журнале «Юность». Не могу сказать, что в этот период уже начал чувствовать какие-то сигналы о появлении «свободного» творческого дыхания. Да я ничего подобного не ожидал и не думал об этом. Робкий намёк на нечто подобное появился позже, когда я переехал в соседний город Хадеру, где начал сотрудничать с музеем «Энергия мужества», который создал и возглавил военный историк **Давид Зельвенский**. Там же начались мои публичные выступления с чтением стихов и рассказами о журнале «Юность» и о газете «Радуга жизни».

«Третьего дыхания» я ещё не чувствовал. Но вот, по житейским обстоятельствам, переехал в приморский город Нетания, где сразу «окунулся» в творческую атмосферу Общинного дома. Появилось ощущение постоянно «углубляющегося» «свободного», так называемого «третьего дыхания».

В самом деле, здесь, в Нетании:

- сначала начались довольно регулярные выступления в Общинном доме;
- одновременно сам начал проводить литературно-музыкальные вечера в клубе «Атид»;
- в это же время посещал и выступал в «поэтических встречах», которые организовала и в течение 20 лет проводила Зина Гальперина;
- выпустил 8 книг, в том числе две объёмом по 350 страниц;
- отредактировал и выпустил около десятка книг для других авторов;
- появилось около трёх десятков мелодий на собственные стихи;
- композитор **Михаил Дикер** сочинил музыку на несколько моих стихов, подготовил исполнителей и на своих творческих вечерах показывал эти песни. Исполнителями были **Любовь Флягина**, **Эдуард Дикер** и **Валерий Штейнберг**;
- опубликовал три статьи в 64-полосном еженедельнике «Секрет» о недопустимости использования некорректной терминологии в публичной политической и общественной риторике.

Всё перечисленное свидетельствует о возникновении и наличии свободного энергичного дыхания, которое, по моей классификации, можно отнести к фазе «**третьего дыхания**».

Многие свои мысли в стихах и в устных выступлениях мне удалось реализовать и озвучить. Вопрос – что из этого достигло души слушателя и что в памяти у него осталось?

Закрываю книгу самым важным и дорогим
для меня небольшим стихотворением:

Вне поэзии

*Я вне поэзии жить не могу,
Наверное, не всё ещё сказал.
Я рифм своих совсем не берегу:
В пространстве легковесно разбросал.*

*Всё жду и жду – придут ли времена,
Когда меня признают и поймут
И брошенные щедро семена
Зелёными побегами взойдут?..*

*И если есть в них хоть одно зерно,
Чтобы его за истину принять,
Пускай дойдёт к читателю оно
И принесёт кому-то благодать.*

*Я вне поэзии жить не могу...
Хоть сочинять я прежде не мечтал,
Но мысли, рифмы плещутся вокруг!..
Я просто их собрал и... записал.*

Как без поэзии жить? Не могу!..

<i>...ничто несравнимо с красотами</i> (Стихи)	
<i>С нивелиром в руке, с рюкзаком</i> (Стихи)	
<u>О «втором дыхании»</u>	
<u>О «третьем дыхании»</u>	
Глава 5. Война. Эвакуация и	
возвращение	46
5.1. Дорога на восток	46
<i>Походный быт, питание скудно</i> (Стихи)	
<u>Москва</u>	50
<i>Москва мне показалась строгой</i> (Стихи)	
<u>Куня-Ургенч (Туркмения)</u>	51
<i>Что для меня там характерно?</i> (Стихи)	
<i>Прошло полвека с тех времён</i> (Стихи)	
5.2. Возвращение. Дорога на запад	56
<i>В безжизненной пустыне</i> (Стихи)	
<i>Мы спокойно погрузились</i> (Стихи)	
<u>Ямполь</u>	62
<i>День Победы</i> (Стихи)	62
<i>По ночам...</i> (Песня)	64
5.3. Несколько лет «оседлости»	65
<u>Одесса</u>	65
<i>Я когда-то жил в Одессе</i> (Стихи)	
<i>Одесса славится обманом</i> (Стихи)	
<u>Вознесенск</u>	71
<i>Чем же город знаменит?</i> (Стихи)	
<i>Я о пространстве размышляю</i> (Стихи)	
5.4. И снова – на восток	77
<i>Однажды утром хмурым</i> (Стихи)	
<i>... мы на свой багаж уселись</i> (Стихи)	
<u>Советская Гавань. Ванино</u>	83
<i>Здесь я море полюбил</i> (Стихи)	
<i>Ванинский порт</i> (Песня)	
Глава 6. На невских берегах	87
6.1. Вновь на запад путь лежит	87

<u>В Питер, в Питер!..</u>	
<i>Я собрался в Ленинград</i> (Стихи)	
<i>Долгий путь между вокзалами</i> (Стихи)	
<u>Утро доброе...</u>	
<i>Утром прибыл в Ленинград</i> (Стихи)	
<u>Безуспешные попытки</u>	
<i>Отказы</i> (Стихи)	
<i>В жизни поворот</i> (Стихи)	
<i>Я три ВУЗа посетил</i> (Стихи)	
6.2. Гидромет	96
<i>Ночи белые</i> (Стихи)	
6.3. Приобщение к природе. Даймище	98
<i>Вблизи от питерских болот</i> (Стихи)	
<i>С походной мензурой в мешке</i> (Стихи)	
<i>Шалаи – наш дом</i> (Стихи)	
<i>Красота – во всём</i> (Стихи)	
6.4. Романтика Севера	102
<i>Ни о чём не жалею...</i> (Песня)	
6.5. Такие судьбы разные	105
<u>Эрик Палагин</u>	106
<u>Вася Крюков</u>	111
<i>Загадочный студент</i> (Стихи)	
<u>Грета Винер</u>	115
<i>В памяти сберець</i> (Стихи)	
6.6. Что же, всё-таки, неясно в этом городе прекрасном?	120
<u>Главный питерский памятник</u>	
<i>Что подало ему весть...</i> (Стихи)	
<u>О названии города</u>	
<u>Где памятнику быть?</u>	
Глава 7. Норильский период («первое дыхание»)	127
7.1. Путь на Север	127
<i>Маршрут на Север</i> (Стихи)	

<i>Дорога к Северным сияниям</i> (Стихи)	
<i>Ещё запомнилось нам это</i> (Стихи)	
7.2. «Не ждали...»	132
7.3. Норильский масштаб	133
<i>Здесь город заложен</i> (Стихи)	
<i>Мои обязанности</i> (Стихи)	
7.4. Северные рассказы	138
<u>Солнечный ожог</u>	138
<i>Охота</i> (Стихи)	
<u>Как я в тундре заплутал</u>	143
<i>В тундре</i> (Стихи)	
<u>Два голоса</u> (Стихи)	149
<u>Будни гидролога</u>	150
<i>Был эпизод в студёну пору</i> (Стихи)	
<i>Я жил в Норильске</i> (Стихи)	
<i>Норильск дал опыт</i> (Стихи)	
Глава 8. Журнал «Юность» («второе дыхание»)	156
8.1. «Артистический» опыт	157
8.2. Круг общения	158
8.3. Газета «РАДУГА ЖИЗНИ»	160
<u>О концепции газеты</u>	161
<u>Чем же мы не угодили?!</u>	163
<i>Зависть чёрная</i> (Стихи)	
<u>Курьёзы</u>	166
Встреча с Ельциным	
Отец Александр	
<u>Краткое содержание</u>	
<u>тематических выпусков газеты</u>	168
Тема: «Дом и семья»	
Тема: «Образование и воспитание»	
Тема: «Культура и искусство»	
Тема: «Медицина и здоровье»	
Тема: «Работа и отдых»	

Тема: «Физическая культура и спорт»	
Тема: «Гармония и экология»	
8.4. Альманах «Третье дыхание»	174
<i>Ну и времечко...</i> (Стихи)	177
Глава 9. Когда пришло «третье дыхание»	183
<i>Я снова дома</i> (Стихи)	
9.1. Переезд в Израиль	184
<u>Пардес Хана</u>	184
<i>Гранит науки</i> (Стихи)	
<u>Хадера</u>	186
<i>С юбилеем, Давид!</i> (Стихи)	
«От Пушкина до Высоцкого»	189
<i>Февраль, 1837</i> (Стихи)	191
<i>Владимир</i> (Стихи)	193
<i>Семейный диалог</i> (Песня)	194
Последняя встреча	197
<i>Скучаю, скучаю...</i> (Стихи)	197
<i>Юбилей в полсотни лет</i> (Стихи)	200
<i>Ностальгия жизни</i> (Стихи)	202
<i>Я любил...</i> (Песня)	204
<u>Нетания</u>	206
<i>По берегу моря, в Нетании</i> (Стихи)	
<i>Утренняя прогулка</i> (Стихи)	
«Пушкин на иврите»	209
«Встречи с интересными людьми»	213
Фотогалерея различных выступлений	216
Творческий вечер «Транзит по жизни»	
в Нетании (27 марта 2017 года)	218
Последний вечер, юбилейный...	221
<i>Был год тридцать четвёртый</i> (Стихи)	
<i>С меня теперь не много спросу</i> (Стихи)	
<i>Метроном</i> (Песня)	226
<i>Почему мы не пара</i> (Песня. Обращение к женщине)	231
<i>Нет ответа</i> (Песня. Ответ женщины)	232

<i>Размышления на берегу Средиземного моря в Нетании о мелких радостях</i> (Песня)	234
Глава 10. Неподсудность классики?	238
Несколько досадных примеров	239
<u>Михаил Танич</u>	240
<u>Александр Блок</u>	241
<i>Явление</i> (Стихи)	243
<u>Анна Ахматова</u>	244
<u>Ваенга</u>	246
<u>«Бороться и искать, найти и не славаться»</u>	247
<u>Казусы перевода?</u>	248
<u>О заимствовании иностранных слов</u>	249
<u>О «дорожной карте»</u>	250
 Эпилог	252
<i>Что случилось, то – было</i> (Стихи)	253
<i>Не мог дать повода</i> (Стихи)	253
<i>Портфель набит стихами</i> (Стихи)	254
<i>Жизнь моя – в стихах</i> (Стихи)	255
<i>Осень моя...</i> (Песня)	257
Итоги «дыхательного» марафона	258
<u>Нулевое дыхание</u>	
<u>Первое дыхание</u>	
<u>Второе дыхание</u>	
<u>Третье дыхание</u>	
<i>Вне поэзии</i> (Стихи)	264

Феликс Мазур

**«ТРЕТЬЕ
ДЫХАНИЕ»**

Издательство PRINT ABC
www.printabc.co.il

Нетания
2020

Ранее изданные книги:

- 1/ Ф. Мазур. Радуга жизни (Семидужие),**
стихи, Москва, 2004
- 2/ Ф. Мазур. Палитра жизни (мини-поэмы),**
Москва, 2005
- 3/ Ф. Мазур. Транзит по жизни (поэма),**
Москва, 2005
- 4/ Л. Большакова-Мазур, Ф. Мазур.**
Стихи в ночной тиши, Израиль, 2010
- 5/ Г. Мазур. Стихи разных лет,**
Израиль, 2010
- 6/ Ф. Мазур. Транзит по жизни. Судьба и**
Случай, (поэма), Израиль, 2011
- 7/ Ф. Мазур. Дороги жизни (стихи),**
Нетания, 2012
- 8/ Ф. Мазур. Откровения на рыбалке**
(Лирикодраматическое повествование),
Израиль, 2013
- 9/ Ф. Мазур. Мелодии жизни. Стихи,**
Нетания, 2014
- 10/ Ф. Мазур. Куда зовёт труба... («Что наша**
жизнь?!»). Воспоминания и размышления,
Нетания, 2017
- 11/ Ф. Мазур. Земля Святая вдохновила...**
Нетания, 2019

